

ISSN 2072-3156 (PRINT)

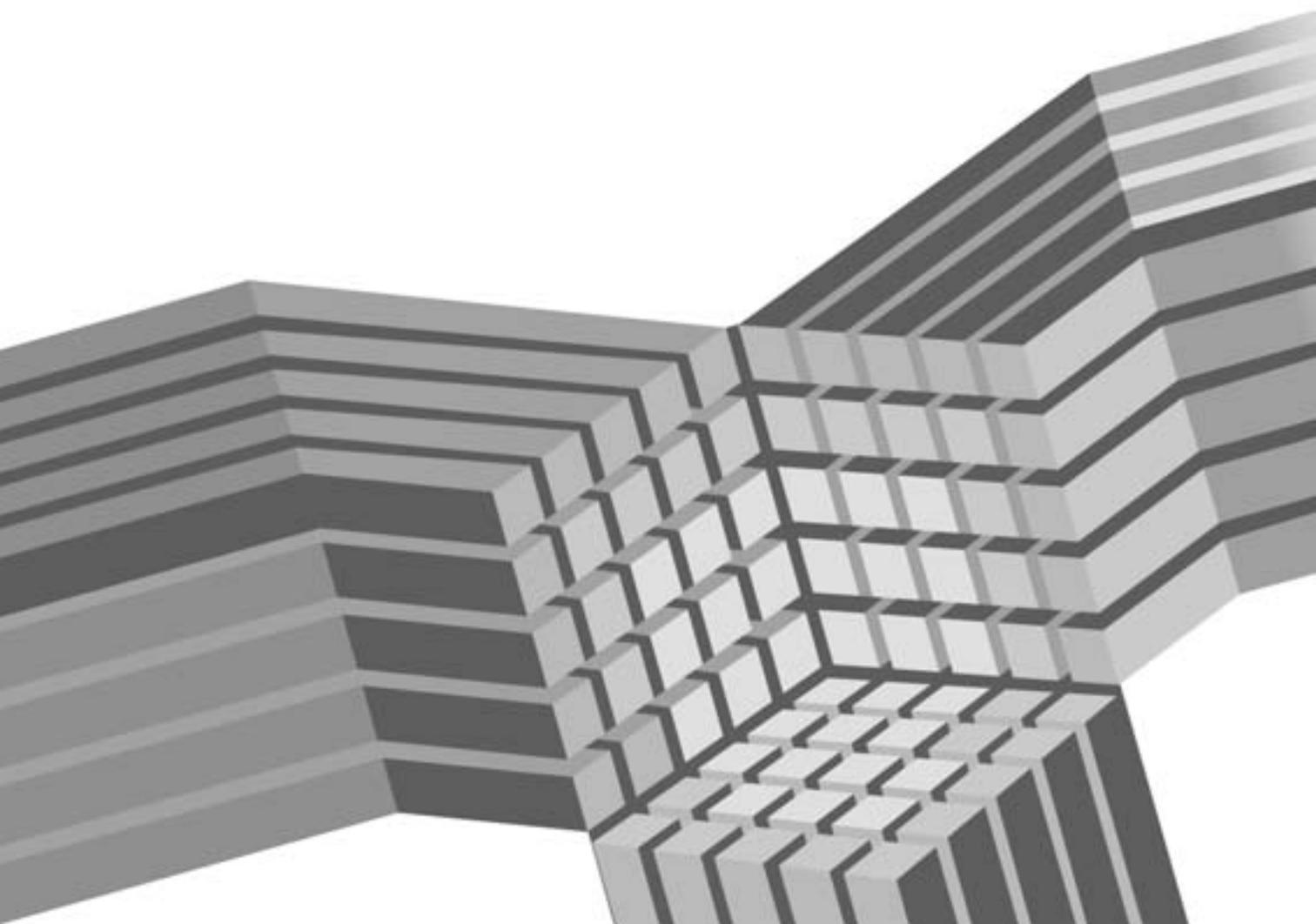
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15

5/2018

OBSERVATORY
OF CULTURE

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Отдел периодических изданий
Российской государственной библиотеки

Никонорова Екатерина Васильевна,
главный редактор, доктор философских наук, профессор

Шибяева Екатерина Александровна,
заместитель главного редактора —
ответственный секретарь

Гаджиева Анна Аркадьевна,
заместитель заведующей отделом
периодических изданий — заместитель
главного редактора

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Астафьева Ольга Николаевна,
доктор философских наук, профес-
сор, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва)

Дианова Валентина Михайловна,
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)

Дуков Евгений Викторович,
доктор философских наук, кандидат
искусствоведения, профессор, Госу-
дарственный институт искусствознания
(Москва)

Егоров Владимир Константинович,
доктор философских наук, кандидат
исторических наук, профессор, заслу-
женный деятель науки Российской Феде-
рации, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва)

Зверева Галина Ивановна,
доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитар-
ный университет (Москва)

Кириллова Наталья Борисовна,
доктор культурологии, профессор,
Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Любимов Борис Николаевич,
кандидат искусствоведения, заслужи-
женный деятель искусств Российской Феде-
рации, профессор, Высшее театральное
училище (институт) им. М.С. Щепкина
(Москва)

Никонорова Екатерина Васильевна,
главный редактор, доктор философских наук, профессор, Российская госу-
дарственная библиотека (Москва)

Разлогов Кирилл Эмильевич,
доктор искусствоведения, профессор,
НИИ киноискусства, Всероссийский
государственный университет кинемато-
графии им. С.А. Герасимова (Москва)

Рубинштейн Александр Яковлевич,
доктор философских наук, кандидат
экономических наук, профессор, за-

служенный деятель науки Российской
Федерации, Институт экономики РАН,
Государственный институт искусствозна-
ния (Москва)

Румянцев Олег Константинович,
доктор философских наук (Москва)

Рязанова-Кларк Лара,
PhD по филологии, член Королевского
лингвистического общества, Центр
русской культуры им. Е. Дашковой, Эдин-
бургский университет (Великобритания)

Самарин Александр Юрьевич,
доктор исторических наук, доцент,
Российская государственная библиотека
(Москва)

Синецкий Сергей Борисович,
доктор культурологии, доцент, Челябин-
ский государственный институт культуры
(Челябинск)

Сиповская Наталия Владимировна,
доктор искусствоведения, Государствен-
ный институт искусствознания (Москва)

Федоров Виктор Васильевич,
председатель Редакционного совета, кан-
дидат экономических наук, Российская
государственная библиотека (Москва)

Фёрингер Маргарет,
PhD по истории искусств, Центр лите-
ратурных и культурных исследований
(Берлин, Германия)

Флиер Андрей Яковлевич,
доктор философских наук, профессор,
почетный работник высшего профес-
сионального образования Российской
Федерации, Российский научно-иссле-
довательский институт культурного и
природного наследия им. Д.С. Лихачева
(Москва)

Хромов Олег Ростиславович,
доктор искусствоведения,
действительный член Российской
академии художеств, Московская Ду-
ховная академия Русской Православной
Церкви (Сергиев Посад)

Шлыкова Ольга Владимировна,
доктор культурологии, профессор,
Арктический государственный институт
культуры и искусств (Москва, Якутск)

Штейнер Евгений Семенович,
доктор искусствоведения, Национальный
исследовательский университет Высшая
школа экономики (Москва); Центр по
изучению Японии при Школе востоко-
ведения и африканистики Лондонского
университета (Великобритания)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Отдел периодических изданий
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия
тел.: +7 (499) 557-04-70,
доб. 11-75
e-mail: observatoria@rsl.ru
http://observatoria.rsl.ru

EDITORIAL BOARD

Editor in Chief

Ekaterina V. Nikonorova,
Doctor of Philosophical Sciences

Deputy Editors in Chief

Ekaterina A. Shibaeva
Anna A. Gadzhieva

EDITORIAL COUNCIL

Olga N. Astafieva (Moscow)
Valentina M. Dianova (St. Petersburg)
Evgeny V. Dukov (Moscow)
Vladimir K. Egorov (Moscow)
Galina I. Zvereva (Moscow)
Natalia B. Kirillova (Ekaterinburg)
Boris N. Lyubimov (Moscow)
Ekaterina V. Nikonorova (Moscow)
Kirill E. Razlogov (Moscow)
Alexander Ya. Rubinstein (Moscow)
Oleg K. Roumyantsev (Moscow)
Lara Ryazanova-Clarke (Edinburgh, UK)
Aleksandr Yu. Samarina (Moscow)
Sergey B. Sinetskii (Chelyabinsk)
Natalia V. Sipovskaya (Moscow)
Victor V. Fedorov (Moscow)
Margaret Vöringer (Berlin, Germany)
Andrei Ya. Flier (Moscow)
Oleg R. Khromov (Sergiev Posad)
Olga V. Shlykova (Moscow, Yakutsk)
Evgeny S. Steiner (Moscow, Russia; London, UK)

**Certificate of the mass information media
registration**

ПИ № 77-16687, date 10.11.2003
Published since 2004

Founder and Publisher

Russian State Library

Address

Journal Publishing Department
Vozdvizhenka St., 3/5
Moscow, 119019, Russia
tel.: +7 (499) 557-04-70, ext 11-75
e-mail: observatoria@rsl.ru
http://observatoria.rsl.ru

ISSN 2072-3156 (PRINT)
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15

5/2018

OBSERVATORY
OF CULTURE

Научный рецензируемый журнал «Обсерватория культуры» издается Российской государственной библиотекой с 2004 года. С 2016 г. выпускается в томах, введена сквозная нумерация страниц. 2018 год является 15-м годом выхода издания, что отражается в номере тома.

«Обсерватория культуры» публикует оригинальные, не издававшиеся ранее научные статьи и иные материалы научного характера по культуре и искусству в соответствии с тематикой основных разделов по следующим отраслям науки и группам специальностей:

- ◆ 09.00.00 Философские науки;
- ◆ 17.00.00 Искусствоведение;
- ◆ 24.00.00 Культурология.

С 2007 г. входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации.

Включен в Российский индекс научного цитирования и публикует в открытом доступе метаданные статей и списки источников на русском и английском языках.

Официальный сайт: <http://observatoria.rsl.ru/>

The peer-reviewed scholarly journal «Observatory of Culture» has been published by the Russian State Library since 2004. In 2016, the journal started to be issued in volumes with continuous page numbering. 2018 is the 15th year of the journal's publishing, which is indicated in the number of volume.

The Editorial Staff accepts only original research papers and other research materials on culture and arts, which have never been published elsewhere and comply with the main subject sections. The main researching areas of the journal are:

- ◆ Philosophical Science;
- ◆ Art Studies;
- ◆ Cultural Science.

For more information, see the official site of the journal:
<http://observatoria.rsl.ru/>

ОБСЕРВАТОРИЯ
КУЛЬТУРЫТОМ 15
5/2018
OBSERVATORY
OF CULTURE

КОНТЕКСТ

- Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкova О.В.** Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития516
- Савицкая Т.Е.** Сдвиг парадигм: библиотеки в контексте цифровых гуманитарных наук (зарубежный опыт)532

КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

- Аскарова В.Я., Синецкий С.Б., Цукерман В.С.** Стимулы чтения в системе социокультурной регуляции читательской деятельности542

В ПРОСТРАНСТВЕ ИСКУССТВА
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Кириллова Н.Б.** Гуманистические принципы Чингиза Айтматова в экранной интерпретации: диалог культур556
- Сапожникова Ю.Л.** Человек в антиутопическом мире: подходы У. Голдинга и К. Маккарти566

НАСЛЕДИЕ

- Дегтярев В.В.** Готическое возрождение и возможность «выживания» готики576

ИМЕНА. ПОРТРЕТЫ

- Завьялова А.Е.** Произведения А.С. Пушкина в графике М.В. Добужинского584
- Берестовская Д.С.** Философско-этические интенции героического в раннем творчестве Л.Н. Толстого592
- Остроумова Т.О.** Журнал «Новый мир» А.Т. Твардовского в мемуарах599

ORBIS LITTERARUM

- Попова О.Д.** Читательский интерес семинаристов в период общественного подъема во второй половине XIX — начале XX века608
- Научное цитирование: РИНЦ, Web of Science, Scopus621

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

- Белозор А.Ф.** Малый исторический город как объект культурного наследия622
- Аббасова Г.Э.** Неизвестные страницы творческой командировки Петра Староносова и Николая Котова на Памир в 1932 году632

К сведению авторов

- Требования к информации и статьям, предоставляемым для публикации в журнале «Обсерватория культуры»640

CONTENTS

OBSERVATORY of CULTURE

VOL. 15

5/2018

ОБСЕРВАТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

CONTEXT

- Astafyeva O.N., Nikonorova E.V., Shlykova O.V.** Culture in the Digital Civilization: A New Stage in Understanding the Future Strategy for Sustainable Development516
- Savitskaya T.E.** Paradigm Shift: Libraries in the Context of Digital Humanities (Foreign Experience)532

CULTURAL REALITY

- Askarova V.Ya., Sinetsky S.B., Tsukerman V.S.** Incentives for Reading in the System of Socio-Cultural Regulation of Reading Activity542

IN SPACE OF ART AND CULTURAL LIFE

- Kirillova N.B.** Chinghiz Aitmatov's Humanistic Principles in On-Screen Interpretations: A Dialogue of Cultures.....556
- Sapozhnikova Yu.L.** Human in a Dystopian World: The Approaches of W. Golding and C. McCarthy566

HERITAGE

- Degtyarev V.V.** Gothic Revival and the Possibility of "Gothic Survival"576

NAMES. PORTRAITS

- Zavyalova A.E.** A.S. Pushkin's Works in the Graphics of M.V. Dobuzhinsky584
- Berestovskaya D.S.** Philosophical and Ethical Intensions of the Category of Heroic in L.N. Tolstoy's Early Works592
- Ostroumova T.O.** Aleksandr Tvardovsky's Journal "New World" in Memoirs599

ORBIS LITTERARUM

- Popova O.D.** The Reader's Interest of Seminarians during the Period of Social Rise in the Second Half of the 19th – Early 20th Century608
- Science Citation: Russian Science Citation Index, Web of Science, Scopus621

JOINT OF TIME

- Belozor A.F.** Small Historic Town as an Object of Cultural Heritage622
- Abbasova G.E.** Unknown Pages of Pyotr Staronosov and Nikolay Kotov's Artistic Trip to the Pamir Mountains in 1932632

Information for Authors

- Requirements to Information and Articles Submitted for Publication in Observatory of Culture Journal640

Ольга Владимировна Шлыкова,

Арктический государственный институт культуры и искусств,
кафедра библиотечно-информационной деятельности и гуманитарных дисциплин,
профессор
Орджоникидзе ул., д. 4, Якутск,
Республика Саха (Якутия), 677000, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Институт государственной службы и управления,
Научно-образовательный центр «Гражданское общество и социальные коммуникации»,
заместитель директора
Вернадского просп., д. 82, стр. 1,
Москва, 119571, Россия

доктор культурологии, профессор
E-mail: OlgaShlykova@yandex.ru

Реферат. Современная ситуация определяется множественностью неопределенностей социального, экономического, экологического и технологического характера, вызывающих неустойчивость развития и формирующих новый этап общественного развития, который условно принято называть цифровой цивилизацией. Многозначность трактовки и интерпретации этого термина отражается и на его производных, что в полной мере относится к понятию цифровой экономики.

Развитие цифровой инфраструктуры, переход на сетевые принципы коммуникации, персонализация Интернета выступают факторами, меняющими этические принципы и основания социокультурного взаимодействия. Вопрос об индивидуальных и коллективных культурных практиках и моделях поведения, базирующихся на новой иерархии ценностей, приобретает особую актуальность в социально-гуманитарном знании. Инсценирование доверия и уязвимость свободы в информационном обществе свидетельствуют о переходе общества в новое качество — «нормальной аномии».

Цель настоящего исследования — на основании анализа научных проектов, документов, некоторых прогнозов и сценариев развития цифровой экономики и ее социальных последствий попытаться проследить отражение

связи цифровой экономики с культурой, выявить пути, отражающие включенность культуры в программы развития цифровой экономики. Между тем культура может рассматриваться в контексте этих программ в качестве элемента инфраструктуры, и институционального контура, выступать как часть человеческого и технологического капитала.

Идеи авторов статьи концентрируются вокруг поиска оснований трансформационных изменений, происходящих в научных исследованиях, образовательных и культурных практиках, обладающих потенциалом для формирования устойчивого культурного контекста цифровой цивилизации, который будет поддерживаться с целью предотвращения давления техногенных процессов, ведущих к «дегуманизации» развития.

В прикладной части исследования раскрывается один из аспектов «цифровой культуры» — ее способность насыщать сетевые мультимедийные пространства смыслами и ценностями. Это повышает требования к качеству информации на открытых национальных ресурсах культуры — сайтах библиотек, культурно-досуговых центров, музеев, ведомственных порталов.

Особое внимание уделено в статье анализу согласованности задач по научно-техническому и технологическому «прорыву» с гуманистическими ценностями развития на начальном этапе внедрения проекта «цифровой экономики России». Эти трансформации требуют формулирования четкой и ясной позиции сообщества относительно гуманистического императива развития цифровой экономики и цифровой цивилизации в России и мире. На этом этапе еще можно определить, какая корректировка этого проекта необходима: частичная или основательная, чтобы не оказаться в ситуации ценностно-смыслового хаоса, не потерять главное — социокультурную человеческую составляющую очередного этапа epochальных изменений. Необходима общественная экспертиза Программы развития цифровой экономики в России, более скоординированная, целенаправленная деятельность гражданского общества по сохранению культурного и человеческого капитала.

Ключевые слова: цифровая цивилизация, цифровая культура, цифровая экономика, цифровая инфраструктура, междисциплинарность, устойчивое развитие.

Для цитирования: Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 516–531. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531.

Множество идей и предположений высказывается сегодня специалистами из разных областей знаний относительно будущего цифровой эпохи, в которую вступило человечество. Все очевиднее проявляется концептуальный вызов междисциплинарности, обусловленный потребностями в изучении нового явления — цифровой культуры, переживающей сложнейший период своего становления. С одной стороны, возникает уникальная возможность осмысления зарождающегося феномена, когда комплексные исследования еще немногочисленны, а междисциплинарные интерпретации цифровой культуры практически отсутствуют. С другой стороны, нынешний этап ее изучения связан с огромными рисками: либо описывать явление в строго рациональном дискурсе естественнонаучного знания, в том числе технического модуля, либо «рассеять» объект между известными социально-гуманитарными дисциплинами (философия, социология, культурология, антропология, экономика и др.), отказавшись от принципов междисциплинарного мышления, ориентированного на постижение ее целостности и сложности.

Происходит формирование новых культурных практик информационно-коммуникативного характера, которые вносят качественные изменения в характеристики развивающегося социума в цифровых сетях [1], где по-иному понимается свобода индивида, его культурная самоидентификация и возможности самореализации в виртуальных средах [2].

Рождается новый стиль коммуникации, высвечивающий такие ее особенности, как независимость, эмоциональная и интеллектуальная открытость, ориентация на инновации; появление нового типа нелинейного, личностно-центрированного познания картины мира; конструирование принципиально новых интеллектуальных возможностей и новых структур «умных» городов; создание в интернет-пространстве новых путей формирования идентичности и индивидуальности, приводящих к росту самоуважения и самооценности; формирование новых политических и экономических ценностей: высокой толерантности, глобальной ориентированности, социальной и гражданской ответственности и т. п.

Цель настоящего исследования — на основании анализа научных проектов, документов, некоторых прогнозов и сценариев развития цифровой экономики и ее социальных последствий попытаться проследить отражение связи цифровой экономики с культурой, выявить пути, отражающие включенность культуры в программы развития цифровой экономики. Между тем культура может рассматриваться в контексте этих программ в качестве элемента инфраструктуры, и институционального контура, выступать как часть человеческого и технологического капитала.

В статье нами предлагается ответить на все возрастающий интерес к понятию цифровой культуры, как уникального культурно-цивилизационного феномена, выступающего объектом исследования. Исходя из того, что цифровая культура способна кардинальным образом повлиять на смыслы и ценности бытия, изменить соотношение между специализированным и повседневным уровнями культуры общества, внести существенные коррективы в образ и стиль жизни, ее изучение выходит за рамки сугубо теоретического исследования. Более того, прикладные аспекты, в силу недостаточной изученности самого объекта, актуализируют поиски предмета, подсказываемого нам установками общепризнанных концепций — междисциплинарного диалога, устойчивого развития [3], ориентированных на согласование разноректорных тенденций в культуре, технологиях, экономике.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Термин «цифровая цивилизация», как и многие современные термины, представляет собой концепт, содержательное наполнение которого определяется конкретным дискурсом. Существует много различных определений феномена цифровой цивилизации. Достаточно абстрактно и обобщенно ее можно рассматривать как принципиально иной тип развития общества, при котором на смену аналоговым и линейным форматам коммуникации и функционирования систем приходят цифровые, электронные. Они не только определяют характер и направленность деятельности человека и социума, но и становятся основными, определяющими цели и смыслы человеческой жизни и деятельности.

В русскоязычном научном сегменте фундаментальных обобщающих работ, посвященных напрямую этой проблематике и пользующихся популярностью, пока нет. Назовем зарубежных авторов некоторых ранних работ, к которым мы будем обращаться в силу их значимости на данном этапе изучения цифровой культуры: Ч. Гир, автор одной из первых книг о цифровой культуре [4]; Дж. Ланье, американский ученый в области визуализации данных и биометрических технологий [5], изобретатель термина «виртуальная реальность» (Virtual Reality, VR), основатель одной из первых VR-компаний; М. Шварц, немецкий исследователь электронной культуры [6]; М. Кастельс, испанский социолог-постмарксист, теоретик информационного общества [7]; канадский ученый, философ, историк, культуролог М. Маклюен [8]; и последовательный продолжатель его идей К. Вельтман [9].

Следует отметить тематический выпуск «Цифровая культура» Международного журнала исследований культуры [10]. Среди отечественных авторов, в работах которых потенциал междисциплинарности расширяет методологические основания базовой дисциплины, назовем культуролога Н.Б. Кириллову [11], вписывающую проблематику цифровой культуры в рамки

медиаисследований; О.В. Шлыкову [12; 13], которая рассматривает социокультурную природу мультимедиа и вызовы электронной культуры. О возрастании динамичности социума, осваивающего цифровые технологии, когда происходит стремительное расширение и «номадизация» социальной среды как проявление «цифрового кочевничества», пишет в своих работах Е.И. Ярославцева [14]. В контексте проблем оцифровки культурного наследия и национальных библиотечных фондов написано немало научных работ, проведено большое число конференций в Президентской библиотеке им. Б.Н. Ельцина, Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке и др.

Термины «цифровая культура», «мультимедийная культура», «цифровые медиа», «электронные коммуникации» активно внедрялись в научный гуманитарный тезаурус, культурные практики в конце 1990-х гг., что было обусловлено стремительным развитием «четвертой революции». Соответственно, обновленная социокультурная среда нуждается не только в адекватной оценке и мобильной реакции представителей социально-гуманитарного знания на происходящее, но и в развитии нового исследовательского инструментария, междисциплинарных методов изучения реальности на границах пересечения цифровых технологий, научных практик и социокультурного и, шире, гуманитарного знания.

Само понятие культуры трансформируется до неузнаваемости с точки зрения традиционного понимания, именно поэтому явления цифровизации и цифровой трансформации культуры требуют серьезного и теоретического переосмысления, и практического пересмотра места, роли и функции культуры в современном обществе.

ПОНЯТИЙНЫЕ ДИСКУССИИ: ЧТО ПОНИМАЕТСЯ ПОД ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРОЙ И ЦИФРОВЫМИ МЕДИА

Некотрые исследователи связывают феномен цифровой культуры с традиционными объектами культуры и искусства, представляемыми средствами

информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [2], включая в объем понятия электронные библиотеки, виртуальные музеи, мультимедийные реконструкции памятников, семантическую сеть в Интернете и пр. Другие отмечают, что это, прежде всего, качественно новая социально-антропологическая реальность, являющая собой нечто большее, чем инструментальное использование технических возможностей: принципиально иная цифровая сфера социокультурной деятельности человека или, другими словами, культурная реальность цифрового пространства, обрастающего новыми формами коммуникативного воздействия на человека [8; 15–17].

Правы исследователи, утверждающие, что одна из институций, например электронная библиотека или виртуальный музей, представляет собой не просто коллекцию графических образов, воспроизведенных на компьютере, а новую среду, в которую вживается человек. Иными словами, электронную культуру, в том числе мультимедийную, можно рассматривать как совокупность социальных институтов, организуемых на основе средств современных ИКТ в целях продвижения логики цифрового общества (электронная торговля, экономика, политика, науки, образование, культура и др.).

При этом в цифровых гуманитарных науках (Digital Humanities, DH) все чаще фиксируется факт динамичной изменчивости и адаптации традиционных институций к современным условиям. Так, концепция DH, связанная с использованием в исторических, лингвистических, культурологических исследованиях методов машинного анализа текста, обработки больших массивов данных, цифрового картографирования и 3D-моделирования, активно входит в жизнь библиотек. Все больше современные SMART-библиотеки начинают не только интегрировать потоки научной информации, но и выступать координационной структурой для гуманитарных исследований и проектных практик, в том числе онлайн-взаимодействия ученых, т. е. становятся не только хранителями культурного наследия, включая цифровое, но и провайдерами научной коммуникации, центрами организации и распространения знаний, цифровой грамотности.

Д.В. Галкин определяет цифровую культуру, как «артефакты и символические структуры, основанные на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенные в институциональную систему и способствующие поддержанию определенных ценностей, закрепленные ментально и создающие формы автодетерминации» [18, с. 16]. Он отмечает, что цифровая культура формируется на нескольких уровнях: материальном (вещи, гаджеты, технологические системы), символическом (знаки, языки, формы коммуникации), социальном (институты, функции, объединения), ментальном (когнитивные схемы, идентичность, стереотипы) и ценностном.

Такая трактовка цифровой (электронной) культуры подчеркивает факт становления информационного общества, цифровой сферы общения и означает не только применение новых технологий, но и появление новых возможностей для выражения и функционирования всех сфер жизни общества, изменения ряда социальных отношений, ценностей, норм, стереотипов поведения.

Современные технологические знания составляют существенную часть культуры, встраиваются в ее новые ритуалы и нормы. Неслучайны прогнозы относительно увеличивающейся роли медиакультуры и ценности информации, искусства управления информационными данными, превращения их в ежедневные знания, а также постоянного обновления коммуникативного опыта повседневности. В этом смысле корректны доводы авторов относительно появления *цифровой* проектной культуры, которая предполагает, что управление знаниями должно интегрироваться с новыми приложениями для социальных медиа, образовательными видеоиграми, искусственными функциями интеллекта и робототехникой, компьютерным искусством и дизайном, а также новым поколением цифровых гаджетов.

Повседневные культурные практики XXI в. существенно изменили и стремительно продолжают менять действующий миропорядок. Они не только привносят в лексику новые понятия (блокчейн, «умные» контракты, цифровые города и виртуальные культурные пространства), методы проектирования стартапов, управленческих решений, основанных на принципиаль-

но иных онлайн-платформах, информационно-коммуникативных системах распределения и обмена услугами и благами, но и высвечивают этические коллизии меняющейся экономической системы. При этом становятся естественными трансформации экономики дарения (Gift Economy по Г. Рейгольду [19]) в современные цифровые форматы экономики «лайка», за которой искусно скрываются маркетинговые инструменты, вовлекающие пользователей сети в цифровой капитализм [20].

Электронное движение формирует культурные дорожные карты, интернет-сообщества, которые дополняют институты гражданского общества, представляя информацию в социальных сетях. Люди открывают друг для друга новые знаниевые пространства, формы символического обмена, которые могут оборачиваться как экономической выгодой, культурным благом, так и новой коммуникативной платформой. Вопрос об индивидуальных и коллективных культурных практиках и моделях поведения, базирующихся на новой иерархии ценностей, приобретает особую актуальность в социально-гуманитарном знании на протяжении двух последних десятилетий. Прогнозирование рисков [21; 22], инсценирование доверия и уязвимость свободы в информационном обществе свидетельствуют о переходе общества в новое качество — «нормальной аномии». Нормы, которые, казалось бы, представляют собой, статичные и ригидные самовоспроизводящиеся установки, приобретают характеристики мобильности, гибкости и неопределенности. Новые виртуальные среды становятся нормой современного стиля жизни — интернетизации и медиатизации, намечая движение в сторону безграничной свободы, порой даже лишенной морально-нравственных дискурсов [23, с. 254–255].

Кумулируя разные подходы относительно цифровой культуры в контексте нового качества восприятия бытия и принципиально новых форм коммуникации, полагаем, что данный феномен можно определить как *новый тип культуры трансформации*, обусловленный развитием современного этапа электронных коммуникаций и выражающийся в формировании нового ценностно-смыслового и символического пространства, обеспечивающего условия для становления новых культурных практик и форм

человеческой деятельности, а также способов идентификации личности, правового регулирования общества и логики экономического разнообразия.

Пока целостная теория культурной антропологии в цифровой век оттачивает предмет, структурно-функциональные особенности и методологический инструментарий, активно заявляет о себе направление прикладной культурологии с ее междисциплинарным и интегративным потенциалом, открывающим новые перспективы в осмыслении возможностей и рисков в электронном типе культуры [24]. Она исследует стратегические приоритеты глобальной культуры общества, цифровой трансформации, алгоритмы формирования, сохранения и использования цифрового культурного контента, вопросы цифровизации наследия и памяти, встраивания электронных версий традиционных учреждений культуры в меняющееся пространство, а также генезис инсталляций, новых мультимедийных форм художественного выражения и творчества.

Особое место в этом направлении занимают интернетизация и медиатизация культуры, поскольку усиливается социокультурная роль и миссия Интернета в условиях всеобщей цифровизации, когда люди получают информацию и знания в принципиально иных, новых форматах. Следует отметить, что современная эпоха потребления развивается за счет потребности в информации, а медиатехнологии и сети становятся не просто предметом познания, но и условием самой возможности познания, условием существования и культурной самоидентификации человека.

МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ СРЕДА И СЕТЕВОЕ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Интернет как глобальный культуро-преобразующий феномен являет собой новые ценности, что свидетельствует о смене парадигмы социальных коммуникаций. Формируется особое пространство для со-

здания сверхнасыщенного информационного поля, которое практически повсюду окружает современного человека. В эпоху электронных преобразований люди получают различные типы культурной информации в качестве нового ресурса активации интересов и уровня компетентности на основе разнообразных средств, в том числе электронных.

Порожденные веком электронных коммуникаций, символы так или иначе трансформируют сознание личности. Электронные предметы, окружающие человека повсюду, делают его совершенно зависимым. Вовлеченность в коммуникации значительно возрастает — теперь сотрудник круглосуточно ощущает себя частицей «корпоративного тела». Пользование мобильным телефоном зачастую вызывает микширование многих действий и смену масок, когда, например, владельцы мобильных телефонов находятся на связи, они одновременно пребывают в двух местах — занимаемом ими физическом месте и в виртуальном пространстве беседы (диалоговом пространстве) [19, с. 38].

Новым направлением исследований становится изучение логики изменения когнитивных процессов под воздействием новой цифровой среды. В системе образования необходимо решать задачи, связанные с развитием электронных средств коммуникации: преодоление цифровой неграмотности и освоение интерактивных технологий, изучение практик применения различных форм ИКТ в условиях цифрового образовательного пространства, программных средств и технических ресурсов для представления учебного и методического материала. В то же время очень важно развивать нормативно-законодательное обеспечение обучения в условиях цифровой среды, изучать и внедрять позитивный опыт применения цифровых ресурсов в отечественной и зарубежной системе образования. Социологи прогнозируют, что к 2024 г. доля населения, обладающего цифровыми навыками, должна составить 40%¹.

Специалисты видят потребность в развитии образования для перехода к цифровой культуре, особенно в сфере управления. В масштабах стра-

ны уже сегодня существует кадровый дефицит специалистов в области цифровых технологий, в связи с чем возрастает потребность в создании матричной образовательной среды, где университеты (как государственные, так и корпоративные) должны стать экспериментальной игровой платформой для различных форм обучения с использованием передовых технологий и с учетом специфики цифровой культуры [17, с. 42–43].

КУЛЬТУРА В ЦИФРОВОМ «ЗЕРКАЛЕ» СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТЕНТ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Ведущим трендом современной эпохи выступает трансформация традиционного общества в цифровое, ее суть — построение нового сетевого общества, управляемого с помощью ИКТ, локальных и глобальных компьютерных сетей, которые собирают, обрабатывают, генерируют и распределяют информацию через системы глобальных телекоммуникационных сетей. Целевыми индикаторами — показателями развития информационного общества, согласно Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)», являются «рост индекса Российской Федерации в международном рейтинге стран по уровню развития информационных и телекоммуникационных технологий и увеличение количества граждан, использующих госуслуги в повседневной жизни. К 2020 г. планируется увеличить долю населения, пользующегося электронными госуслугами, с 11% (показателя 2010 г.) до 85%»².

О развитии цифрового информационного общества в стране свидетельствуют данные по количеству созданных виртуальных концертных

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>).

² Государственная программа «Информационное общество» (2011–2020 гг.) (<https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/>).

залов в российских городах (более 500), онлайн-трансляций мероприятий (только на портале «Культура.РФ» их более 600), 8,2 млн изображений в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, оцифрованных книжных памятников (в Национальной электронной библиотеке — 48 тыс., в Президентской библиотеке им. Б.Н. Ельцина — более 600 тыс. ед. хр. в 2017 г.). Отметим, что в связи с этим возникают проблемы, связанные с построением целостной, многоаспектной системы показателей-индикаторов, отражающей реальное состояние дел в области информатизации культуры. Эта задача поставлена, в частности, в Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг., Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. и других правительственных документах. Например, к 2024 г. предполагается рост количества посещений организаций сферы культуры (на 15%) и числа обращений к цифровым ресурсам о культуре (в 5 раз). Неслучайно, в Национальном проекте «Культура» особое место отводится проекту 3 «Цифровая культура»³.

Цифровая цивилизация порождает цифровое государство с развернутой системой электронных услуг. Главным направлением в реформе государственного управления становится построение «государства как платформы», интегрированной единой цифровой системы управления, принципиально новой модели предоставления информационных и коммуникационных услуг, прежде всего, информационных благ. Как известно, информационное благо не существует и не может быть потреблено вне определенного локального контекста. К таким благам относятся знания и опыт конкретного человека, создаваемые информационные продукты. Информационное благо не уничтожается при потреблении, напротив, все интенсивнее используется, при этом ценность его не истощается, а увеличивается. Для научной и прикладной информации это увеличение ценности проявляется в расширении и углублении информации и знаний, для объектов культуры — в разнообразии интерпретаций и смыслов, связываемых с данным благом.

³ Данные портала «Культура РФ» (<https://www.culture.ru/>).

Построение информационного пространства и информационного общества невозможно без создания в регионах информационной инфраструктуры, ключевым элементом которой являются информационные ресурсы и учреждения, обеспечивающие их хранение, трансляцию и предоставление пользователям. В электронный век обостряется потребность в рефлексии нового состояния культуры, свидетельствующего о становлении принципиально иной интегрированной культурной модели информационного общества.

Пользователи социальных сетей стремятся к психологическому комфорту, достижению высокого уровня информированности по специализированным темам, самореализации. Для исследователей социальных сетей очевидно, что данный феномен выступает значимым коммуникативным триггером, позволяющим перманентно расширять социокультурное и образовательное пространство.

Невозможно не согласиться с заключением К. Завершинского, что людей объединяет не столько способность к целесообразной предметной деятельности, сколько смысловое единство, стремление утвердить некую смысловую доминанту культуры. Эти смысловые доминанты «рождаются» в лоне культуры, морали, искусства, поэтому именно эти сферы — наиболее «культуросодержательные» [25]. «Культуросодержательная» парадигма цифровой культуры как знаково-символической системы позволяет наделить смыслами все сферы человеческой деятельности, особенно творческой, а все явления превратить в особые знаки-символы.

Ситуация осложняется в условиях непрерывного расширения пользовательской аудитории, когда Интернет становится всепроникающей культурной силой. При этом функционирование традиционной культуры (условно назовем ее книжной) в оцифрованной форме может протекать двояко: в форме адекватной копии действительных реалий (например, электронная библиотека, в которой содержатся отсканированные книги); в виде копии (цитирование электронной книги, блог, посвященный описанию впечатлений от посещения виртуального музея и т. п.).

Об этой двойственности пишут В.А. Емелин и А.Ш. Тхостов, «разделяя» Интернет на две

автономные области: информационное пространство и пространство коммуникации [26]. Наглядно она проявляется, например, в феномене электронной библиотеки. Гипотетическая электронная библиотека преследует в целом исключительно информативную культурную функцию, соответственно — принадлежит к области информационного пространства. Однако эта же электронная библиотека, будучи обсуждаемой, например, в каком-либо чате или форуме, переносится в пространство коммуникации и функционирует иначе. Наибольшее число фальсификаций (неверное цитирование, ошибка в приписывании авторства и пр.) генерируется и распространяется в области коммуникации.

Как справедливо отмечал М. Кастельс, «в бесконечном мире информации достоверность является весьма ценным качеством в глазах охотников за информацией» [7, с. 231]. Применительно к бесконечному пространству Всемирной сети достоверность является не просто ценным, а ключевым качеством любой информации, в противном случае, смысл существования того или иного контента становится сомнительным.

Д. Ланир предлагает любопытную классификацию произведений культуры: произведения первого порядка — оригинальные, произведения второго порядка — «фрагментарные реакции» на оригинальное, в результате чего веб 2.0 генерирует большое количество вторичного и заглушает первичное [5].

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Не менее серьезными представляются трансформации, которые произойдут в традиционных отраслях экономики в связи с развитием цифровой экономики. Их направление определяется в программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства от 28 июля 2017 года. Наиболее общая дефиниция электронной или цифровой экономики пока является предельно лаконичной и кон-

статирует тот факт, что она представляет собой экономическую деятельность, основанную на цифровых технологиях. В программе с определенных позиций раскрывается структура цифровой экономики, основные инфраструктурные элементы и сквозные цифровые технологии. «Цифровая экономика представлена тремя следующими уровнями, которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом: рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг); платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности); среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

В связи с тем, что эффективное развитие рынков и отраслей (сфер деятельности) в цифровой экономике возможно только при наличии развитых платформ, технологий, институциональной и инфраструктурной сред, настоящая Программа сфокусирована на двух нижних уровнях цифровой экономики — базовых направлениях, определяя цели и задачи развития: ключевых институтов, в рамках которых создаются условия для развития цифровой экономики (нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов); основных инфраструктурных элементов цифровой экономики (информационная инфраструктура, информационная безопасность)»⁴.

В Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.» цифровая экономика определяется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором

⁴ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>).

производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»⁵. Это значит, что цифровая экономика включает в себя всю систему социальных и культурных отношений, пронизанных цифровыми трансформациями, сквозными цифровыми технологиями, куда вплетены большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Учреждения культуры, в частности библиотеки, музеи, архивы, должны быть не только готовы к адаптации новых современных технологических разработок к уже существующим, но и активно развивать собственные проектные решения, используя их для интегрирования в технологическое обеспечение цифровой экономики. Кроме того, предполагаемое развитие ключевых институтов, в рамках которых создаются условия для развития цифровой экономики, требует формирования гуманитарной и социокультурной составляющих экономики нового типа (цифровой), в которых институты культурной памяти призваны сыграть очень важную роль, как генераторы социокультурного воздействия, непрерывного образования и научной информации [17].

Процесс интеграции учреждений культуры в цифровую экономику начинается уже сейчас. Европейская Комиссия ежегодно рассчитывает индекс цифровой экономики и общества (Digital Economy and Society Index, DESI), основными компонентами которого являются: связь, человеческий капитал, использование Интернета, интеграция цифровых технологий в бизнес,

цифровые услуги для населения. По данным за 2016 г. показатели индекса DESI⁶ свидетельствуют о том, что Россия отстает в развитии цифровой экономики от Европейского союза, Австралии и Канады, но опережает Китай, Турцию, Бразилию и Мексику; в области внедрения цифровых технологий Россия значительно отстала от Европейского союза и остальных стран, немного опередив Турцию, Китай и Мексику⁷.

Многие европейские страны уже имеют стратегии развития цифровой экономики, причем наиболее развитые из них включают в нее в качестве важнейшего элемента развития культуру, а также фиксируют роль библиотек, определяют их задачи в развитии цифровой экономики.

Так, например, Великобритания имеет Стратегию развития цифровой экономики на 2015–2018 гг.⁸ на основе которой выстраивается цифровая стратегия различных сфер деятельности общества по годам⁹, включая культуру. Цифровая технология играет ключевую роль в обеспечении доступности культуры с широкими преимуществами для всех желающих. Технология способна привнести искусство и культуру в новую аудиторию; вдохновить детей и молодежь; поддержать преподавание и обучение с помощью интерактивного и онлайн-опыта, открывая доступ всем, особенно тем людям, которым трудно или вовсе невозможно посетить эти учреждения. Королевский оперный театр транслирует выступления в прямом эфире тысячам зрителей по всей стране, и впервые мировая публика может познакомиться с культурным наследием и сокровищами Британского музея в рамках партнерства с Институтом культуры Google.

Особая роль в Стратегии отводится библиотекам. Именно они обеспечивают улучшен-

⁶ 2016 I-DESI report (<https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/2016-i-desi-report>).

⁷ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>).

⁸ Digital Economy Strategy 2015–2018 (https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/404743/Digital_Economy_Strategy_2015-18_Web_Final2.pdf).

⁹ UK Digital Strategy 2017 (<https://www.gov.uk/government/publications/uk-digital-strategy/uk-digital-strategy>).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» (<http://kremlin.ru/acts/bank/41919>).

ный цифровой доступ и цифровую грамотность, играют важную роль в обеспечении того, чтобы каждый человек в любом уголке страны, максимально использовал инструменты цифровой экономики. Библиотеки преодолевают барьер доступа, предоставляя компьютеры, надежную сеть удобных мест с бесплатным беспроводным доступом в Интернет и другие технологии.

Британская библиотека играет ведущую роль в кураторстве и сохранении огромного массива цифрового контента. Ставится задача изучения возможности разработки общей национальной цифровой платформы для публичных библиотек в Великобритании, чтобы обеспечить плавный переход между физическими и цифровыми коллекциями, включая электронные книги и электронные журналы. В русле дальнейшего расширения доступа к культуре анонсируется работа с библиотеками, авторами, издателями и другими заинтересованными группами с целью получения доступа к большому количеству электронных книг через библиотеки, с обязательным обеспечением авторам и другим правообладателям получения надлежащего вознаграждения за выдачу их произведений. Рассматривается расширение социальной функции библиотек, направленной на преодоление барьеров на пути получения знаний, навыков, мотивации, формирования уверенности человека в себе с целью понимания преимущества использования Интернета для доступа к онлайн-услугам. Это будет способствовать росту доверия людей к цифровому миру. Библиотеки помогают людям развивать цифровые навыки более высокого уровня, создавая пространство для творчества. Стратегия предполагает сотрудничество и поддержку в расширении мест такого назначения в публичных библиотеках Англии.

VII Санкт-Петербургский международный культурный форум подтвердил, что в России есть примеры управления и регулирования со-развитием цифровой экономики и культуры, которые могут быть использованы с определенными поправками, способствовать разработке ориентиров развития и векторов стратегического планирования в ближайшей перспективе¹⁰.

¹⁰ Секция «Цифровая культура. От слов к делу» на VII Санкт-Петербургском культурном форуме 2018

Реализация подпроекта «Цифровая культура» в Национальном проекте «Культура» нацелена на то, чтобы провести своего рода революционные изменения в установлении электронной культуры в обществе, ее оформлении именно как культуры нового типа, отвечающего всем критериям семиотической концепции культуры Ю.М. Лотмана [27]. Становлению электронной культуры способствует появление новых каналов и сред, образующих культурное пространство цифровой цивилизации. Оно насыщено определенными ценностями и смыслами, постижение которых осуществляется людьми посредством новых технологий и культурных практик.

Электронный тип культуры как очевидный результат перехода к цифровой цивилизации связан с развитием:

- ♦ инфраструктуры, обеспечивающей доступность к ресурсам цифровой культуры на любой территории и внедрением визуальных и мобильных форм культуры не только в специализированном уровне культуры, но и в повседневной жизни;

- ♦ системы образования, формирующей новые компетенции через освоение технологий создания и потребления знаний, научной информации, разработку новых стандартов и организацию обучения по ним;

- ♦ гуманитарной науки, в частности проектных научных исследований в области наук о культуре, финансируемых из разных источников, в том числе за счет неправительственных и негосударственных грантов, а также при государственной поддержке;

- ♦ платформы, обеспечивающей переход к цифровой культуре, в качестве которой может выступить Министерство культуры Российской Федерации и его подведомственные учреждения — Роскультпроект и ГИВЦ Минкультуры России, другие негосударственные, неправительственные некоммерческие организации, способные укреплять платформу;

- ♦ сетевого и проектно-программного подхода к управлению разноуровневыми сегментами культуры, в том числе цифровой, как обеспечивающими конкурентоспособность отрасли

(https://pushkinmuseum.art/events/archive/2018/other_events/cultforum/).

«Культура» в достижении ряда стратегических задач (творческое развитие личности, укрепление коллективной идентичности и др.).

Все эти трансформации требуют формулирования четкой и ясной позиции сообщества относительно гуманистического императива развития цифровой экономики и цифровой цивилизации в России и мире.

Итак, проведенное исследование подтверждает очевидность активного «наступления» цифровой цивилизации, происходящего под влиянием управляемого потока информации, воздействующей по разным каналам. Одним из таких каналов является быстро растущий прогрессирующий рынок инновационных цифровых интернет-продуктов в сочетании с лоббированием со стороны ведущих фирм-производителей ИКТ, рекламой и манипулированием массовым сознанием.

Кроме того, осуществляемое сверху государственное управление усиливает эти процессы, способствуя проникновению цифровых технологий во все сферы жизни общества, включая сферу культуры. Особенно это заметно в ее институализированном секторе, в том числе государственном, а также в сегменте культурных практик и основанном на них бизнесе. Процесс цифровизации ускоренными темпами развивается в молодежной среде и субкультуре, поскольку в активную самостоятельную жизнь вступают люди, уже родившиеся в эпоху Интернета.

Цифровые технологии — это то направление, которое сегодня связывается с развитием цифровой экономики и, соответственно, выделением значительных средств из бюджета, необходимых для цифровизации, а значит, переустройства материальной и духовной жизни населения. Этот процесс в России происходит «вслепую», так как пока нет научных исследований на эту тему. Ценности инновационных изменений рассматриваются в аспекте включенности России в глобальный цивилизационный процесс, от которого она не должна отставать. Ограниченность такого подхода заключается в отрыве процесса цифровизации от тех оснований, на которых строится российская культура — ее традиций, ценностей и смыслов. Отступление от них ведет к потере связи времен и идентичности, усилению неопреде-

ленности развития, обусловленной отсутствием целей и идеалов, отрицанию человечности, а значит, и культуры. Цифровая цивилизация только при поверхностном взгляде кажется демократичной и очеловеченной. В действительности другой ее стороной является тоталитаризм, конформизм и превращение человека в «цифровой механизм», управляемый извне. Она нарушает и деформирует взаимосвязи природного, культурного и человеческого капиталов, способствует росту их разбалансированности и неустойчивости.

Важно активизировать гуманитарные исследования, связанные с более глубоким проникновением в суть взаимодействия цифровой цивилизации и культуры, разворотом цифровых технологий в сторону Человека разумного (*Homo sapiens*) — культурного, вместо Человека цифрового (*Homo digitalis*), изменить цифровую парадигму развития культуры на *культурную парадигму развития цифровой цивилизации и информационного общества*.

Одним из аспектов «цифровой культуры» является ее способность насыщать сетевые мультимедийные пространства смыслами и ценностями. Это повышает требования к качеству информации на открытых национальных ресурсах культуры — сайтах библиотек, культурно-досуговых центров, музеев, ведомственных порталов.

Принимая во внимание неотвратимость вступления в цифровую цивилизацию и необходимость соприкосновения с ней и ее производным в виде цифровой экономики (пока еще слабо проясненным феноменом общественной жизни и совершенно не понятным с позиции социокультурного видения), следует осуществить культурную экспертизу принятой правительством Программы развития цифровой экономики. Эта экспертиза нужна для того, чтобы найти в ней место для позиционирования сферы и учреждений культуры, которые, учитывая их миссию, цели и стратегии развития, подтвержденные государством, могли бы стать активными акторами Программы и внести вклад в устойчивое развитие социального государства.

Список источников

1. Астафьева О.Н. Синергетический дискурс современных информационно-коммуникативных

- процессов // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. Москва : Прогресс-Традиция, 2004. С. 419–443.
2. Астафьева О.Н. Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах // Вісник Харківського національного університету: Теорія культури та філософія науки. 2007. № 776. С. 120–133.
 3. Никонорова Е.В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6. С. 644–651. DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-6-644-651.
 4. Gere Ch. Digital Culture. London : Reaction books, 2008. 248 p.
 5. Lanier J. You Are Not a Gadget. London : Penguin Books, 2012. 240 p.
 6. Schwarz M. E-Culture: Crossovers and Challenges [Электронный ресурс]. URL: <http://eculturefactory.de/download/schwarz.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).
 7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. Москва : ГУ ВШЭ, 2000. 458 с.
 8. Маклюен М. Понимание медиа / пер. с англ. В. Николаева. Москва ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. 464 с.
 9. Вельтман К. Электронная культура: достижения и перспективы // Информационное общество. 2002. № 1. С. 24–30.
 10. Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8) : Цифровая культура. С. 6–11.
 11. Кириллова Н.Б. Медиалогия как синтез наук. Москва : Академический проект, 2013. 366 с.
 12. Шлыкова О.В. Динамика мультимедийной культуры: меняющийся мир в меняющемся социокультурном пространстве // Самоопределение России в мировом культурном пространстве: искусство, религия, политика : коллект. монография. Москва : МГИК, 2018. С. 125–140.
 13. Шлыкова О.В. Культурная политика в информационном обществе // Наука. Культура. Общество. 2015. № 2. С. 147–157.
 14. Ярославцева Е.Т. Цифровая мобильность и культурные переключки // Исторические повороты культуры : сб. науч. статей : (к 70-летию проф. И.В. Кондакова) / общ. ред. и сост. О.Н. Астафьевой. Москва : Согласие, 2018. С. 503–513.
 15. Зайцев В.С., Шлыкова О.В. Фальсификации во Всемирной сети : вызовы дигитализации и культурные реалии // Библиотечное дело — 2015 : Документно-информационные коммуникации и библиотеки в пространстве культуры, образования, науки : Сворцовские чтения : материалы XX Междунар. науч. конф. Ч. 3. Москва : МГУКИ, 2015. С. 41–44.
 16. Никонорова Е.В. Устойчивое развитие культурного и человеческого капитала: роль библиотек и ее оценка // Библиотековедение. 2017. Т. 66, № 1. С. 19–28. DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-1-19-28.
 17. Панкратов И.Ю., Свертилова Н.В., Лидэ Е.Н. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации // Государственная служба. Т. 20, № 1(111). С. 38–43.
 18. Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8) : Цифровая культура. С. 11–16.
 19. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
 20. Долгин А.Б. Экономика символического обмена. Москва : Инфра-М, 2006. 632 с.
 21. Скородумова О.Б. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриалистская, синергетическая и постмодернистская парадигмы [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение : информационный гуманитарный портал. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/> (дата обращения: 20.11.2018).
 22. Колин К.К., Урсул А.Д. Информация и культура : введение в информационную культурологию. Москва : Стратегические приоритеты, 2015. 300 с.
 23. Зарубина Н.Н., Каргина И.Г., Карпова Д.Н. и др. «Нормальная аномия» в России и современном мире : коллект. монография. Москва : МГИМО ; ЛКИ, 2017. 281 с.
 24. Астафьева О.Н., Разлогов К.Э. Культурология: предмет и структура [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2010. № 1. С. 1–13. URL: http://cr-journal.ru/files/file/01_

2011_11_56_20_1295513780.pdf (дата обращения: 20.11.2018).

25. *Завершинский К.* Культура и культурология в жизни общества [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер — Культурология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Zaver/03.php (дата обращения: 20.11.2018).

26. *Емелин В.А., Тхостов А.И.* Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 74–84.
27. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р.Г. Григорьева; пред. С.М. Даниэля. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. 544 с.

Culture in the Digital Civilization: A New Stage in Understanding the Future Strategy for Sustainable Development

Olga N. Astafyeva^{1*},
Ekaterina V. Nikonorova^{1,2**},
Olga V. Shlykova^{1,3***}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Building 1, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia

² Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia

³ Arctic State Institute of Culture and Arts, 4, Ordzhonikidze Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russia

E-mail: * ONAstafyeva@mail.ru,

** NikonorovaEV@rsl.ru,

*** OlgaShlykova@yandex.ru

Abstract. *The current situation is determined by a plurality of uncertainties of social, economic, environmental and technological nature, which cause instability of development and form a new stage of social development conventionally called digital civilization. The ambiguity of interpretation of this term is also reflected in its derivatives, and this fully applies to the concept of digital economy.*

Development of the digital infrastructure, transition to the network principles of communication, and personalization of the Internet, are the factors that change the ethical principles and foundations of social and cultural interaction. The issue of individual and collective cultural practices and behavior models based on the new hierarchy of values is of particu-

lar relevance in social and humanitarian knowledge. In the information society, the dramatization of trust and the vulnerability of freedom testify to the society's transition to a new quality — "normal anomie". Basing on the analysis of scientific projects, documents, some forecasts and development scenarios of the digital economy and its social consequences, this study aims to trace the reflection of the relationship between the digital economy and culture, and to identify the ways that reflect the inclusion of culture in digital economy development programs. In this case, culture can be considered in the context of these programs as an element of infrastructure, and an institutional contour, representing a part of human and technological capital.

The authors' ideas are concentrated around the search for the grounds of the transformational changes taking place in scientific research, educational and cultural practices that have potential to form a sustainable cultural context of the digital civilization, which will be supported in order to prevent the pressure of the processes generated by technology that lead to "dehumanization" of development.

The applied part of the study reveals one aspect of "digital culture" — its ability to saturate network multimedia spaces with meanings and values. This increases the requirements for the quality of information on open national cultural resources — websites of libraries, cultural and recreational centers, museums, departmental portals.

The article pays special attention to the analysis of consistency of the tasks on scientific-technical and technological "breakthrough" with the humanistic values of development at the initial stage of implementation of the project of "digital economy of Russia". These transformations require community to formulate a clear and intelligible position on the humanistic imperative of developing the digital econo-

my and digital civilization in Russia and the world. At this stage, it is still possible to identify what kind of adjustment this project needs, partial or thorough, in order to avoid ending up in a situation of value-semantic chaos, losing the main thing – socio-cultural human component of the next stage of epochal changes. There is a need for a public examination of the Digital Economy Development Program in Russia, and more coordinated, targeted civil society activities to preserve cultural and human capital.

Key words: digital civilization, digital culture, digital economy, digital infrastructure, interdisciplinarity, sustainable development.

Citation: Astafyeva O.N., Nikonorova E.V., Shlykova O.V. Culture in the Digital Civilization: A New Stage in Understanding the Future Strategy for Sustainable Development, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 516–531. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531.

References

1. Astafyeva O.N. Synergetic Discourse of Modern Information and Communication Processes, *Sinergeticheskaya paradigma. Kognitivno-kommunikativnye strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya* [Synergetic Paradigm. Cognitive and Communicative Strategies of Modern Scientific Knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004, pp. 419–443 (in Russ.).
2. Astafyeva O.N. Virtual Communities: “Network” Identity and Personality Development in Network Spaces, *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu: Teoriya kul'turi ta filosofiya nauki* [Bulletin of the Kharkiv National University: The Theory of Culture and Philosophy of Science], 2007, no. 776, pp. 120–133 (in Russ.).
3. Nikonorova E.V. Culture and Sustainable Development: The Grounds for Interaction and Contours of Integration, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2016, vol. 13, no. 6, pp. 644–651 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-6-644-651.
4. Gere Ch. *Digital Culture*. London, Reaction Books Publ., 2008, 248 p.
5. Lanier J. *You Are Not a Gadget*. London, Penguin Books Publ., 2012, 240 p.
6. Schwarz M. *E-Culture: Crossovers and Challenges*. Available at: <http://eculturefactory.de/download/schwarz.pdf> (accessed 20.11.2018).
7. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow, GU VShE Publ., 2000, 458 p. (in Russ.).
8. McLuhan M. *Understanding Media*. Moscow, Zhukovsky, KANON-press-Ts Publ., Kuchkovo Pole Publ., 2003, 464 p. (in Russ.).
9. Veltman K. Electronic Culture: Achievements and Prospects, *Informatsionnoe obshchestvo* [Information Society], 2002, no. 1, pp. 24–30 (in Russ.).
10. Sokolova N.L. Digital Culture or Culture in the Digital Age? *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2012, no. 3(8): Tsifrovaya kul'tura [Digital Culture], pp. 6–11 (in Russ.).
11. Kirillova N.B. *Medialogiya kak sintez nauk* [Medialogy as a Synthesis of Sciences]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013, 366 p.
12. Shlykova O.V. Dynamics of Multimedia Culture: The Changing World in the Changing Socio-Cultural Space, *Samoopredelenie Rossii v mirovom kul'turnom prostranstve: iskusstvo, religiya, politika: kollekt. monografiya* [Self-Determination of Russia in the World Cultural Space: Art, Religion, Politics: collective monograph]. Moscow, MGIK Publ., 2018, pp. 125–140 (in Russ.).
13. Shlykova O.V. Cultural Policy in the Information Society, *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 2015, no. 2, pp. 147–157 (in Russ.).
14. Yaroslavtseva E.T. Digital Mobility and Cultural Roll Calls, *Istoricheskie povoroty kul'tury: sb. nauch. statei: (k 70-letiyu prof. I.V. Kondakova)* [Historical Twists of Culture: collected scientific articles: (to the 70th anniversary of Professor I.V. Kondakov)]. Moscow, Soglasie Publ., 2018, pp. 503–513 (in Russ.).
15. Zaitsev V.S., Shlykova O.V. Falsifications in the World Wide Web: Digitalization Challenges and Cultural Realities, *Bibliotechnoe delo – 2015: Dokumentno-informatsionnye kommunikatsii i biblioteki v prostranstve kul'tury, obrazovaniya, nauki: Skvortsovskie chteniya: materialy XX Mezhdunar. nauch. konf. Ch. 3* [Librarianship – 2015: Document and Information Communications and Libraries in the Space of Culture, Education, Science: Skvortsov Readings: Proceedings of the 20th International Scientific Conference. Part 3]. Moscow, MGUKI Publ., 2015, pp. 41–44 (in Russ.).
16. Nikonorova E.V. Sustainable Development of Cultural and Human Capital: The Role of Libraries and its Assessment, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2017, vol. 66, no. 1,

- pp. 19–28 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-1-19-28.
17. Pankratov I.Yu., Svertilova N.V., Lide E.N. Digital State: New Matrix of Competences for Digital Transformation, *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration], vol. 20, no. 1(111), pp. 38–43 (in Russ.).
 18. Galkin D.V. Digital Culture: Methodological Issues of Cultural Dynamic Research: From Digital Automatic Machines to Technical-Bio-Creatures, *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2012, no. 3(8): Tsifrovaya kul'tura [Digital Culture], pp. 11–16 (in Russ.).
 19. Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2006, 416 p. (in Russ.).
 20. Dolgin A.B. *Ekonomika simvolicheskogo obmena* [Economics of Symbolic Exchange]. Moscow, Infra-M Publ., 2006, 632 p.
 21. Skorodumova O.B. Domestic Approaches to Interpretation of Information Society: Post-industrial, Synergetic and Postmodern Paradigms, *Znanie. Ponimanie. Umenie: informatsionnyi gumanitarnyi portal* [Knowledge. Understanding. Skill: information portal for the humanities]. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/> (accessed 20.11.2018) (in Russ.).
 22. Kolin K.K., Ursul A.D. *Informatsiya i kul'tura: vvedenie v informatsionnyuyu kul'turologiyu* [Information and Culture: Introduction to Information Cultural Studies]. Moscow, Strategicheskie Prioritety Publ., 2015, 300 p.
 23. Zarubina N.N., Kargina I.G., Karpova D.N., and others. “Normal'naya anomiya” v Rossii i sovremennom mire: kollekt. monografiya [“Normal Anomie” in Russia and the Modern World: collective monograph]. Moscow, MGIMO Publ., LKI Publ., 2017, 281 p.
 24. Astafyeva O.N., Razlogov K.E. Culturology: Subject and Structure, *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of Cultural Research], 2010, no. 1, pp. 1–13. Available at: http://cr-journal.ru/files/file/01_2011_11_56_20_1295513780.pdf (accessed 20.11.2018) (in Russ.).
 25. Zavershinsky K. Culture and Cultural Studies in the Life of Society, *Bibiloteka Gumer – Kul'turologiya* [Gumer Library – Humanities]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Zaver/03.php (accessed 20.11.2018) (in Russ.).
 26. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Babylonian Network: The Erosion of Truth and the Diffusion of Identity in the Internet Space, *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2013, no. 1, pp. 74–84 (in Russ.).
 27. Lotman Yu.M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2002, 544 p.

НОВИНКА

Агошков А.В. Социальная справедливость как ценность культуры.
Москва : Перо, 2018. 262 с. ISBN 978-5-00122-414-3.

Данное исследование посвящено социальной справедливости, рассматриваемой в широком историко-культурном контексте. Включает философско-теоретическое обоснование применения ценностно-психологического метода при изучении общественной жизни, социо-экономическо-политическое изучение рассматриваемого явления, а также становление идеи социальной справедливости в истории и культуре России. Особое внимание уделяется современной отечественной социально-политической действительности, делается вывод о неурегулированности социально-трудовых отношений и их конфликтогенности, источником которой является отсутствие консенсуса о базовых ценностях российского общества.

Т.Е. САВИЦКАЯ

СДВИГ ПАРАДИГМ: БИБЛИОТЕКИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Татьяна Евгеньевна Савицкая,

Российская государственная библиотека,
Центр по исследованию проблем развития
библиотек в информационном обществе,
ведущий научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия

E-mail: eneklessa@yandex.ru

Реферат. В статье анализируется новый статус западных библиотек в рамках цифровых гуманитарных наук Digital Humanities (DH), объемного тренда, сопряженного с радикальной сменой существующей научной парадигмы. Концепция DH, связанная с использованием в исторических, лингвистических, культурологических исследованиях методов машинного анализа текста, обработки больших массивов данных, цифрового картографирования и 3D-моделирования, затронула библиотеки во всем диапазоне присущих им функций: хранителей культурного наследия, провайдеров научной коммуникации, центров организации и распространения знаний.

Цель статьи — восполнить недостаток публикаций, ощущаемый в отечественном библиотековедении, как по концептуальным основаниям, так и по практике применения продуктивного сотрудничества библиотек с проектами DH. Раскрывается содержание кардинального ре-

формирования сути библиотечной работы под эгидой цифровой науки (e-science) в связи с растущей сложностью информационной среды, большими массивами разнородных данных, интерактивным потенциалом современных информационно-коммуникационных технологий, персонализацией пользовательских интерфейсов. Выявлена классификация типов сотрудничества библиотек с проектами в сфере DH, которая сводится к трем основным моделям: сервисной, лабораторной и сетевой. Анализируется диапазон услуг, предоставляемых библиотеками разработчикам проектов DH: от начального консультирования, доступа к инфраструктуре электронных хранилищ, менеджмента цифровых проектов, поиска грантов и оформления на них заявок до продвижения, маркетинга и профессиональной компьютерной помощи.

В статье приведены позитивные примеры ребрендинга библиотеки как места авангардных научных исследований, синергии методов и исследовательских стратегий точных и гуманитарных наук. Рассматривается перечень обязанностей библиотечных центров DH: формирование цифровых коллекций для научных или образовательных целей; создание средств идентификации, построения баз данных и их анализа; управление исследовательским процессом, поддержка веб-сайтов, цифровая публикация и хранение результатов исследова-

ния; организация обучения в сфере ДН, создание лекционных курсов и программ, организация семинаров и конференций, сотрудничество с аналогичными структурными подразделениями других учреждений.

Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки, Digital Humanities, цифровые коллекции, электронная наука, машинный анализ текста, цифровое картографирование, 3D-моделирование, менеджмент проектов, база данных, гипертекст, научная парадигма.

Для цитирования: Савицкая Т.Е. Сдвиг парадигм: библиотеки в контексте цифровых гуманитарных наук (зарубежный опыт) // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 532–541. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-532-541.

Закономерное следствие современной эпохи всеобъемлющей компьютеризации — цифровые гуманитарные науки (Digital Humanities¹, ДН), объемный тренд, сопряженный с радикальной сменой существующей научной парадигмы. Концепция ДН не исчерпывается методологическими новациями, широким использованием в исторических, лингвистических, культурологических и прочих исследованиях методов машинного анализа текста, обработки больших массивов данных, цифрового картографирования, 3D-моделирования и т. д.; она ориентирована на создание иного типа науки, нацеленного при участии широчайшей междисциплинарной гибридации на производство и распространение новых моделей знания. Более конкретно различные направления ДН связаны с переводом в машиночитаемый формат корпуса культурного наследия и формированием специальных баз данных (БД), т. е. созданием цифровых коллекций и архивов; семантической разметкой текстов, снабженных метаданными различных типов и трактуемых как фрагменты гипертекста; квантитативным анализом художественных текстов; визуализацией, моделированием и проектированием

БД; новыми формами электронных научных коммуникаций, реформированными методиками обучения и т. д.

Следствие популярности данного тренда научных исследований — рост числа центров ДН по всему миру, особенно в США и странах Западной Европы, а также крупных коллективных объединений в этой области, образовательных платформ, конференций и семинаров по указанной тематике. Так, специальным исследованием отечественных ученых под руководством Г.В. Можяевой было выявлено 323 научных центра в области ДН, в том числе: 115 — в США, 27 — во Франции, 23 — Великобритании, 20 — Германии, 18 — Канаде, 9 — Италии, 9 — Австралии, 5 — Японии, 4 — Китае [2]. С 1989 г. под эгидой The Alliance of Digital Humanities Organizations (ADHO) ежегодно собирается конгресс в области ДН. Так, в 2016 г. в конгрессе, проходившем в Кракове, приняли участие 902 человека из 45 стран.

Столь мощное направление современных научных исследований в сфере гуманитарного знания, разумеется, не могло не затронуть библиотеки — во всем диапазоне присущих им функций: хранителей культурного наследия, провайдеров научной коммуникации, центров организации и распространения знаний и пр. Можно смело сказать, что концептуальные разработки и исследовательские практики, продвигаемые ДН, «взорвали» устоявшуюся практику западных библиотек. Уже не первое десятилетие они активно обсуждаются библиотечным сообществом, множатся позитивные примеры творческого участия библиотек в современных исследовательских проектах. С 2000-х гг. отмечается взрывообразный рост публикаций по такой теме, как библиотеки и цифровые гуманитарные технологии: если в 2005 г. в БД Library Information Science and Technology Abstracts (LISTA) было зафиксировано около 700 источников (журнальных статей, монографий, отчетов и пр.), то в 2012 г. их число удвоилось [3]. Входящая в Американскую библиотечную ассоциацию (American Library Association, ALA) Ассоциация библиотек колледжей и научных библиотек (Association of College and Research Libraries, ACRL) учредила почтовую рассылку материалов дискуссий на данную тему, а также запустила новый блог, освеща-

¹ Понятие крайне многозначное, насчитывающее не менее 800 различных определений [1].

ющий события, исследования и технологические новинки в этой сфере (<http://arcl.ala.org/digitalhumanities>). Цель настоящей статьи — восполнить недостаток публикаций, ощущаемый в отечественных гуманитарных науках, как по концептуальным основаниям, так и по практике применения продуктивного сотрудничества библиотек с проектами ДН.

БИБЛИОТЕКИ В ОРБИТЕ DIGITAL HUMANITIES: ОРГАНИЗАЦИОННО- СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

Осознав важность продуктивного сотрудничества с проектами ДН — радикального средства покончить с нарастающей институциональной маргинализацией и адекватно вписаться в существующий информационный ландшафт, библиотеки тотчас же столкнулись с вопросом: должна ли каждая научная библиотека иметь собственный ДН-центр? В специальном отчете, подготовленном на эту тему, Дж. Шеффер и Р. Эрвэй [4], обозначив параметры возможного сотрудничества (предоставление электронных коллекций, цифровое хранение научных публикаций, услуги межбиблиотечного абонемента для доступа к удаленным хранилищам, библиографическое консультирование, исправление метаданных и т. д.), рекомендуют директорам библиотек во избежание крупных финансовых затрат ограничиться виртуальной формой такого центра. По их мнению, простейший способ улучшить поддержку ДН — переформатировать уже существующие библиотечные службы таким образом, чтобы было ясно, что их могут использовать ученые-гуманитарии, следует дать виртуальному ДН-центру название и сообщить об этом ученым [4]. И, действительно, на начальном этапе сотрудничества библиотек и научного ДН-сообщества столь взвешенный, консервативный подход имел много сторонников. Согласно проведенному в 2011 г. Ассоциацией научных библиотек (Association of Research Libraries, ARL) обследованию 126 библиотек, лишь 8% из них имели специализированные ДН-цент-

ры, половина — оказывали исследователям разовые услуги (консультирование, проектный менеджмент, информационно-технологическая помощь), причем 90% библиотек, поддерживающих ДН-исследования, делали это в рамках собственного бюджета [5].

Происходящее на наших глазах обустройство цифрового социума, продуцирующее невиданный рост плотности онлайн-взаимодействий, безусловно, работает на повышение социального престижа ДН как быстро растущей глобальной междисциплинарной сферы со множеством конференций, мероприятий, журналов, ассоциаций, исследовательских центров, грантов и учебных курсов [6]. Вследствие этого не только расширяются масштабы сотрудничества зарубежных библиотек с проектами ДН, но и формируются различные модели их институционального взаимодействия.

В масштабном исследовании, проведенном в 2016 г. [7], было установлено: 97% американских библиотек убеждены в необходимости тесного сотрудничества с проектами ДН, 41% — оказывает постоянные услуги ученым-гуманитариям, 19% — сформировали в своем составе специальные ДН-центры, причем в 21% библиотек введены особые должности библиотекарей по ДН-проектам. Диапазон услуг, предоставляемых библиотеками разработчикам проектов, варьировался: от консультирования при запуске научного проекта (51%), доступа к инфраструктуре электронных хранилищ (47%), менеджмента цифровых проектов, поиска грантов и оформления на них заявок (24%) до продвижения, маркетинга (24%), профессиональной компьютерной помощи (8%).

В современном американском библиотековедении общепризнанной является предложенная в 2015 г. следующая классификация типов сотрудничества библиотек с проектами в сфере ДН [8]:

- ♦ сервисная модель — предоставление отдельных услуг (от исправления метаданных, доступа к электронным ресурсам до цифрового хранения научных результатов);

- ♦ лабораторная модель — осуществление замкнутого цикла научного исследования (от постановки задачи и поиска финансирования до продвижения законченного проекта);

◆ сетевая модель — взаимодействие нескольких структур, включая библиотеки.

По лабораторной модели работают Scholars' Lab в Университете Виргинии (США), Digital Scholarship Commons (DISC) в Университете Эмори (США), CulturePlex Lab в Университете Северного Онтарио (Канада). Примером сетевой модели может служить организованная в Оксфордском университете Digital Humanities Network, выполняющая роль центрального узла распределенной информационной сети цифровых исследований (e-Research).

В исследовании [7] производится сравнение степени популярности моделей сотрудничества библиотек с ДН-проектами. Оказалось, что 40% американских библиотек отдают предпочтение сетевой модели, 23% — сервисной, 11% — лабораторной, 20% — еще не определились в своих приоритетах, 6% — ориентируются на какие-то иные возможности взаимодействия. Такого рода результаты, на наш взгляд, вполне предсказуемы, поскольку именно сетевой принцип структурного взаимодействия в наибольшей степени соответствует логике формирования цифрового социума.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: ОТ «ЭТИКИ СЛУЖЕНИЯ» К ПОЛНОПРАВНОМУ ПАРТНЕРСТВУ

Новый статус библиотек в рамках ДН-проектов радикально реформирует диапазон привычных функций: если раньше библиотекарей считали стражами фондов и книгохранилищ, то теперь они формируют коллекции и управляют ими, рекомендуют и оценивают информацию [9]. Расширение набора компетенций вызвало к жизни ряд новых должностей: библиотекаря в сфере ДН, директора по технологии и управлению данными, координатора цифровых инициатив, библиотекаря службы географической информации (GIS) и т. д. В перечень обязанностей библиотечных центров ДН входит: формирование цифровых коллекций для научных или образовательных целей; создание средств идентификации, построения БД и их анали-

за; управление исследовательским процессом; использование цифровых коллекций и аналитических инструментов для создания новых интеллектуальных продуктов; организация обучения в сфере ДН, создание специальных лекционных курсов и программ, организация семинаров и конференций; сотрудничество с аналогичными структурными подразделениями других учреждений.

Лидеры библиотечного сообщества видят в ДН-проектах парадигмальный сдвиг для библиотек, а не простое расширение существующих функций [10], кардинальное реформирование самой сути библиотечной работы под эгидой цифровой науки (e-Science). Так, в интервью «Шесть вопросов библиотекарю цифровых гуманитарных наук» Л. Браунстайн призывает библиотечное сообщество активнее использовать открывающиеся возможности, ответив на следующие вопросы: применяем ли мы технологии, чтобы сделать более доступными определенные объекты культуры; используем ли мы цифровые модели для понимания экологии жанров в формах искусства; подвергаем ли сомнению кажущуюся объективность платформ, поставляющих цифровые архивы; обучаем ли студентов использовать семантическую разметку для выявления структурных аспектов текста и того, как соотносятся друг с другом группы текстов? Люди, занятые ДН-проектами, делают это все и даже больше [11]. Адекватная цифровой эпохе концепция библиотечного дела оказывается несовместимой с традиционной этикой служения, обрекающей данную институцию на второстепенно-вспомогательный, подсобный статус. Неслучайно консервативная попытка построить концепцию институциональной идентичности библиотеки на исконной этике служения — в противовес вовлеченности в проекты ДН — вызывает яростное опровержение как ложный нарратив и чисто риторический жест в полемической статье Т. Муньеза из Университете Мэриленда (США) [12].

Новый статус цифрового библиотечного дела как интегральной части рождающейся цифровой науки подразумевает устранение концептуальных и процессуальных барьеров, препятствующих полноценному применению комплексных исследовательских стратегий, основанных на наборе универсальных техно-

логий: открытых данных (Open Data), больших данных (Big Data), базах данных, их визуализации, краудсорсинге и т. д. По большому счету цифровое библиотечное дело — это не только формирование, хранение и обслуживание электронных библиотек и цифровых архивов, организация электронных изданий и цифровых публикаций (научных монографий, диссертаций и т. д.), но и создание новых форм упорядочивания знания с использованием специально разработанных программных продуктов.

В сущности, культурно-историческая значимость библиотек как институтов памяти всегда базировалась на том, что они предлагали признаваемую обществом систему организации знания, осуществляя отбор, описание, классификацию и каталогизацию печатных и рукописных материалов. Когда же библиотеки стали провайдерами доступа к электронным ресурсам, они приняли другие схемы классификации информации (например, Dublin Core как универсальный стандарт описания метаданных). Дальнейшие интеллектуальные перспективы, открывающиеся перед библиотечным делом по мере интеграции в ДН-проекты, связаны, в первую очередь, с растущей сложностью информационной среды, предоставляющей доступ к большим массивам разнородных данных; интерактивным потенциалом современных информационно-коммуникационных технологий, персонализацией пользовательских интерфейсов; увеличением объемов мультимедийной репрезентации информации и т. д.

С 2012 г. в библиотеках за рубежом стал активно применяться набор технологий LODLAM (Linked Open Data in Libraries, Archives, Museums). Так, Британская библиотека создает Британскую национальную библиографию в формате объединенных открытых данных. Международный межбиблиотечный сервис OCLC (Online Computer Library Center) представляет библиографическую информацию (более 197 млн ед.) тоже в этом формате. Эти же технологии как инструмент достижения интероперабельности разнородных электронных ресурсов активно использовались в процессе создания европейской цифровой библиотеке Europeana. Объединенные открытые данные используются как платформа построения си-

стемы организации знания, где встречаются интересы библиотек и ДН.

Весьма продуктивным представляется предложение Т. Бароуза и Д. Верховен ввести особый термин «гуманитарные данные» (Humanities Data) для обозначения специфики данного типа информации [6]. В самом деле, в отличие от данных в точных науках, легко поддающихся унификации и формализации, гуманитарные исследования имеют дело с уникальными объектами изучения: персонажами, событиями, общественными явлениями, концепциями, что, кстати сказать, является одним из аргументов противников информатизации в гуманитарных областях знания. Очевидно, что для структурирования такого рода гетерогенных плюралистических изменчивых данных требуется особый семантический аппарат, способный адекватно, без избыточной унификации, отразить их специфику.

Плодотворные усилия в данном направлении предприняты Т. Бароузом, разработчиком HUNI (Human Networked Infrastructure) — базирующегося в Университете Дикина (Австралия) сервиса, собирающего данные из 30 австралийских гуманитарных центров. Как отмечает Т. Бароуз, ни в коем случае не следует трактовать HUNI как унифицированный каталог записей БД в сфере ДН. Напротив, поступающие данные идентифицируются сообразно их изначальному сущностному типу и картографируются в качестве одного из шести основополагающих сущностных типов: Персонаж, Организация, Событие, Произведение, Место и Концепция [6]. Иначе говоря, в рамках HUNI не существует единой описательной структуры, так или иначе унифицирующей разнообразие поступающего материала как стилевое и мировоззренческое, так и форматное (тексты, фотографии, аудиозаписи, клипы, фильмы и т. д.).

Согласно новаторской концепции разработчика специфика гуманитарных данных требует системы, в которой должно быть сохранено и предусмотрено разнообразие точек зрения в отдельных гуманитарных дисциплинах вместо того, чтобы прятать их за единой искажающей авторитарной структурой. Требуется так организовать эти данные, чтобы отражалась гетерогенность гуманитарной сферы. Необходима система, которая

была бы плюралистичной, гибкой, неоднозначной, противоречивой и даже эклектичной. Централизованный контролируемый подход к применению категорий и таксономических структур должен быть сведен к минимуму, исследователям надлежит обзавестись инструментарием для создания собственных семантических конструкций для этих данных [6]. Опасение утратить эвристические возможности разработанной гибкой семантической модели вынудило разработчиков отказаться от первоначальных планов интеграции HUNI в международные структуры: CIDOC – CRM (Comite International pour la Documentation – Conceptual Reference Model), FOAF (Friend of a Friend) и FRBR (Functional Requirement for Biographic Records).

Следует отметить, что на особый характер данных гуманитарных наук в 2015 г. обратил внимание А. Лю из Калифорнийского университета в Беркли (США). Он подчеркивает междисциплинарность и гибридность данных гуманитарных наук, требующих от ученых преимущественного использования при их описании категорий «инаковости» и «различия», а не «сходства» и «подобия» [13].

Создание информационных систем, аналогичных HUNI, дает возможность исследователям в сфере ДН работать в собственных категориальных рамках; открывать новые взаимосвязи между гуманитарными данными без утраты их уникального характера (гетерогенность, мультидисциплинарность, плюралистичность); инкорпорировать в систему результаты собственных исследований; делать научную коммуникацию более конкретной и продуктивной. В контексте «цифрового поворота» библиотека обретает новый формат как продуктивное, творческое место, создающее и производящее нечто новое, будь то цифровые научные работы или что-либо иное [14]. Поиск новых горизонтов в библиотечной работе, разумеется, требует выхода за рамки узкокорпоративной этики служения, которая даже в самом благоприятном случае способна лишь навести профессиональный блеск на ветхие недофинансированные структуры [15].

Излагая свое видение нового содержания библиотечного дела, Б. Наувиски, директор лаборатории цифровых исследований и нау-

ки (Digital Research and Scholarship, Scholars' Lab) в рамках библиотечной системы Университета Виргинии (США) в статье под провокативным названием «Скунс в библиотеке» [15] подробно описывает этапы проведенной реформы. В 2007 г. возглавляемая ею структура была создана на базе трех существовавших прежде подразделений: центра электронных текстов (Electronic Text Center, e-Text), Геостата (Geospatial and Statistical Data Center) и ResComp (Research Computing), во многом унаследовав их функции (конвертация текстов в электронный формат, цифровое картографирование, сложный статистический анализ и т. д.), а впоследствии и значительно расширив сферу исследовательских интересов. С самого начала лаборатория находилась в тесном контакте с другими научными центрами Университета Виргинии: Институтом передовых технологий в гуманитарных науках (Institute for Advanced Technology in the Humanities, IATH), Виргинским центром цифровой истории (Virginia Center for Digital History, VCDH), Сетевой инфраструктурой электронных исследований XIX в. (Networked Infrastructure for Nineteenth Century Electronic Scholarship, NINES). В них осуществлялись известные проекты: создание цифрового архива Д.Г. Россетти, английского художника-прерафаэлиты и поэта; формирование Тибетской и гималайской цифровой библиотеки и т. д. Это во многом предопределило вектор дальнейшей эволюции лаборатории в сторону ДН-исследований.

Наличие высококвалифицированных кадров позволила Scholars' Lab успешно осуществить ряд программ. В рамках Praxis Program (при финансовой поддержке фонда Меллона) было проведено обучение выпускников университета ДН-техникам (GIS, анализу текста, кодированию, ведению веб-сайта, дизайну БД и т. д.); реализована специальная программа Spatial Humanities (при финансировании Национального фонда поддержки гуманитарных наук), которая привела, в частности, к созданию Neatline, платформы для геопространственной передачи информации в целях интерпретации гуманитарных данных при помощи осей времени и карт [16]; запущен проект Blacklight – система поиска и просмотра

открытых ресурсов для различных библиотечных коллекций (при участии Партнерства цифровых библиотек Nathi Trust) и т. д.

Ребрендинг библиотеки как места авангардных научных исследований, синергии методов и исследовательских стратегий точных и гуманитарных наук повысил популярность Scholars' Lab, сделал ее, по словам Б. Наувиски, фундаментально взаимосвязанной с другими ДН-центрами как в США, так и по всему миру. Так, Scholars' Lab совместно с Центром Роя Розенцвайга по исследованию истории и новых медиа (Roy Rosenzweig Center for History and New Media) при Гарвардском университете (США) работает над проектом Omeka+Neatline, открывающим возможность комплексной интерпретации цифровых архивов; совместно с Йельским и Стэнфордским университетами развивает проект Hydra для создания нового типа приложений; входит в консорциум центров и институтов ДН (Consortium of Humanities Centers and Institutes, СНЦИ).

Разумеется, далеко не всякому библиотечному центру ДН доступен высокий научный уровень эталонной Scholars' Lab Университета Виргинии. М. Познер приводит длинный перечень факторов, препятствующих активному включению библиотек в орбиту ДН-проектов: недостаточная подготовка персонала, закосневшая бюрократизированная организационно-управленческая структура, нехватка инициативы у библиотечных работников, излишняя осторожность и нежелание идти на риск, скудное финансирование, ненадлежащее развитие информационной инфраструктуры [17]. Тем не менее постоянно расширяется сотрудничество библиотек с ДН-проектами [18] (планирование, консультирование, менеджмент научных проектов, поддержка веб-сайтов, цифровая публикация и хранение результатов исследований и т. д.), увеличивается их включенность в образовательный процесс (разработка программ спецкурсов, проведение лекций, семинаров и т. д.).

Можно констатировать, что библиотеки США и стран Запада весьма успешно используют возможности, предоставляемые новым этапом информатизации, активно включаясь в проекты цифровой гуманитарной науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cassella M. New Trends in Academic Library Partnerships: Academic Libraries and Digital Humanities [Электронный ресурс] // Proceedings of the IATUL Conferences. Paper 2. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/iatul/2017/partnership/2> (дата обращения: 05.05.2018).
2. Можаяева Г.В., Сербин В.А., Можаяева-Ренья П.Н. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 73–81.
3. Sula Ch.A. Digital Humanities and Libraries: A Conceptual Model [Электронный ресурс] // Journal of Library Administration. 2013. V. 53, № 1. P. 1026. DOI: 10.1080/01930826.2013.756680.
4. Schaffer J., Erway R. Does Every Research Library Need a Digital Humanities Center? [Электронный ресурс] // OCLC Research. 2014. URL: <https://www.oclc.org/content/dam/research/publications/library/2014/oclcresearch-digital-humanities-center-2014.pdf> (дата обращения: 08.05.2018).
5. Bryson T., Posner M., St. Prierre A., Varner S. SPEC Kit 326: Digital Humanities [Электронный ресурс] // Association of Research Libraries. 2011. November. URL: <https://publications.arl.org/Digital-Humanities-SPEC-Kit-326> (дата обращения: 10.05.2018).
6. Burrows T., Verhoeven D. Libraries and Digital Humanities: Partnership, Collaboration and Shared Agendas [Электронный ресурс] // VALA 2016 Conference. URL: <https://deb-verhoeven.s3.amazonaws.com/papers/LibrariesandtheDigitalHumanities.pdf> (дата обращения: 08.05.2018).
7. Varner S., Hswe P. Special Report: Digital Humanities in Libraries [Электронный ресурс] // The American Libraries. 2016. № 1. URL: <https://americanlibrariesmagazine.org/2016/01/04/special-report-digital-humanities-libraries/> (дата обращения: 10.05.2018).
8. Maron N.L., Pickle S. Sustaining the Digital Humanities: Host Institution Support beyond the Start-up Phase [Электронный ресурс] // Ithaca S+R. 2014. June 18. DOI: 10.18665/sr.22548.
9. Digital Humanities in the Library: Challenges and Opportunities for Subject Specialists / ed. by A. Hartsell-Gundy, L. Braunstein, L. Golomb. Chicago: Association of College and Research Libraries,

- a division of the American Library Association, 2015. 287 p. [Электронный ресурс] URL: http://www.ala.org/acrl/sites/ala.org.acrl/files/content/publications/booksanddigitalresources/digital/9780838987681_humanities_OA.pdf (дата обращения: 14.05.2018).
10. *Christian-Lamb C., Potvin S., Padilla Th.* Digital Humanities in the Library / Of the Library [Электронный ресурс] // *dh+lib*. 2016. Special Issue. URL: <https://acrl.ala.org/dh/2016/07/29/introduction/> (дата обращения: 14.05.2018).
 11. *Kim J.* 6 Questions for Digital Humanities Librarian [Электронный ресурс] // *Inside Higher Ed*. 2016. August 17. URL: <https://www.insidehighered.com/blogs/technology-and-learning/6-questions-digital-humanities-librarian> (дата обращения: 14.05.2018).
 12. *Munoz T.* In Service? A Further Provocation on Digital Humanities Research in Libraries [Электронный ресурс] // *dh+lib*. 2013. June 19. URL: <https://acrl.ala.org/dh/2013/06/19/in-service-a-further-provocation-on-digital-humanities-research-in-libraries/> (дата обращения: 14.05.2018).
 13. *Liu A.* N+1: A Plea for Cross-Domain Data in the Digital Humanities [Электронный ресурс] // *Debates in the Digital Humanities 2016* / Ed. M.K. Gold, L.F. Klein. University of Minnesota Press, 2016. P. 559–568. URL: <http://dhdebates.gc.cuny.edu/debates/text/101> (дата обращения: 17.05.2018).
 14. *Vandergrift M.* What Is Digital Humanities and What's It Doing in the Library? [Электронный ресурс] // *In the Library with the Lead Pipe*. 2012. June. URL: <http://www.inthelibrarywiththeleadpipe.org/2012/dhandthelib/> (дата обращения: 21.05.2018).
 15. *Nowviskie B.* A Skunk in the Library: A Path to Production for Scholarly R+D [Электронный ресурс] // *Journal of Library Administration*. 2013. V. 53, № 1. P. 53–66. DOI: 10.1080/01930826.2013.756698.
 16. *Nowviskie B.* Too Small to Fail [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nowviskie.org/2012/too-small-to-fail/> (дата обращения: 17.05.2018).
 17. *Posner M.* No Half Measures: Overcoming Common Challenges to Doing Digital Humanities in the Library [Электронный ресурс] // *Journal of Library Administration*. 2013. Vol. 53, № 1, P. 43–52. DOI: 10.1080/01930826.2013.756694.
 18. *Wong Sh. H.R.* Digital Humanities: What Can Libraries Offer? [Электронный ресурс] // *Libraries and the Academy*. 2016. V. 16, № 4. P. 669–690. DOI: 10.1353/pla.2016.0046.

Paradigm Shift: Libraries in the Context of Digital Humanities (Foreign Experience)

Tatiana E. Savitskaya

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str.,
Moscow, 119019, Russia

E-mail: eneklessa@yandex.ru

Abstract. *The article analyzes the new status of Western libraries within the framework of Digital Humanities (DH), a volumetric trend coupled with a radical change in the existing scientific paradigm. The concept of DH, connected with the use of the methods of computer-aided text analysis, processing of large data sets, digital mapping and 3D modeling in historical, linguistic and cultural studies,*

affected libraries in the whole range of their inherent functions: custodians of cultural heritage, providers of scientific communication, and centers for knowledge organization and dissemination.

The article aims to compensate the lack of publications, existing in Russian library science, both on the conceptual grounds and the practice of productive cooperation of libraries and DH-projects. The author reveals the content of the cardinal reform of the essence of library work under the auspices of digital science (e-science), associated with the growing complexity of the information environment, the large amounts of heterogeneous data, the interactive potential of modern information and communication technologies, and the personalization of user interfaces. The article classifies the types of cooperation between libraries and DH-projects, reducible to three main models: service, laboratory and network. The range of services provided by libraries

to DH-project developers is analyzed: from initial consulting, access to electronic storage infrastructure, management of digital projects, finding grants and applying for them, to promotion, marketing and professional computer assistance.

The article presents positive examples of library re-branding as a place for avant-garde scientific research, synergy of methods and research strategies for exact and human sciences. The list of responsibilities of library DH-centers is considered: building digital collections for scientific or educational purposes; creating tools for databases identification, formation, and analysis; management of research process, support of websites, digital publication and storage of research results; organization of training in the field of DH, creation of lecture courses and programs, organization of seminars and conferences, cooperation with similar structural units of other institutions.

Key words: Digital Humanities, digital collections, electronic science, computer text analysis, digital mapping, 3D modeling, project management, database, hypertext, scientific paradigm.

Citation: Savitskaya T.E. Paradigm Shift: Libraries in the Context of Digital Humanities (Foreign Experience), *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 532–541 DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-532-541.

References

1. Cassella M. New Trends in Academic Library Partnerships: Academic Libraries and Digital Humanities, *Proceedings of the IATUL Conferences. Paper 2*. Available at: <http://docs.lib.purdue.edu/iatul/2017/partnership/2> (accessed 05.05.2018).
2. Mozhaeva G.V., Serbin V.A., Mozhaeva-Renya P.N. Digital Humanities: Organizational Forms and Infrastructure of Research, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2014, no. 389, pp. 73–81 (in Russ.).
3. Sula Ch. A. Digital Humanities and Libraries: A Conceptual Model, *Journal of Library Administration*, 2013, vol. 53, no. 1, p. 1026. DOI: 10.1080/01930826.2013.756680.
4. Schaffer J., Erway R. Does Every Research Library Need a Digital Humanities Center? *OCLC Research*, 2014. Available at: <https://www.oclc.org/content/dam/research/publications/library/2014/oclc-research-digital-humanities-center-2014.pdf> (accessed 08.05.2018).
5. Bryson T., Posner M., St. Prierre A., Varner S. SPEC Kit 326: Digital Humanities, *Association of Research Libraries*, 2011, November. Available at: <https://publications.arl.org/Digital-Humanities-SPEC-Kit-326> (accessed 10.05.2018).
6. Burrows T., Verhoeven D. Libraries and Digital Humanities: Partnership, Collaboration and Shared Agendas, *VALA 2016 Conference*. Available at: <https://deb-verhoeven.s3.amazonaws.com/papers/LibrariesandtheDigitalHumanities.pdf> (accessed 08.05.2018).
7. Varner S., Hswe P. Special Report: Digital Humanities in Libraries, *The American Libraries*, 2016, no. 1. Available at: <https://americanlibrariesmagazine.org/2016/01/04/special-report-digital-humanities-libraries/> (accessed 10.05.2018).
8. Maron N.L., Pickle S. Sustaining the Digital Humanities: Host Institution Support beyond the Start-up Phase, *Ithaca S+R*, 2014, June 18. DOI: 10.18665/sr.22548.
9. Hartsell-Gundy A., Braunstein L., Golomb L. (eds). *Digital Humanities in the Library: Challenges and Opportunities for Subject Specialists*. Chicago, Association of College and Research Libraries, a division of the American Library Association Publ., 2015, 287 p. Available at: http://www.ala.org/acrl/sites/ala.org.acrl/files/content/publications/booksanddigitalresources/digital/9780838987681_humanities_OA.pdf (accessed 14.05.2018).
10. Christian-Lamb C., Potvin S., Padilla Th. Digital Humanities in the Library / Of the Library, *dh+lib*, 2016, Special Issue. Available at: <https://acrl.ala.org/dh/2016/07/29/introduction/> (accessed 14.05.2018).
11. Kim J. 6 Questions for Digital Humanities Librarian, *Inside Higher Ed*, 2016, August 17. Available at: <https://www.insidehighered.com/blogs/technology-and-learning/6-questions-digital-humanities-librarian> (accessed 14.05.2018).
12. Munoz T. In Service? A Further Provocation on Digital Humanities Research in Libraries, *dh+lib*, 2013, June 19. Available at: <https://acrl.ala.org/dh/2013/06/19/in-service-a-further-provocation-on-digital-humanities-research-in-libraries/> (accessed 14.05.2018).
13. Liu A. N+1: A Plea for Cross-Domain Data in the Digital Humanities, *Debates in the Digital Humanities 2016*, University of Minnesota Press

- Publ., 2016, pp. 559–568. Available at: <http://dh.debat.es.gc.cuny.edu/debates/text/101> (accessed 17.05.2018).
14. Vandergrift M. What Is Digital Humanities and What's It Doing in the Library? *In the Library with the Lead Pipe*, 2012, June. Available at: <http://www.inthelibrarywiththeleadpipe.org/2012/dhandthelib/> (accessed 21.05.2018).
15. Nowviskie B. A Skunk in the Library: A Path to Production for Scholarly R+D, *Journal of Library Administration*, 2013, vol. 53, no. 1, pp. 53–66. DOI: 10.1080/01930826.2013.756698.
16. Nowviskie B. *Too Small to Fail*. Available at: <http://www.nowviskie.org/2012/too-small-to-fail/> (accessed 17.05.2018).
17. Posner M. No Half Measures: Overcoming Common Challenges to Doing Digital Humanities in the Library, *Journal of Library Administration*, 2013, vol. 53, no. 1, pp. 43–52. DOI: 10.1080/01930826.2013.756694.
18. Wong Sh. H.R. Digital Humanities: What Can Libraries Offer? *Libraries and the Academy*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 669–690. DOI: 10.1353/pla.2016.0046.

НОВИНКА

Библиотеки в информационном обеспечении реализации государственной культурной политики : материалы X Всероссийского совещания руководителей служб информации по культуре и искусству, Москва, 3—4 октября 2017 г. Москва : Пашков дом, 2018. 218 с. ISBN 978-5-7510-0748-5.

Сборник содержит материалы X Всероссийского совещания руководителей служб информации по культуре и искусству «Библиотеки в информационном обеспечении реализации государственной культурной политики» (3—4 октября 2017 г.), организованного Российской государственной библиотекой в партнерстве с Санкт-Петербургским государственным институтом культуры.

В сборнике опубликованы доклады и сообщения участников, итоговый документ, новая редакция «Положения о Российской системе научно-информационного обеспечения сферы культуры», «Положение о VI Всероссийском смотре-конкурсе библиотек на лучшее электронное издание по культуре и искусству» и информация о победителях и лауреатах этого конкурса, подведение итогов которого состоялось на совещании.

Справки и заказ изданий:

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5
Российская государственная библиотека, Отдел книжных изданий
+7 (499) 557-04-70, доб. 25-72; Pashkov_Dom.Book@rsl.ru
http://store.rsl.ru/service/pashkov_dom

УДК 028
ББК 78.073
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-5-542-555

В.Я. АСКАРОВА, С.Б. СИНЕЦКИЙ, В.С. ЦУКЕРМАН

СТИМУЛЫ ЧТЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виолетта Яковлевна Аскарова,

Челябинский государственный институт культуры,
кафедра библиотечно-информационной
деятельности,
профессор

Орджоникидзе ул., д. 36 а,
Челябинск, 454091, Россия

доктор филологических наук,
кандидат педагогических наук, профессор
E-mail: viovita@ya.ru

Сергей Борисович Синецкий,

Челябинский государственный институт культуры,
кафедра культурологии и социологии,
профессор

Орджоникидзе ул., д. 36 а,
Челябинск, 454091, Россия

доктор культурологии, доцент
E-mail: sbs62@mail.ru

Владимир Самойлович Цукерман,

Челябинский государственный институт культуры,
кафедра культурологии и социологии,
профессор

Орджоникидзе ул., д. 36 а,
Челябинск, 454091, Россия

доктор философских наук, профессор
E-mail: kf2@chgaki.ru

Реферат. *До сих пор нет весомых результатов, свидетельствующих об эффективности резко активизировавшейся в последние годы в России программно-проектной деятельности по поддержке и развитию чтения. Во многом это объясняется отсутствием системы представлений о стимулах, побуждающих человека практиковать те или иные действия, способствующие чтению. Интенсивность и содержание читательской деятельности определяют объ-*

ективные процессы общественного развития. Вместе с тем она испытывает на себе влияние системы социальной регуляции читательского поведения, которую осуществляют институциональная и неинституциональная сферы.

Институциональная регуляция, представленная системой властных структур, официальных социально-коммуникационных институтов, реализуется посредством директивных, регламентирующих, нормативно-правовых документов, культурной политики, определяющей культурный ландшафт, а также позиционированием институтов инфраструктуры чтения. Для последних в настоящее время характерна тенденция использования мягких методов побуждения к чтению на основе субъект-субъектного взаимодействия с реальными и потенциальными читателями с помощью специфических средств воздействия. Все шире используются технологии рекламы и пропаганды, методы и средства социальной технологии и социальной инженерии, социального планирования и прогнозирования, элементы психологии управления. В неинституциональной сфере стимулирование читательской деятельности реализуется на основе традиций, обычаев, привычек, настроений, ценностных представлений. Главенствующую роль здесь играет социальное окружение: семья, круг непосредственного общения, референтные и субкультурные группы, сетевые читательские сообщества.

Обе сферы взаимодействуют, по-своему отражая друг друга. Знание о процессах, происходящих в сфере общественной самодеятельности, позволит институтам инфраструктуры чтения гармонизировать собственную деятельность, приведя ее в состояние, соответствующее реальным запросам различных групп потенциальных или реальных читателей на основе социально-психологических механизмов общения, рекомендаций «значимых других», разнообразных проявлений моды в чтении.

В статье показано, что в системе работы по поддержке и развитию чтения необходимо выявлять и называть наиболее действенные стимулы, обусловленные социально-культурным контекстом; стимулы, порождаемые сферой институциональной регуляции на уровне властных структур и институтов инфраструктуры чтения, а также стихийно фор-

мирующиеся в сфере неинституциональной регуляции читательской деятельности. Происходящее в неинституциональной сфере должно стать для сферы институциональной важным ориентиром для корректировки собственной деятельности и поиска наиболее результативных управленческих решений и средств взаимодействия с читателями.

Ключевые слова: поддержка и развитие чтения, стимулы чтения, социальная регуляция читательского поведения, институциональная сфера, неинституциональная сфера, субъект-субъектное взаимодействие, гармонизация деятельности, формирование устойчивой мотивации к чтению.

Для цитирования: Аскарова В.Я., Синецкий С.Б., Цукерман В.С. Стимулы чтения в системе социокультурной регуляции читательской деятельности // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 542–555. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-542-555.

Система работы по поддержке и развитию чтения в последнее десятилетие переживает в России определенный подъем: реализуется Национальная программа поддержки и развития чтения [1], утверждена Концепция Национальной программы поддержки детского и юношеского чтения [2], проводятся мероприятия в рамках региональных проектов в соответствующем направлении. Однако все предпринятые усилия могут быть оценены двояко. С одной стороны, очевидны изменения в профессиональном сознании специалистов в области книги и чтения; проблемы читательской деятельности все чаще становятся предметом обсуждения в средствах массовой информации (СМИ), на различных конференциях, расширился круг профессионалов, демонстрирующих свою заинтересованность в обозначенном проблемном пространстве. В частности, в последние годы его весьма результативно осваивают теоретики и практики педагогики. Несомненно, есть определенные успехи, о которых коллеги сообщают в своих публикациях и устных выступлениях [3; 4]. С другой стороны, нет

веских оснований считать, что вся объемная, многоаспектная и уже многолетняя работа по развитию и поддержке чтения глобально повлияла на содержание и характер чтения в России.

На вопрос о причинах этой ситуации едва ли можно ответить однозначно. Среди наиболее очевидных факторов — отсутствие четких ориентиров и мер стимулирования на самом высоком уровне¹, о чем мы неоднократно высказывались ранее [5], не вполне отрефлексированные трансформации институтов инфраструктуры чтения, практически приведшие к разрушению системы культурного посредничества между читателем и книгой, крайне неудовлетворительное состояние профессиональной читателеведческой подготовки специалистов книжного дела, прежде всего библиотекарей. Сказывается также неспособность людей ориентироваться в литературном потоке в отсутствие понятной, вызывающей доверие системы селекции его содержания, невозможность приспособиться к жестким экономическим реалиям книжного рынка. Имеет значение и неудовлетворительная научная база, не позволяющая создать объективную, панорамную картину чтения населения и выявить факторы, которые влияют на читательскую активность.

СТИМУЛЫ ЧТЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Среди причин, препятствующих результативности программно-проектной деятельности в обозначенном направлении, назовем недостаточно оформленные представления о системе стимулов чтения, которые бы активизировали его на уровне общества, отдельных групп и конкретного

¹ Концепция национальной программы поддержки и развития чтения — первый документ, утвержденный правительством на федеральном уровне в июле 2017 г., однако разработанная на ее основе подпрограмма «Детское чтение», которая должна стать составной частью правительственной программы «Информационное общество», уже больше года находится на стадии утверждения.

индивида. Стимулы чтения мы понимаем как различные раздражители, побуждающие человека практиковать те или иные действия, способствующие чтению, проявлять активность, направленную на удовлетворение собственных потребностей посредством обращения к различным текстам. Источником этих раздражителей могут быть властные структуры, институты инфраструктуры чтения, общественные организации, социальное окружение и иные участники общественной жизни, так или иначе осуществляющие культурное посредничество при взаимодействии человека с миром книги. Полагаем, что их осмысление даст толчок к развитию наиболее действенных практик социально-культурной деятельности, направленных на активизацию чтения.

Следует отметить, что результативность стимулирования читательской активности во многом определяется социокультурным контекстом. На макроуровне доминирующим фактором, побуждающим к чтению, во все времена являлись объективные процессы социально-экономического развития, отраженные в общественных рефлексиях по поводу того, насколько чтение необходимо, значимо для переживаемого момента, как высока ценность того, что оно в состоянии дать нации — знания, эрудицию, социальный опыт, возможности саморазвития, обогащение эмоциональной сферы и др. В том случае, если социумом востребованы и, соответственно, поощряются люди образованные, эрудированные, сам этот факт стимулирует развитие чтения как средства обретения социально ценных качеств. И напротив, в ситуации, когда общество стагнирует, не нуждается в людях с развитым интеллектом, способных к решению сложных задач, целенаправленные усилия по стимулированию читательской деятельности в социально значимом масштабе обречены на неудачу. Читательскую деятельность² мы трактуем расширительно

² Читательская деятельность реализуется в таких поведенческих актах, как непосредственный акт чтения, приобретение книг в личное пользование, книгособирачество, посещение библиотек и их мероприятий, книготорговых заведений, книжных ярмарок, выставок, салонов, участие в книгообмене, различных событиях по поддержке и развитию чтения, посещение соответствующих интернет-ресурсов, ведение читательских блогов,

как осознанную активность, направленную на удовлетворение собственных потребностей посредством различных письменных текстов при культурном посредничестве производящих и распространяющих их социально-коммуникационных институтов.

Стимулы чтения трансформируются в соответствии с изменениями, происходящими в социальной жизни (под влиянием приоритетов религиозной, хозяйственной, политической жизни, общественных настроений, ценностей, особенностей саморазвития книжной культуры). Испытывая на себе влияние широкого спектра причин, они своеобразно проявляли себя в отдельных социальных общностях, демографических группах и внутреннем мире конкретной личности. Исторический опыт показывает, что в разные периоды для отдельных стран были характерны свои системы доминирующих факторов.

Например, для духовенства и чиновников древних цивилизаций Востока обращение к плодам письменности было стимулировано необходимостью выживания и решения важнейших хозяйственных проблем, в античном мире — потребностью в познании человеческой сущности, законов природы, освоении новых земель. В средневековой Европе к чтению побуждали представления о глобальной цели спасения человечества посредством христианского вероучения и, соответственно, в основном круге чтения воцарилась религиозная литература. В эпоху Ренессанса основным стимулом чтения выступала идея возвращения человеку его величия путем воскрешения смыслов античного наследия, познания естественных законов мира. В век Просвещения чтение светской литературы определялось объективной потребностью в развитии светской науки, производства, ремесел. В России петровского периода чтение стимулировалось задачами реформирования государства на европейский лад; в екатерининскую эпоху — попытками гармонизации общественной жизни посредством просвещения, «исправления сердец»; в первой половине XIX в. — развитием промышленного и сельско-

хозяйственного производства, именно так было обосновано открытие общественных библиотек для людей разного чина. В ранний советский период стимулом к чтению были задачи социалистического строительства в духе большевистской идеологии формирования «нового человека», строителя коммунистической утопии, в более позднее время — воспитания «всесторонне развитой, гармоничной личности» в духе господствующих политических установок. Наиболее полно систему социальных факторов, определяющих книжный процесс и, соответственно, чтение, выявил в свое время М.Н. Куфаев в работе «Проблемы философии книги» [6], основные смыслы которой еще не введены в научный оборот в полной мере.

Осознавая важнейшую роль объективных факторов общественной жизни в развитии чтения, отметим, что оно никогда, по сути, не было саморазвивающейся деятельностью, свободной от внешних по отношению к читателю усилий. То или иное воздействие на чтение оказывают культурная политика конкретного государства, род занятий определенного сообщества или отдельного индивида, активное воздействие инфраструктуры чтения в направлении его поддержки и развития, требования социума, прежде всего непосредственного окружения. Чтение регулировалось, т. е. упорядочивалось, согласно господствующим представлениям о правилах, нормах социальной жизни, предназначение которых — обеспечение функционирования общественной системы. Оно определяло основы и приоритеты общественной жизни, транслировало представления о доминирующих ценностях, способствовало развитию хозяйственной и иной социальной деятельности и, соответственно, в определенной мере регламентировалось представителями светской и духовной власти, которые понимали силу чтения, его возможности. Они дозировали обращение к нему сообразно сложившейся в обществе социальной иерархии — так сложилось еще со времен развития письменности и чтения в цивилизациях Древнего Востока.

Распространив на область чтения сложившиеся в теории социального управления представления о регуляции общественной жизни, сформированные М.И. Бобневой, Е.В. Шороховой [7; 8], попытаемся рассмотреть роль и ме-

сайтов, размещение комментариев и отзывов о прочитанных книгах, участие в сетевых читательских сообществах и пр.

сто различных стимулов в системе регуляции читательской деятельности.

Объектами социальной регуляции могут быть практически все процессы, связанные с книгоизданием, книгораспространением, чтением, установками по отношению к книжной культуре и ее отдельным явлениям, а также к различным действиям с книгой и чтением. Возможности и содержание этой регуляции определяются уровнем общественного развития, доминирующими представлениями о ценностях, а также состоянием регулирующего объекта — его законодательной базой, качеством управления в целом, материальными и нематериальными ресурсами, состоянием и приоритетами профессионального сознания специалистов инфраструктуры чтения, владением социокультурными практиками воздействия на читательскую активность. Кроме того, эти возможности определяются качествами регулируемого объекта, в данном случае — читательского сообщества или конкретного читателя: состоянием общей и читательской культуры, а также уже сформировавшимися привычками и предпочтениями по отношению к книге, состоянием медийно-информационной грамотности, наличием потребностей в чтении, степенью податливости определенным регулятивным воздействиям, уровнем доверия к тому или иному коммуникационному каналу.

Механизмы и средства социальной регуляции читательской деятельности различны: они могут быть сформированы социальными институтами (в этом случае мы говорим об институциональной регуляции) и проявляться в результате неформального взаимодействия людей, т. е. действовать в сфере неинституциональной регуляции.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Первая ступень институциональной регуляции на макроуровне реализуется системой властных структур национального статуса. Они вырабатывают директивные, регламентирующие и норма-

тивно-правовые документы: эдикты, энциклики, буллы, законы, указы, распоряжения, инструкции, циркуляры, нормы, кодексы и пр. Такие документы выполняют функции запрещения, предписания, дозволения, ограничения, связанные с книгоизданием, книгораспространением, чтением. Практически вся история мирового развития чтения окрашена различными примерами вмешательства властных структур в читательскую деятельность, ее регламентации, ориентации в том или ином направлении: это цензурные меры, формирование представлений о социально полезном и социально вредном чтении, поддержка определенных институтов книжного дела, отдельных изданий и, напротив, ограничение деятельности других и т. д.

Регулятивные меры, исходящие от властных структур, могут быть жестко-ограничительными, что характерно для государства тоталитарного типа (сожжение книг, цензурные запреты, регламенты, «чистка» библиотек — библиоцид, преследование авторов, наказание читателей за чтение запрещенной литературы и т. д. [9; 10]). В качестве регламентирующих мер используются списки «истинных» и «ложных» книг, «лучших книг», «одобрительные» каталоги, «привилегии». Направляющими, корректирующими действиями являются открытие и поддержка институтов инфраструктуры чтения, определение приоритетов в книгоиздании и книгораспространении, конкретного фрагмента книжной культуры, поддержка программ и проектов, направленных на поддержку и развитие чтения. Стимулирующее воздействие оказывает и выделение грантов на соответствующую исследовательскую и практическую деятельность, проведение конкурсов. Порой в деятельности властных структур наблюдается причудливое сочетание жестко-запретительных мер со стимулированием читательской деятельности. Так, Петр I достаточно жестко регулировал книжное дело и развивал его, определяя возможности чтения и формируя его содержание; принуждал чиновников к покупке книг; формулировал запреты, касающиеся чтения старообрядческих и колдовских книг. Одновременно использовались меры, направленные на развитие чтения (завоз и перевод практически полезных книг из-за рубежа,

открытие типографий, удешевление книжной продукции) и положительное стимулирование (как известно, за чтение «Ведомостей» в трактирах кормили). Все названные меры можно трактовать как внешние раздражители, стимулы, побуждающие или вынуждающие человека реализовывать читательскую деятельность определенным образом.

В современной России система регуляции читательской деятельности со стороны государственных властных структур высшего уровня проявляет себя в минимальной степени. В ряду ее усилий — финансовая поддержка Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям отдельных мероприятий в рамках реализации Национальной программы поддержки и развития чтения (2006), введение должности педагога-библиотекаря в перечень должностей работников образования (2011), словесные декларации о значимости поддержки чтения, особенно детского и юношеского, необходимости разработки соответствующей программы.

Представители второй регуляционной ступени — региональные и муниципальные власти — свою позицию по отношению к читательской деятельности проявляют, например, определенным наполнением пространства культуры той или иной комбинацией ценностей [11], различными символами книжной культуры и расширением территории чтения. В качестве символов книжной культуры, способствующих обращению к смыслам чтения на подсознательном уровне, могут выступать памятники писателям, поэтам, книгам, деятелям книги, читателям, литературным и сказочным героям, предметам литературных произведений. Так, в работах С.С. Соковикова рассматривается широкий спектр значений и смыслов памятников книге, анализируются социокультурные контексты скульптурных воплощений литературных образов [12; 13]. Как важнейшая составляющая культурного ландшафта эти артефакты могут стимулировать неявную коммуникацию с миром книги, диалог с его символами, рефлексию по поводу собственного читательского опыта.

Расширение пространства чтения, в неявной форме стимулирующее обращение к чтению, достигается посредством создания летних

читальных залов, литературных кафе, отелей-библиотек, открытых библиотечных площадок, литературных скверов и парков, книжных выкладок на остановках общественного транспорта, на пляжах, в метро и поездах. В этом же ряду — проведение книжных ярмарок и выставок на площадях и в пешеходных зонах. Все это не только способствует созданию условий для чтения, напоминает о его необходимости, но и на уровне подсознания внедряет мысль об органичности присутствия книги и чтения в повседневной жизни.

Заинтересованность органов власти в развитии чтения проявляется и в отношении к его инфраструктуре, которая представлена системой институтов книжного дела, образовательно-воспитательными заведениями, СМИ, религиозными учреждениями, музеями, театрами, кинотеатрами и пр.³

В странах, которые заинтересованы в формировании читающей нации, заботятся о визуальной привлекательности книжных магазинов, библиотек, создании их образов, рассчитанных на «вау-эффект»: удивление, изумление, удовольствие, восторг от необычного, прекрасного, разрушающего привычные стереотипы восприятия. Природа необычного может быть разной; она определяется архитектурными формами, материалом изготовления, дизайном интерьера, размером, местом расположения, ресурсами, формами взаимодействия с читателями. В числе наиболее ярких примеров такого рода — Филологическая библиотека Свободного университета Берлина (архитектор Н. Фостер назвал ее «Мозг Берлина»); Национальная библиотека республики Казахстан, похожая на летающую тарелку или морскую раковину; Национальная библиотека в корейском Сечжоне, форма парящей крыши которой напоминает страницу книги; новое здание Королевской библиотеки в Копенгагене, получившее название «Черный бриллиант». В Нью-Йорке создана Библиотека метро: в вагонах, оформленных по подобию читальных залов Публичной библиотеки, организо-

³ Возможности стимулирующего воздействия названных институтов инфраструктуры чтения более детально рассмотрены в «Программе развития и поддержки чтения в Челябинской области (2017–2020)» [14].

ван бесплатный доступ к электронным книгам [15]. В Сеуле в неожиданном месте — крупнейшем подземном торговом центре — открылась гигантская по площади (2,8 тыс. кв. м) двухэтажная публичная библиотека, которая может предложить не только богатый фонд (50 тыс. названий), но и возможность воспользоваться ресурсами информационного центра, обсудить книги, прослушать лекции, посетить художественные выставки [16].

Позиция региональных властей по отношению к стимулированию читательской активности проявляется и в реализации программно-проектной деятельности по поддержке и развитию чтения. Такие программы активно разрабатывались в последние 10–15 лет в Республиках Карелия, Калмыкия, Хакасия, Саха (Якутия), Челябинской, Ленинградской, Ульяновской, Самарской областях, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах⁴. Как показал опыт, успех программно-проектной деятельности на региональном уровне во многом определяется включенностью административного фактора, наличием в регионе соответствующих кадровых ресурсов, общим состоянием институтов инфраструктуры чтения.

Эти институты, представляющие третью ступень институциональной регуляции, в стимулировании читательской деятельности опираются на государственные директивные и нормативные документы, общественные запросы, требования региональной жизни, а также исходят из интересов и приоритетов своего развития. Их усилия во многом определяются уровнем квалификации, состоянием профессионального сознания занятого в нем персонала и представлениями о границах дозволенного в проявлениях собственной активности. Используемые ими средства, формы и методы стимулирования читательской деятельности изменялись с течением времени, приспособляясь к требованиям властных структур, общественным запросам, изменяющимся практикам коммуникативного поведения, представлениям о наиболее результативных формах взаимодей-

ствия с реальными и потенциальными читателями. К их числу мы относим посетителей ярмарок, покупателей книоторговых заведений, участников различных мероприятий по поддержке и развитию чтения, членов сетевых читательских сообществ и пр.

Тенденции последних лет — использование институтами инфраструктуры чтения мягких методов влияния в духе идеологии культурного посредничества в рамках субъект-субъектного взаимодействия. Оно развивается на основе интерактивности, интенсивного использования интернет-технологий, взаимопроникновения форм и методов взаимодействия с читателями. Предпочтение отдается играм, конкурсам, литературным квестам, видеоклипам, рекомендательным сервисам, дайджестам, буктрейлерам, презентациям книги, встречам с писателями, викторинам и др. В системе стимулирования читательской активности все шире используются интернет-ресурсы: сайты библиотек, книгоиздательских и книоторговых предприятий, контент электронных СМИ, социальных сетей, блогов, форумов, рекомендательных сервисов, связанных с книгой и чтением. Развиваются различные формы профессиональной и непрофессиональной рекомендации книги.

Книгоиздательские организации сделали большой шаг вперед в осознании того, какие факторы влияют на поведение потенциального покупателя книги: имя автора книги, ее название, аннотация, предпродажные шоу, различные приемы рекламы книжной продукции, вовлечение в «раскрутку» книг медийных лиц и лидеров мнений, пережитый ранее читательский опыт. Полиграфические эффекты, оформление книги (обложка, иллюстрации, шрифт) могут оказать стимулирующее воздействие на читателя. Многие издательства публикуют на своих сайтах различные рекомендательные списки книг, участвуют в социальных акциях, посвященных поддержке и развитию чтения. Например, издательства в России («Эксмо», «Махаон», «Иностранка», «Азбука», «АСТ», «Художественная литература»), США (Farrar, Straus and Giroux, Scholastic, Houghton Mifflin Harcourt, HarperCollins), Германии (Random House, Mairisch-Verlag), Китае (China Publishing Group), Японии (Shueisha, Kodansha, Kadokawa Publishing) и др.

⁴ Тексты программ размещены на сайте Центра чтения Российской национальной библиотеки (<http://nlr.ru/prof/reader/metodsovet/dokumenty-v-podderzhku-chteniya>).

Наиболее показательные примеры проникновения в маркетинговую деятельность книготорговых организаций форм, которые ранее считались инструментами преимущественно библиотечного воздействия (викторины, презентации, встречи с писателями, выставки), демонстрирует книготорговая сеть «Новый книжный — Буквоед», московский и челябинский «Библиоглобус», пермский и екатеринбургский «Пиотровский» и др. Между тем конечные цели у предприятий книжного бизнеса и учреждений библиотечного дела разные: если у первого они связаны с побуждением к покупке, то у библиотек — преимущественно со стимулированием читательской активности (это не исключает идеалистических устремлений отдельных представителей книжного бизнеса, а также наличия у обеих сторон тяги к росту популярности, созданию позитивного имиджа, обретению определенных предпочтений со стороны властных структур, что в данном случае находится за пределами нашего рассмотрения).

В ряде стран (Великобритания, Германия, США, Франция) значительная стимулирующая роль принадлежит бумажным и электронным СМИ, что, как правило, учитывается в программно-проектной деятельности, направленной на поддержку и развитие чтения. Достаточно вспомнить ставший интернациональным проект «Большая книга», французские «Праздники чтения», американский «Книжный клуб Опры Уинфри», телевизионный проект «Среди львов» и пр. [17].

Высшие и средние специальные учебные заведения, школы в последние годы в соответствии с изменившейся парадигмой образования все больше внимания в учебном процессе уделяют использованию книги и чтения. Это вызвало появление нового специалиста, гибридный характер деятельности которого отражен в наименовании «педагог-библиотекарь». У школьников и студентов в числе основных стимулов чтения выступают, прежде всего, требования учебного процесса, будущей профессии; на соответствующие запросы откликаются педагоги и действующие при образовательных учреждениях библиотеки. Среди популярных форм и приемов стимулирования читательской деятельности учащихся — чита-

тельские соревнования между классами и группами, сотрудничество с родителями, бабушками и дедушками, опора на лидеров чтения, разнообразные конкурсы, литературные балы, читательские блоги, квесты, телекоммуникационные проекты, занятия по развитию чтения. Многообразие этих форм представлено, в частности, в культурно-образовательных атласах, посвященных проектам поддержки и развития чтения [18; 19].

Театры и кинотеатры находятся в поиске выявления новых подходов к определению взаимодействия кино, театральной постановки и литературы; среди них — адаптация, мутация, интерпретация, экранизация. О значимости визуализации литературного текста для развития чтения свидетельствует опрос, проведенный Д. Хафизовым: 51, 5% опрошенных челябинских студентов заявили, что предпочитают совмещать чтение литературных произведений и их экранизацию, а для трети опрошенных кинофильм, снятый по мотивам художественного произведения, является решающим фактором при выборе книг для чтения [20]. В целях усиления воздействия экранизации применяются формы, включающие взаимосвязь кино и литературы: киноклубы, семинары, открытые лекции, дискуссионные площадки, творческие встречи и т. д. Разжиганию интереса к литературному первоисточнику служат такие приемы, как использование визуального ряда экранизаций в компьютерных играх, сувенирах, разнообразной полиграфической продукции, аттракционах, трейлерах, постерах и пр.

Современные музеи, особенно литературные, также находятся в поиске форм, направленных на стимулирование читательской активности. Об этом, в частности, свидетельствует проведенный в 2018 г. в Государственном музее Л.Н. Толстого научно-практический семинар «Продвижение чтения среди детей и юношества: роль литературных музеев», на котором впервые в России обсуждалась специфическая роль литературных музеев в деле поддержки и развития чтения детей и юношества [21]. Так, в Государственном литературном музее уже реализован проект «Сказка выходного дня», в котором экспозиции сказочных произведений сочетаются с музейно-педагогическими занятиями для детей [22].

Таким образом, в настоящее время регулятивные возможности практически всех институтов инфраструктуры чтения пересматриваются в контексте интенсивного развития партнерского взаимодействия и разрушения традиционных представлений о функциях и формах участия в общественной жизни. В их работу все активнее проникают технологии рекламы и пропаганды, методы и средства социальной деятельности (технологии, инженерии, планирования и прогнозирования).

НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрим возможности неинституциональной регуляции читательской деятельности. На макроуровне она реализуется различными формами общественной самодеятельности, стихийно сложившимися традициями, обычаями, привычками, представлениями о должном, нормами, которые своеобразно преломляются на микроуровне — ближайшем социальном окружении (семья, круг друзей, коллеги по работе, товарищи по учебе, соседи и т. п.) и в различных формальных и неформальных сообществах. Зарождающиеся здесь стимулы чтения предполагают мягкое, ненасильственное воздействие и находятся в определенных отношениях с официальными установками, усиливая их, либо, напротив, составляя им оппозицию. На низком уровне развития государственности, для которого характерно крайне слабое регулятивное воздействие на чтение и отсутствие соответствующих директивных и регламентирующих документов, именно социальные нормы, воспринимаемые как традиции, а также стихийно сформировавшиеся под влиянием объективных факторов общественной жизни социальные потребности выполняют регулятивную функцию.

Стимулы, порождаемые неинституциональной формой, также претерпевают трансформации под влиянием динамично изменяющихся трендов социальной жизни. Особенности взаимодействия двух названных сфер могут быть

различными. Они либо находятся в согласии с официальными установками, либо противостоят им, выступая в качестве противодействия давящей системе, либо нейтральны по отношению к инициативам, исходящим от институциональной сферы.

При наличии в обществе относительного консенсуса (примерами могут служить периоды общественного единения после вступления на престол Александра II, на первом этапе «перестройки» в нашей стране в XX в.) усилия по стимулированию читательской активности достаточно гармоничны, направлены на достижение общего социального блага, которое понимается как установление в государстве открытости, справедливости, согласия во взаимоотношениях различных сообществ.

В конфликтном обществе при наличии социальных сил, противодействующих властной системе, неформальные участники книжного процесса, в том числе преследуемые, запрещенные, реализуют собственную активность, оппозиционную властным установкам. В этом ряду — чтение «отреченной» литературы, «богоотметных» книг в русском Средневековье; старообрядческой литературы после русского раскола в XVII в.; тяга к революционизирующим сознание книгам у российского радикально настроенного дворянства в первой половине XIX в.; усиленный интерес к изданиям, запрещенным «министерскими каталогами» в России времен К.П. Победоносцева; создание стихийных «черных» книжных рынков в СССР и т. д. В 1960–1970-е гг. в нашей стране формами противостояния официальной идеологии была деятельность «самиздата», «тамиздата», распространение рукописей, чтение «антисоветских» произведений. Дух противоречия и поиски истины стимулировали чтение запрещенной литературы, развитие оппозиционной читательской активности. В этой ситуации неинституциональная сфера играла роль своего рода «зазеркалья»; отражая ограничения, исходящие от институциональной сферы, она выполняла компенсаторную функцию выражения общественных настроений и потребностей, вытесняемых и заглушаемых официальными институтами, исполняя роль своего рода лакмусовой бумаги, проявляющей противоречия общественной жизни.

Возможен и вариант, когда в отсутствие значимых регулятивных усилий со стороны официальных институтов инициатива переходит к неинституциональной сфере. Примеры относительной нейтральности по отношению к институциональным усилиям: создание книг, написанных «по собственному почину» на Руси в XVII в.; влияние наиболее ярких выразителей общественного мнения (Н.М. Карамзина, В.Г. Белинского) на развитие чтения в России первой половины XIX в.; нынешнее распространение самостоятельно сочиненных текстов в сетевом пространстве и др. Эти проявления общественной самодеятельности отражают потребности общества в самопознании и саморазвитии, заполняют вакуум, оставленный институциональной сферой, игнорирующей или отвергающей общественные запросы в области чтения. Ситуацию, когда читательская деятельность реализуется спонтанно, можно, на наш взгляд, обозначить как саморегуляцию читательской деятельности; таковая также может проявляться на уровне общества, отдельных групп и конкретного индивида. Хотя, оговоримся, полную независимость от внешних воздействий представить трудно.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРЫ РЕГУЛЯЦИИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Итак, читательская деятельность может регулироваться каждой из названных сфер — институциональной и неинституциональной, либо, как это обычно бывает, являться результатом их диалога, они взаимодействуют, по-своему отражая друг друга. Нередко активность одной из сфер порождает ответные действия со стороны другой; неинституциональная сфера может реагировать на запреты, упущения, неадекватные решения институциональной. Последняя, напротив, использовать административную и институциональную мощь, пресекая нежелательные

для власти проявления издательской, книгораспространительской и читательской активности.

Институциональная и неинституциональная сферы, таким образом, не разделены непреодолимым барьером; для институциональной сферы, объективно заинтересованной в результативности собственных усилий по поддержке и развитию чтения, крайне важно знать, что происходит в сфере неинституциональной, т. е. какие книги и по каким каналам люди добывают, как их обсуждают, реагируют на различные события книжной культуры, акции по популяризации чтения, как оценивают текущий литературный процесс. Упорядочивать библиотечное пространство следует, опираясь на реальный трафик его отдельных зон. Это позволит институтам инфраструктуры чтения гармонизировать собственную деятельность, приведя ее в состояние, соответствующее реальным запросам различных групп потенциальных или реальных читателей. Один из примеров такого рода — некогда пиратская деятельность нынешней электронной библиотеки ЛитРес. Практикуемое ею нелегальное распространение контента на безвозмездной основе помогло издателям и книгораспространителям осознать необходимость развития альтернативных каналов доступа к контенту. В результате за свою деятельность ЛитРес в 2014 г. была удостоена «Премии Рунета» [23].

В неинституциональной сфере важна культурная деятельность различных неформальных объединений: субкультур, интерпретативных сообществ, различных сетевых читательских объединений (фан-группы, клубы почитателей определенных жанров, клубы по обмену впечатлениями о прочитанном и проч.). Вхождение в названные группы способствует усвоению социальных норм, стимулирующих чтение или, напротив, препятствующих его развитию; все зависит от ценностных ориентаций того или иного сообщества, принятых в нем моделей поведения. Важный источник сведений о поведении нынешних читателей — Интернет. Изучение читательских блогов, форумов, флешмобов, буккроссингов и буктрейлеров в интернет-пространстве может кардинально изменить содержание работы по стимулированию читательской активности. К изучению

читательского поведения детей и юношества в сети уже приступили социологи Российской государственной детской библиотеки и Российской государственной библиотеки для молодежи [24; 25].

Поскольку основная роль в неинституциональной регуляции читательской деятельности принадлежит общению, порождаемым им феноменам и механизмам, последние должны быть использованы в стимулировании читательской деятельности. Пока что лишь намечены возможности использования социально-психологических механизмов общения (заражение, подражание, внушение, идентификация). Широкий простор для стимулирования читательской деятельности дают различные проявления моды в мире книги и чтения, основными из которых являются мода на чтение, читательская мода, литературная мода [26]. Использование в качестве пускового механизма ее базовых свойств, объектов, каналов распространения, социально-психологических механизмов общения может способствовать вовлечению людей в книжное пространство, акцентированию их внимания на ценных произведениях печати, а в конечном итоге — закреплению устойчивой привычки к чтению.

Конечная цель регулятивных усилий в области чтения — личность, которая является не только объектом воздействий со стороны социальных коммуникативных институтов, но и субъектом читательской деятельности, оказывая обратное «возмущающее воздействие» и на ближайшее окружение и, в той или иной мере, на макросреду. Избирательно реагируя на разнообразные внешние стимулы, пропуская их через свой внутренний мир, она соотносит их со своими познавательными, коммуникативными, престижными и другими потребностями, на базе которых формируются индивидуальные мотивы⁵, которые, закрепляясь в структуре личности, формируют культурную привычку к чтению. Поскольку чтение является полимотивированной деятельностью, необходимо выявлять доминирующие мотивы чтения и сопутствующие им дополнительные, которые могут

⁵ Под мотивом чтения в соответствии с традиционным пониманием мотива в психологии понимается осознанное внутреннее побуждение человека к чтению.

стать отправной точкой развития читательской активности. Самый надежный и долговременный фактор формирования читателя и создания читающей нации — формирование потребностей, предопределяющих развитие устойчивой мотивации к чтению; именно на это и должна быть направлена вся система работы.

Таким образом, в программах и проектах по поддержке и развитию чтения в качестве обязательного элемента должна анализироваться, учитываться, приниматься во внимание и использоваться вся система обозначенных стимулов. Необходимо выявлять и называть наиболее действенные стимулы, обусловленные социально-культурным контекстом; стимулы, порождаемые сферой институциональной регуляции на уровне властных структур и институтов инфраструктуры чтения, а также стимулы, стихийно формирующиеся в сфере неинституциональной регуляции читательской деятельности. Происходящее в неинституциональной сфере должно стать для сферы институциональной важным ориентиром для корректировки собственной деятельности и поиска наиболее результативных управленческих решений и средств взаимодействия с читателями. Гармонизация усилий со стороны обеих сфер позволит поднять систему работы по поддержке и развитию чтения на новый уровень, отвечающий требованиям изменяющейся реальности.

Список источников

1. Национальная программа поддержки и развития чтения [Электронный ресурс] // Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества. URL: http://mcbs.ru/files/File/nats_programma_podderzhki_chteniya.pdf (дата обращения: 16.10.2018).
2. Концепция Национальной программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации. Москва : [Б. и.], 2016. 25 с.
3. Национальная программа поддержки и развития чтения: год восьмой : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы» (Москва, 20–21 ноября 2014 г.). Москва. : Межрег. центр библиот. сотруд., 2015. 224 с.
4. Национальная программа поддержки и развития чтения: год девятый : материалы IX Всерос. науч.-

- практ. конф. «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы» (Москва, 26–27 ноября 2015 г.). Москва : Межрег. центр библиот. сотруд., 2016. 280 с.
5. Аскарлова В.Я. Национальная программа поддержки детского, подросткового и юношеского чтения в контексте федеральной и региональной культурной политики: необходимые шаги // Подготовка Программы поддержки детского и юношеского чтения: подходы и решения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 22 ноября 2016 г.). Москва : Межрег. центр библиот. сотруд., 2017. С. 62–84.
 6. Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. Москва : Наука, 2004. 188 с.
 7. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. Москва : Наука, 1978. 311 с.
 8. Бобнева М.И., Шорохова Е.В. Психологические механизмы регуляции социального поведения. Москва : Наука, 1979. 339 с.
 9. Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П. История мировой журналистики. Москва ; Ростов-на-Дону : МарТ, 2003. 432 с.
 10. Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды» (1917–1929). Санкт-Петербург : Академ. проект, 1994. 320 с.
 11. Funtova D.F., Sinetskiy S.B. The Space of Cultural Values in the Modern Russian Literature // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Т. 11, № 6. С. 927–934.
 12. Соковиков С.С. Мистерия книги: социокультурные контексты визуальных репрезентаций книги в культурном пространстве // От Года литературы — к веку чтения : коллектив. моногр. Москва, 2016. С. 173–226.
 13. Соковиков С.С. Памятник книге как культурный текст // Чтение на евразийском перекрестке : Четвертый Междунар. интеллектуальный форум (Челябинск, 26–27 октября 2017 г.) : материалы форума. Челябинск, 2017. С. 49–60.
 14. Программа поддержки и развития чтения в Челябинской области (2017–2020 гг.) / Министерство культуры Челябинской области ; Челябинский государственный институт культуры ; сост. В.Я. Аскарлова. Челябинск : ЧГИК, 2017. 79 с.
 15. “Subway Library” Offers Riders a Read on their Commute [Электронный ресурс] // New York Post. 2017. June 8. URL: <https://nypost.com/2017/06/08/subway-library-offers-riders-a-read-on-their-commute/> (дата обращения: 16.10.2018).
 16. Check Out this Incredible Giant Library that Just Opened in Seoul [Электронный ресурс] // Lonely Planet. URL: <https://www.lonelyplanet.com/news/2017/06/12/seoul-south-korea-library-coex/> (дата обращения: 16.10.2018).
 17. Как разорвать замкнутый круг. Поддержка и развитие чтения: новые возможности : науч.-практ. сб. / сост. Е.И. Кузьмин, О.К. Громова. Москва : Межрег. центр библиот. сотруд., 2007. 184 с.
 18. 100 проектов в поддержку чтения+. Актуальные социально-педагогические инициативы. Культурно-образовательный атлас / Т.Г. Галактионова, Е.И. Казакова, Р.В. Раппопорт и др. Москва : РИПОЛ-классик, 2015. 146 с.
 19. 100 проектов про чтение. Актуальные инициативы. Культурно-образовательный атлас / ред.-сост. Р.В. Раппопорт. Москва : РИПОЛ-классик, 2016. 144 с.
 20. Хафизов Д.М. От зрителя — к читателю // Вестник культуры и искусств. 2017. № 31(51). С. 91–98.
 21. Семинар «Продвижение чтения среди детей и юношества: роль литературных музеев» [Электронный ресурс] // Государственный литературный музей. URL: <https://goslitmuz.ru/news/157/6439/> (дата обращения: 14.10.2018).
 22. Сказка выходного дня [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд Владимира Потанина. URL: <http://museum.fondpotanin.ru/authors/441057> (дата обращения: 14.10.2018).
 23. Цыкина Е.В. Электронное пиратство и современная книгоиздательская система России // Библиосфера. 2016. № 2. С. 83–90.
 24. Кондратьева О.Н., Самохина М.М. Молодые читатели в Интернете. Москва : Рос. гос. б-ка для молодежи, 2011. 154 с.
 25. Чудинова В.П. Чтение и сообщества юных читателей в Интернете [Электронный ресурс] // Российская библиотечная ассоциация. URL: <http://www.rba.ru/content/activities/section/30/publ/2009/11.pdf> (дата обращения: 14.10.2018).
 26. Аскарлова В.Я. Многообразие проявлений феномена моды в чтении: эволюция представлений и научных подходов // Чтение. XXI век : коллектив. моногр. / Межрег. центр библиот. сотруд. ; [науч. ред.-сост. В.Я. Аскарлова]. Москва, 2014. С. 124–145.

Incentives for Reading in the System of Socio-Cultural Regulation of Reading Activity

Violetta Ya. Askarova*, **Sergey B. Sinetsky****, **Vladimir S. Tsukerman*****

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
36a, Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk, 454091,
Russia

E-mail: * viovita@ya.ru, ** sbs62@mail.ru,

*** kf2@chgaki.ru

Abstract. *The intensity and content of reading activity largely determine the objective processes of social development; at the same time, it is affected by the system of social regulation of reading behavior, which is carried out by institutional and non-institutional spheres. The lack of significant results testifying to the effectiveness of the program-project activity that has been intensified in recent years in Russia in support and development of reading is largely due to the lack of a system of ideas on the incentives that encourage people to practice certain actions that promote reading. Institutional regulation, represented by a system of power structures, official social and communicative institutions, is implemented through directive, regulatory, normative and legal documents, cultural policies that define the cultural landscape, as well as positioning of reading infrastructure institutions. The latter ones are currently characterized by a tendency to use soft methods of inducing reading on the basis of subject-subject interaction with real and potential readers using their specific means of influence. Advertising and propaganda technologies, methods and means of social technology and social engineering, social planning and forecasting, elements of management psychology are increasingly used. In the non-institutional sphere of regulation, the stimulation of reading activity is realized on the basis of traditions, customs, habits, moods, value representations. The dominant role is played here by the social environment: family, circle of direct communication, reference and subculture groups, networked readership communities. The institutional and non-institutional spheres interact, reflecting each other in their own way; knowledge of the processes taking place in the sphere of public initiative will enable reading infrastructure institutions to harmonize their activities, bringing it into a state corresponding to the real needs of various groups of potential or real readers on the basis of so-*

cio-psychological mechanisms of communication, recommendations of “significant others”, various manifestations of fashion in reading.

The article shows that, in the system of reading support and development, it is necessary to identify and name the most effective incentives determined by the socio-cultural context; the incentives generated by the sphere of institutional regulation at the level of power structures and reading infrastructure institutions, as well as the incentives spontaneously formed in the sphere of non-institutional regulation of reading activity. What is happening in the non-institutional sphere should become an important guideline for the institutional sphere to adjust its own activities and find the most effective management decisions and means of interaction with readers.

Key words: support and development of reading, incentives for reading, social regulation of reading behavior, institutional sphere, non-institutional sphere, subject-subject interaction, harmonization of activities, formation of sustainable motivation for reading.

Citation: Askarova V.Ya., Sinetsky S.B., Tsukerman V.S. Incentives for Reading in the System of Socio-Cultural Regulation of Reading Activity, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 542–555. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-542-555.

References

1. The National Program for Support and Development of Reading, *Mezhregional'nyi tsentr bibliotekhnogo sotrudnichestva* [Interregional Center of Library Cooperation]. Available at: http://mcbs.ru/files/File/nats_programma_podderzhki_chteniya.pdf (accessed 16.10.2018) (in Russ.).
2. *The Concept of the National Program for Support of Children and Youth Reading in the Russian Federation*. Moscow, 2016, 25 p. (in Russ.).
3. *The National Program for Support and Development of Reading: Year Eight: Proceedings of the 8th All-Russian Scientific and Practical Conference “The National Program for Support and Development of Reading: Problems and Perspectives”* (Moscow, November 20–21, 2014). Moscow, Mezhregional'nyi Tsent Bibliotekhnogo Sotrudnichestva Publ., 2015, 224 p. (in Russ.).
4. *The National Program for Support and Development of Reading: Year Nine: Proceedings of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference “The National Program for Support and Development of Reading:*

- Problems and Perspectives*” (Moscow, November 26–27, 2015). Moscow, Mezhhregional’nyi Tsentri Bibliotekhnogo Sotrudnichestva Publ., 2016, 280 p. (in Russ.).
5. Askarova V.Ya. The National Program for Support of Children, Adolescents and Youth Reading in the Context of Federal and Regional Cultural Policy: Necessary Steps, *Podgotovka Programmy podderzhki detskogo i yunosheskogo chteniya: podkhody i resheniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Moskva, Dom russkogo zarubezh’ya im. A. Solzhenitsyna, 22 noyabrya 2016 g.)* [Preparing the Program for Support of Children and Youth Reading: Approaches and Solutions. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, A. Solzhenitsyn House for the Russian Diaspora, November 22, 2016)]. Moscow, Mezhhregional’nyi Tsentri Bibliotekhnogo Sotrudnichestva Publ., 2017, pp. 62–84 (in Russ.).
 6. Kufaev M.N. *Problems of Book Philosophy. Books in the Process of Communication*. Moscow, Nauka Publ., 2004, 188 p. (in Russ.).
 7. Bobneva M.I. *Social Norms and Behavior Regulation*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 311 p. (in Russ.).
 8. Bobneva M.I., Shorokhova E.V. *Psychological Mechanisms of Social Behavior Regulation*. Moscow, Nauka Publ., 1979, 339 p. (in Russ.).
 9. Bespalova A.G., Kornilov E.A., Korochensky A.P. *The History of World Journalism*. Moscow, Rostov-on-Don, MarT Publ., 2003, 432 p. (in Russ.).
 10. Blyum A.V. *Behind the Scenes of the “Ministry of Truth” (1917–1929)*. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1994, 320 p. (in Russ.).
 11. Funtova D.F., Sinetsky S.B. The Space of Cultural Values in the Modern Russian Literature, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 927–934.
 12. Sokovikov S.S. The Mystery of Book: Sociocultural Contexts of Visual Representations of Book in the Cultural Space, *Ot Goda literatury – k veku chteniya: kollektiv. monogr.* [From the Year of Literature to the Century of Reading: collective monograph]. Moscow, 2016, pp. 173–226 (in Russ.).
 13. Sokovikov S.S. A Monument to Book as a Cultural Text, *Chtenie na evraziiskom perekrestke: Chetvertiy Mezhdunar. Intellektual’nyi forum (Chelyabinsk, 26–27 oktyabrya 2017 g.): materialy foruma* [Proceedings of the Fourth International Intellectual Forum “Reading at the Eurasian Crossroad” (Chelyabinsk, October 26–27, 2017)]. Chelyabinsk, 2017, pp. 49–60 (in Russ.).
 14. Askarova V.Ya. (ed.) *The Program for Support and Development of Reading in the Chelyabinsk Region (2017–2020)*. Chelyabinsk, ChGIK Publ., 2017, 79 p. (in Russ.).
 15. “Subway Library” Offers Riders a Read on their Commute, *New York Post*, 2017, June 8. Available at: <https://nypost.com/2017/06/08/subway-library-offers-riders-a-read-on-their-commute/> (accessed 16.10.2018).
 16. Check Out This Incredible Giant Library That Just Opened in Seoul, *Lonely Planet*. Available at: <https://www.lonelyplanet.com/news/2017/06/12/seoul-south-korea-library-coex/> (accessed 16.10.2018).
 17. Kuzmin E.I., Gromova O.K. (eds). *How to Break the Vicious Circle. Support and Development of Reading: New Opportunities: scientific and practical collection*. Moscow, Mezhhregional’nyi Tsentri Bibliotekhnogo Sotrudnichestva Publ., 2007, 184 p. (in Russ.).
 18. Galaktionova T.G., Kazakova E.I., Rappoport R.V., and others. *100 Projects in Support of Reading+. Actual Social and Pedagogical Initiatives. Cultural and Educational Atlas*. Moscow, RIPOL-klassik Publ., 2015, 146 p. (in Russ.).
 19. Rapoport R.V. (ed.) *100 Projects about Reading. Actual Initiatives. Cultural and Educational Atlas*. Moscow, RIPOL-klassik Publ., 2016, 144 p. (in Russ.).
 20. Khafizov D.M. From the Viewer to the Reader, *Vestnik kul’tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts], 2017, no. 31(51), pp. 91–98 (in Russ.).
 21. Seminar “Promotion of Reading among Children and Youth: The Role of Literary Museums”, *Gosudarstvennyi literaturnyi muzei* [State Literary Museum]. Available at: <https://goslitmuz.ru/news/157/6439/> (accessed 14.10.2018) (in Russ.).
 22. A Weekend Tale, *Blagotvoritel’nyi fond Vladimira Potanina* [Vladimir Potanin Foundation]. Available at: <http://museum.fondpotanin.ru/authors/441057> (accessed 14.10.2018) (in Russ.).
 23. Tsykina E.V. On-Line Piracy and the Modern Book Publishing System of Russia, *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2016, no. 2, pp. 83–90 (in Russ.).
 24. Kondratyeva O.N., Samokhina M.M. *Young Readers in the Internet*. Moscow, Rossiiskaya Gosudarstvennaya Biblioteka dlya Molodezhi Publ., 2011, 154 p. (in Russ.).
 25. Chudinova V.P. Reading and Communities of Young Readers in the Internet, *Rossiiskaya bibliotekhnaya assotsiatsiya* [Russian Library Association]. Available at: <http://www.rba.ru/content/activities/section/30/publ/2009/11.pdf> (accessed 14.10.2018) (in Russ.).
 26. Askarova V.Ya. The Variety of Manifestations of the Phenomenon of Fashion in Reading: The Evolution of Ideas and Scientific Approaches, *Chtenie. XXI vek: kollektiv. monogr.* [Reading. 21st Century: collective monograph]. Moscow, 2014, pp. 124–145 (in Russ.).

УДК 821.512.154:791.43
ББК 83.3(5Кир)6-8Айтматов Ч.Т.,4,9
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-5-556-565

Н.Б. КИРИЛЛОВА

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА В ЭКРАННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Наталья Борисовна Кириллова,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
факультет искусствоведения и социокультурных
технологий,
кафедра культурологии и социально-культурной
деятельности,
заведующая

Ленина пр., д. 51, оф. 416,
Екатеринбург, 620083, Россия

доктор культурологии, профессор
E-mail: urfo@bk.ru

Реферат. Целью данной статьи является актуализация гуманистических принципов творчества Чингиза Айтматова (1928–2008) — одного из ярких писателей-гуманистов XX в., 90-летие со дня рождения которого отмечает мировая общественность. Рассматриваются проблемы экранной интерпретации произведе-

ний Ч. Айтматова в советский и постсоветский периоды. Автор трактует интерпретацию литературной классики не только как «перевод» произведения с языка одного искусства на язык другого, но и как «диалог культур» (по М. Бахтину), в данном случае — книжной (культуры слова) и экранной (аудиовизуальной). В статье используются историко-сравнительный и междисциплинарный методы: искусствоведческий и культурологический подходы соединяются с методом художественного анализа текстов. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена как возрождением интереса к творчеству Ч. Айтматова, который возвел проблемы «культурной памяти» и «культурной идентичности» в ранг общечеловеческих, так и повышением научного интереса к вопросам экранной интерпретации. Проанализированы фильмы А. Кончаловского, Г. Базарова, Л. Шепитько, И. Поплавской, С. Урусевского, Т. Океева, Б. Шамшиева, К. Геворкяна, Б. Карагулова и других режиссеров, экранизовавших прозу

Айтматова. Автор делает вывод о том, что экранная интерпретация способна «актуализировать», «осовременить» классику в эпоху глобализации, причем задача интерпретатора исключительно сложна и ответственна.

В статье три основных раздела. В первом — «В русле “шестидесятничества”» рассматривается близость творчества молодого Айтматова поискам и открытиям художников эпохи «оттепели». Во втором — «Как человеку человеком быть...» выявляются особенности мироощущения писателя, переосмысливающего советскую реальность, что меняет и атмосферу фильмов, поставленных по его произведениям. В третьем разделе «От драмы к философской притче» автор концентрирует внимание на усилении нравственно-философской проблематики в произведениях Айтматова, усложняющей художественный образ фильма-экранизации, делающей его своеобразным зеркалом эпохи социальных потрясений.

Ключевые слова: Ч. Айтматов, философия творчества, гуманизм, социалистический реализм, мировая культура, диалог культур, культурная память, этническая культура, кинематограф, экранная интерпретация, экранная культура.

Для цитирования: Кириллова Н.Б. Гуманистические принципы Чингиза Айтматова в экранной интерпретации: диалог культур // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 556–565. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-556-565.

Чингизу Айтматову (1928–2008), который сформировался как писатель и получил международное признание в эпоху социалистического реализма, повезло больше, чем многим современникам в СССР. «Кинематографичность» его ранней прозы не только привлекла к нему внимание, но и способствовала тому, что национальный кинематограф Киргизии как уникальная территория советского кино складывался под прямым воздействием произведений этого писателя-гуманиста.

Целью данной статьи является актуализация гуманистических принципов творчества Ч. Айт-

матова, что определяет восприятие его не только как яркого деятеля культуры тюркских народов, но и всей мировой культуры XX века.

Автор рассматривает гуманизм как высший творческий принцип писателя, основываясь на экранной интерпретации его произведений как на своеобразном «переводе» художественного текста с языка одного искусства на язык другого. При этом задача интерпретатора необычайно сложна, так как через аудиовизуальные (звукорительные) образы надо передать не только содержание, но и авторскую концепцию, и «дух» первоисточника, одновременно настраивая их на «тон своего времени» [1, с. 28].

Интерпретация литературной классики — это еще и «диалог культур», в данном случае — книжной (культуры слова) и экранной (аудиовизуальной). «Иначе и быть не может, — утверждал М.М. Бахтин, — только диалогическая, соучастная установка принимает чужое слово... и способна подойти к нему как к смысловой позиции... но в то же время не сливается с ним, не поглощает его и не растворяет в себе его значимость...» [2, с. 96].

Принято считать, что каждое из данных искусств (слова и экрана) ограничено пределом видовых возможностей. «Стремясь обогатить себя средствами другого, они заимствуют недостающее, пытаются аккумулировать приобретенное... смысл и сила каждого из них — в различии и целостности, во взаимодополняемости...», — констатирует Н.С. Горницкая [3, с. 4].

Вот почему «перевод» литературного текста на язык экранной культуры зависит от способностей интерпретатора «вступать в диалог» с автором первоисточника, постигая его самобытность, творческую неповторимость, специфическое видение мира и человека в контексте определенной эпохи.

Ч. Айтматов родился в далеком киргизском аиле Шекер в 1928 году. Ему открывался мир, лишенный идиллии и гармонии: на глазах будущего писателя менялся древний (кочевой) уклад жизни народа, что радикально влияло на человеческие судьбы. Художник, чье детство и отрочество прошло в краю чабанов и табунщиков, перенял от бабушки любовь к народному эпосу, первое высшее образование получил

в Киргизском сельскохозяйственном институте, куда поступил после окончания зоотехникума. В студенческие годы он начал публиковать в республиканской печати свои заметки, статьи и рассказы, а первые повести Ч. Айтматова появились во второй половине 1950-х гг., уже после окончания Высших литературных курсов в Москве.

В РУСЛЕ «ШЕСТИДЕСЯТНИЧЕСТВА»...

Весоюзную, а затем и международную известность Ч. Айтматову принесла лирическая повесть «Джамиля», опубликованная в 1958 г. в журнале «Новый мир». Затем одна за другой появляются повести «Тополек мой в красной косынке» (1961), «Верблюжий глаз» (1961), «Первый учитель» (1962), «Материнское поле» (1962), «Прощай, Гульсары!» (1965), заметно отличающиеся от стандартов социалистического реализма своей неповторимой интонацией и драматизмом. Именно эти шедевры раннего Айтматова будут экранизированы, а в творческую биографию писателя прочно войдет кино. «Если современный кинематограф — это корабль, у которого есть свои мачты, свой руль, оснастка, то литература — это двигатель корабля» [4, с. 8], — данная метафора Ч. Айтматова определяет для него суть взаимодействия этих двух видов искусства.

Героем Ч. Айтматова является простой человек — искренний, чистый, пробуждающийся для новой жизни. Пройдет совсем немного времени, и в творчестве писателя возникнут другие мотивы. Как отметила Н.М. Зоркая, «его мажорное “шестидесятничество” преобразуется в глубокую социальную критику действительности, в постановку острых нравственных, национальных, экологических проблем» [5, с. 369–370].

В советскую эпоху Чингиз Айтматов был самым «кинематографическим» писателем. Суровый реализм его произведений, осмысление философских проблем жизни человека, психологизм, глубина драматических конфликтов и особое поэтическое видение мира — все это притягивало к прозе Ч. Айтматова деятелей

кино. Благодаря ему студия «Киргизфильм» в 1960–1970-е гг. становится экспериментальной площадкой для творческого роста молодых кинематографистов. Однако эксперименты не всегда приводили к успеху.

Попытки перенести на экран лишь сюжетные перипетии, неглубокое проникновение в суть драматического конфликта, неумение передать экранными средствами философию произведения приводили к «иллюстративному» воспроизведению прозы Айтматова на экране. Именно это произошло с фильмами «Перевал» (реж. А. Сахаров, 1961) и «Я — Тянь-Шань» (реж. И. Поплавская, 1972), поставленными по повести «Тополек мой в красной косынке». А между тем психологическая коллизия в данном произведении достаточно сложна, в конфликт втянуты разные характеры, проявляющиеся в нелегкой драматической ситуации.

По иному пути пошли создатели фильма «Зной» (дипломная работа Л. Шепитько, ученицы А.П. Довженко, 1963), снятого по мотивам рассказа «Верблюжий глаз». В ходе подготовки режиссерского сценария литературный первоисточник претерпел изменения. В экранное повествование были введены новые эпизоды и сцены, которые помогли полнее раскрыть в фильме характеры главных героев, усилить психологические мотивы их поступков.

Действие в фильме разворачивается динамично, хотя сам сюжет несложен. Это простая история о буднях бригады, которая поднимает спекуляцию от зноя целину Анархая. Где-то совсем рядом, в нескольких сотнях верст, живет космодром Байконур, но никаких «космических» проблем на экране нет.

Название фильма «Зной» предполагает не только метеорологическое понятие. «Это показатель той температуры схватки между героями — бригадиром Абакиром и юным Кемелем (первая работа в кино Б. Шамшиева, ставшего впоследствии видным режиссером киргизского кино), «которая доходит тут до точки кипения, до момента взрыва...» [6, с. 10]. Абакир (актер Нурмухан Жантурин) — особый тип характера, наполненного мощной природной силой, властно воздействующей на людей, что ассоциируется с образами повелителей кочевых

племен в давние времена. Этот работяга-тракторист, не жалеющий себя за штурвалом тяжелой машины, хочет утвердиться за счет унижения других. Вот почему ему так необходимо сломить дух Кемеля — мальчишки, который способен постоять за себя и который принес сюда, на Анархай, понимание того, как «человеку человеку быть».

Уже в первой своей картине Л. Шепитько заявила о себе как о художнике, для которого главное — резкая определенность характеров, яростность конфликтов с их напряжением, с их жесткостью и эмоциональным накалом. Это в полной мере соответствует «духу» ранней прозы Ч. Айтматова.

Интересным опытом экранизации является и режиссерский дебют А. Кончаловского — фильм «Первый учитель» (1965). После его международного успеха режиссер отметил: «Мир этой картины складывался из умножения двух миров — Чингиза Айтматова и поэта Павла Васильева, творчество которого впервые открыло мне Киргизию... Другой художник, повлиявший на образ фильма, — великий японец Акира Курогава, в картинах которого Вселенная живет по особым, трагическим законам...» [7, с. 43–44].

Действие фильма происходит в 1924 году. Закончилась страшная Гражданская война. Вчерашний красноармеец Дюйшен по путевке комсомола едет в далекий киргизский аил, чтобы создать школу и учить детей, но наталкивается на сопротивление местных крестьян. Трагизм столкновения между людьми, находящимися во власти вековых традиций и представлений, и новой идеей о революционном переустройстве жизни обнажен в фильме до предела.

На фоне этого эпохального конфликта разворачивается драматическая история юной Алтынай (первая роль в кино Н. Аринбасаровой), судьба которой движет сюжет. Отдельные эпизоды борьбы Дюйшена за школу, за своих учеников, за девочку-подростка, влюбленную в учителя, но отданную сластолюбивому баю, показаны на экране с жесткой, суровой правдивостью. Однако именно Алтынай, ставшая впоследствии известным академиком, является духовным стержнем картины.

«Как это ни парадоксально, — пишет Н.М. Зоркая, — но толчок к активным поискам

национальной самоидентификации, к пробуждению национального самосознания народов Средней Азии дала именно режиссерская трактовка повести «Первый учитель». Повесть, по интонации родственная лирической «Джамиле», на экране предвещала более позднюю нравственную концепцию лидера киргизской литературы [5, с. 370].

Фигура Дюйшена в исполнении Б. Бейшеналиева в фильме неоднозначна. А. Кончаловский создал не романтический образ, как это было в повести Айтматова, он показал внутреннюю дисгармонию психологии революционера как противоречие трагическое. «Повесть Айтматова, — отмечает А. Кончаловский, — не несла в себе трагического накала. Там была поэзия, лирика, а у меня было желание сделать фильм о “раскаленных” людях. И тогда я вспомнил поэта Павла Васильева... Мне кажется ему было свойственно чувство трагического в самом современном звучании» [8, с. 116–117].

«Старое» защищается яростно, но и «новое» неистово борется за свои права. Сила побеждается только силой — в этом суть революционной борьбы, такова идея фильма. Насилие — сущность революционной эпохи, эта мысль вытекает из логики той непримиримой схватки, на которую решился учитель. Экранный Дюйшен гораздо более суров, фанатичен и беспощаден, чем в повести. Неслучайно фильм, в отличие от повести, в самой Киргизии на протяжении многих лет вызывал яростные споры [9, с. 314–315].

К числу кинематографических удач в экранизации прозы Ч. Айтматова принадлежит и фильм Г. Базарова «Материнское поле» (1967). В его основе, как и в повести, — история крестьянки Толгонай, потерявшей на войне своих близких — мужа и трех сыновей. После смерти невестки она остается одна с внуком, сосредоточив на нем всю свою нерастраченную ласку, любовь, нежность. Стилистика этой экранизации строится на документализме. Главное открытие фильма — психологически цельный образ матери, созданный Б. Кыдыкеевой, — сильный, истинно народный характер женщины, пережившей глубокую жизненную драму, но не утратившей веры в жизнь, в людей и в родную землю, которая дает ей силы.

«Материнское поле», благодаря реалистической глубине главного образа, многократно инсценировалось многими театрами страны и мира. Ч. Айтматов так подытожил гуманистический смысл повести: «...В первые годы война отбросила труженика земли на многие десятилетия назад... и все-таки ратный хлеб войны не иссякал, горький бабий хлеб. Он помог солдатам дойти до Берлина. Без него не могло быть победы...» [10, с. 605].

В 1968 г. были экранизированы повести «Джамиля» и «Прощай, Гульсары!», вызвавшие неоднозначную реакцию. Как известно, «Джамилю» писатель Л. Арагон назвал «самой прекрасной на свете повестью о любви» [10, с. 603] и перевел на французский язык (в дальнейшем она была переведена на многие языки мира). Главная героиня — молодая женщина, у которой муж на фронте, любила вернувшегося с войны раненого солдата и на глазах у своих односельчан, наперекор вековым традициям, решила открыто уйти из родного аила вместе со своим любимым... В фильме играют прекрасные актеры Н. Аринбасарова и С. Чокморов. Однако постановщики и режиссер И. Поплавская настолько старательно следовали «букве» повести, включив в экранную версию и авторские комментарии, озвученные голосом самого писателя, и детские рисунки, объясняющие происходящее, что в конечном итоге фильм лишился «души» и поэтичности самого светлого произведения Айтматова о любви. В 1994 г. «Джамиля» была экранизирована вторично режиссером М. Тойбер (совместная постановка Германии и Киргизии).

Что касается фильма «Бег иноходца» (1968), поставленного по мотивам повести «Прощай, Гульсары!», то С. Урусевский, непревзойденный мастер изобразительно-решения, представил скорее эксперимент блестящей операторской техники, нежели режиссуру в привычном смысле этого слова. Повествование Ч. Айтматова о кузнеце Танабае, отце троих детей, ставшем табунщиком после возвращения с фронта, о его трагической любви к вдове-солдатке Бободжан драматично. Большая роль в нем отводится коню Танабая — иноходцу Гульсары. На экране айтматовская проза перешла в поэтический ряд,

повесть превратилась в яркую поэму о вечном движении жизни через драматизм человеческих судеб.

В 2008 г. появилась новая экранизация повести «Прощай, Гульсары!», поставленная на «Казахфильме» режиссером А. Амиркуловым. Действие картины перенесено в советский Казахстан 1950-х гг., а главной темой стал драматизм эпохи, раскрытый через призму переживаний колхозника Танабая и историю жизни его любимого коня-иноходца Гульсары.

«КАК ЧЕЛОВЕКУ ЧЕЛОВЕКОМ БЫТЬ...»

Проза Ч. Айтматова в 1970–1980-е гг. становится более драматичной, в ней усиливается нравственно-философское начало, осмысление духовных проблем бытия. Это находит отражение и в фильмах-экранизациях.

Картина «Красное яблоко», поставленная режиссером Т. Океевым в 1975 г., — свободная интерпретация одного из ранних рассказов Ч. Айтматова, оказавшегося созвучным новым творческим исканиям времени. В фильме «Красное яблоко» отсутствует активная интрига, нет яростных «страстей» и резких сюжетных поворотов. Действие замедленно, неторопливо; авторов больше интересуют не внешние события, а характеры героев, их внутренний мир.

Одна из главных тем экранного произведения — проблема художника и его предназначения в мире. По мнению С. Кудрявцева, «режиссер Т. Океев в этой теме выступил как первооткрыватель... рискующий впасть в субъективность, увлечься эстетизацией жизни художника, а самое главное — не заинтересовать зрителя, воздвигнуть между ним и фильмом границу непонимания и недоверия» [11, с. 537].

«Красное яблоко» — это хроника нескольких дней жизни небольшой семьи, рассказ о трудностях человеческих взаимоотношений и о любви. Главный герой повести и фильма — художник Темир. У него есть красивая жена Сабира (заботливая мать и жена) и дочка Анара. Кроме того, Сабира — диктор телевидения,

у нее есть свои интересы в жизни, и в браке ей нужны любовь и духовная близость.

Экранный Темир (актер С. Чокморов) — талантливая, незаурядная личность, из тех, с которыми всегда трудно. Причины неудовлетворенности жизнью Темира — в его творчестве, в противоречиях между поиском прекрасного и реальностью. В сознании героя постоянно возникает образ Незнакомки — девушки, в которую он был влюблен в студенческие годы, и которая осталась его несбывшейся мечтой. Главная мысль и повести, и фильма — поиск счастья, метафорой которого является Красное яблоко: когда-то молодой Темир хотел подарить его прекрасной Незнакомке. В финале картины маленькая дочка художника найдет в золотистой листве осеннего сада случайно уцелевшее красное яблоко и отдаст его отцу, чтобы он подарил его маме. Истина проста: счастье надо искать не в романтических иллюзиях, а в реальной жизни, в людях, которые живут рядом с тобой...

К разряду философско-поэтических фильмов относится и «Белый пароход» (режиссер Б. Шамшиев, 1978). Можно согласиться с критиком Е. Тирдатовой, что эта «картина, как и повесть Айтматова, целиком уходит в богатую почву национальных преданий, легенд и поверий, удивительным образом оказываясь при этом в системе общечеловеческих ценностей» [12, С. 610].

Трагический герой повести и фильма — семилетний мальчик, живущий на далеком кордоне со своим единственным наставником и другом дедом Момуном. Мир, представший глазам ребенка, начинается с синей глади Иссык-Куля и плывущего по нему неведомо откуда и неведомо куда белого парохода. Герой придумал свой мир по закону высшей справедливости. Вот почему он воспринимает как реальность легенду о Рогатой Матери-оленихе, а обычный белый пароход кажется ему сказочным вестником другой жизни, где есть отец, мать, школа, много добрых людей. На фоне столь притягательного для Мальчика мира противоестественными кажутся нравы крохотного горного пятачка, собравшего семерых людей, где царит потребительская мораль, утверждающая, что все в жизни хорошо и ничего не нужно, если «чашка в жиру, и ложка в жиру,

и рот в жиру». Такова психология Орозкула, начальника кордона — страшного, почти гротескного образа. Тупой, самодовольный Орозкул может и поднять руку на женщину, и со спокойной совестью губить красоту заповедного леса, который призван охранять.

Это он заставит доброго и несчастного деда Момуна стрелять в красавицу-олениху. Убита мечта Мальчика — пуля, сразившая олениху, «прошла через сердце» и деда, и внука. Отчаявшийся ребенок прыгает в реку, бросая вызов миру зла: «Я сделаюсь рыбой, я уплыву...»

Картину «Белый пароход», как и повесть, в советское время упрекали в мрачности и безысходности. Но безысходность и трагизм, по мнению Ч. Айтматова, — разные понятия. «Цель искусства, — утверждал писатель, — не в том, чтобы «пугать», но помогать человеку преодолевать отчаяние и страх перед жизнью, пробуждать в его душе великие чувства, испытывая которые он сможет противостоять злу, какие бы формы и обличия оно ни принимало» [13, с. 162]. Но так же верно и то, что искусство должно потрясать душу, то есть заставлять размышлять о том, «как человеку человеком быть...».

В 1979 г. Б. Шамшиев поставил фильм по повести Айтматова «Ранние журавли». Картина, действие которой происходит в годы войны, повествует о духовном взрослении подростка, способного ценой собственной жизни противостоять злу, жестокости и беззаконию. Тема «Ранних журавлей» была особенно близка писателю, также пережившему военное лихолетье. «Мы оказались тем поколением подростков, — писал Ч. Айтматов, — которые на другой день войны шагнули сразу из мира детства в пучину военной жизни, в многострадальную тыловую действительность, потребовавшую от нас далеко не детской зрелости и мужества» [10, с. 606].

На стыке 1980–1990-х гг. фильмы по айтматовским произведениям становятся все более трагичными. Кинопритча «Восхождение на Фудзияму» (режиссер Б. Шамшиев, 1988) по пьесе Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова поднимет проблему нравственного выбора между правдой и ложью, между ответственностью и беспринципностью. Как отмечает Г. Толмуну-

шева, она ставит «безжалостный диагноз системе советского мироустройства, которая на поверку оказалась не столь безупречно нравственной и идейно выдержанной» [9, с. 319].

Драматична судьба фильма «Пегий пес, бегущий краем моря» (режиссер К. Геворкян) по одноименной повести Ч. Айтматова. Запущенный в производство в 1978 г. на «Ленфильме», он был остановлен решением худсовета. Только в 1986 г. работа была продолжена, а завершена на киностудии им. А. Довженко при участии ФРГ в 1990 году. По жанру это — философская притча о смысле человеческого бытия. Ее сюжет, повествующий о жизни маленького народа нивхи на берегу Охотского моря, трагичен. В семье охотника рождается сын. Проходят годы. Под руководством деда построена лодка. В десять лет мальчик вместе с дедом, отцом и дядей впервые выходит на промысел. Но охотников на тюленей подстерегает беда: на море опускается туман, и они теряют берег. Когда запасы пищи подходят к концу, мужчины принимают решение — ценой своей жизни сохранить жизнь мальчика...

Фильм «Пегий пес, бегущий краем моря» стал событием мирового масштаба, получив в 1991–1992 гг. несколько призов на международных кинофестивалях в Москве, Сочи, Валансьене, Сан-Ремо и др.

В канун крушения СССР появилась экранизация романа «И дольше века длится день» (Буранный полустанок) — необычного полифонического произведения, которое буквально потрясло читателей в конце 1980 года. «Сокровенная мысль моего произведения, — писал Айтматов, — не нова, но и неизбывна: главная суть и ценность мироздания — человек...» [14, с. 196–197].

Реализм в романе (жизнь и судьба главного героя Буранного Едигея) соседствует с мифом, фантастикой. Это не случайность: полустанок, затерявшийся в казахской степи, находится совсем рядом с космодромом Байконур, откуда совершаются кажущиеся фантастическими полеты в космос, но фантастика у Ч. Айтматова — метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения. Метафоры писателя — это напоминание человеку о его ответственности за судьбу всей Земли.

Режиссер Х. Нарлиев в фильме «Манкурт» (совместное производство «Туркменфильма», Турции и Ливии, 1990) взял за основу только одну сюжетную линию романа «Буранный полустанок» — главную легенду, которая красной нитью проходит через все произведение, и смысл которой имеет общечеловеческое значение.

Согласно легенде, в древности степные тюрки-кочевники страдали от нападений Жужаньского каганата. Его народ истреблял среднеазиатские племена, выкалывал глаза старикам, а молодых мужчин уводил в рабство. Это было не простое рабство: голову пленника обривали и плотно обвязывали шкурой только что убитого верблюда, надевали на шею колодку и оставляли связанным в пустыне. Кто-то умирал, а кому-то верблюжья шкура, высыхая, сдавливала голову, в нее вращались волосы, и человек в тяжких муках становился безвольным рабом. Он полностью терял память, переставал мыслить, подчиняясь только хозяину, и превращался в манкурта.

Главный герой фильма, Жоламан, стал жертвой — притча о нем, о манкурте. Мать искала его в степях и песках, наконец нашла, но он не узнал ее. Хозяева дали ему в руки лук, и он убил собственную мать...

Эта экранизация тюркского сказания, снятая туркменами по мотивам романа киргизского писателя, необычайно актуальна сегодня. В XXI в. легенда, рассказанная Чингизом Айтматовым, звучит как предупреждение о том, что в эпоху глобализации есть угроза лишиться основы своего духовного бытия — культурной памяти и идентичности.

Актуальность в 1990-х гг. поднятых Айтматовым проблем заставила режиссера Б. Карагулова обратиться к экранизации «Буранного полустанка» (совместное производство Киргизии и Казахстана). В 1996 г. фильм получил «Золотую камеру» 47 Международного кинофестиваля в Берлине. Создатели картины «прочитали» роман иначе: они попытались через судьбу Буранного Едигея передать кататизмы, охватившие все евразийское пространство. В фильме он — человек, оказавшийся «белой вороной» среди «манкуртов» новой формации. Потерявший любовь, переосмысливающий всю свою жизнь, он, безусловно, — яр-

кая, неординарная личность, прошедшая через суровые испытания, но не сломленная обстоятельствами, не запятнавшая свою душу грязью и кровью людской.

В конце картины возникает сюрреалистический мираж: из пелены тумана на полустанок выезжает вагон, из окна которого на Едигея смотрят дорогие и близкие ему люди, разлученные с ним безжалостной судьбой. Они навсегда — в его сердце и памяти. Их не вытравить никаким «манкуртам». Эту тему Б. Карагулов продолжил в 2004 г., поставив фильм «Плач матери о манкурте» [15].

О крушении духовных устоев общества и экологической катастрофе, угрожающей ему, написан последний роман-притча Ч. Айтматова советского периода «Плаха». Опубликованный в 1986 г., он рассказал о жизни двух людей (Авдия Калистратова и Бостона Уркунчиева), судьбы которых оказались связаны с образом волчицы Акбары, являющейся олицетворением матери-природы, которая мстит человеку за его безрассудство. Роман «Плаха» стал своеобразным приговором духовной деградации общества. На основе его сюжета киргизский режиссер Д. Садырбаев снял в 1989 г. телевизионный фильм «Плач волчицы» — социальную драму о дисгармонии во взаимоотношениях человека и природы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, хочется отметить, что проза Ч. Айтматова с ее гуманистическими приоритетами не только не теряет своей актуальности в XXI в., но становится все более востребованной в раздираемом противоречиями мире. Об этом свидетельствуют итоги III Международного Иссък-Кульского форума «Чингиз Айтматов и вызовы современности», прошедшего в октябре 2018 г., в работе которого приняли участие около 130 деятелей науки, культуры и искусства из 22 стран мира [16], а также многочисленные материалы и публикации в Интернете [17].

И все же, как это ни парадоксально, произведения Ч. Айтматова были более органично интерпретированы кинематографом советско-

го периода, открывая зрителям неповторимый мир этого писателя-философа. Не все из перечисленных фильмов стали художественными явлениями экранной культуры как «зеркала» современности.

Думается, что перспективы экранной интерпретации творчества Чингиза Айтматова — не у кино, а у телевидения с его «эффектом присутствия», мобильностью, серийностью и цифровыми технологиями. Именно телевидение способно предложить более глубокое «прочтение» литературного произведения, благодаря своим средствам выразительности и, прежде всего, крупному плану. В этой связи интересен опыт турецкого телевидения, показавшего в 2011–2012 гг. сериал «Красная косынка» по мотивам повести Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке»). Ждут своей телеинтерпретации выдающиеся романы «И дольше века длится день», «Плаха», «Белое облако Чингисхана», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы» (Вечная невеста). Дело в том, что экранная культура как феномен информационной эпохи способна и в XXI веке сделать общедоступными гуманистические принципы и нравственные ценности произведений Ч.Т. Айтматова — гениального писателя, мыслителя и пророка.

Список источников

1. *Сергеев Е.А.* Перевод с оригинала : Телеэкранизация русской литературной классики. Москва : Искусство, 1980. 200 с.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Санкт-Петербург : Азбука, 2017. 416 с.
3. Зримое слово. Кино и литература: диалектика взаимодействия / под ред. Н.С. Горницкой. Ленинград : Искусство : Ленингр. отд-ние, 1985. 168 с.
4. *Потанов Н.* Свет человечности // Чингиз Айтматов. Собрание сочинений : в 3 т. Москва : Молодая гвардия, 1982. Т. 1. С. 5–38.
5. *Зоркая Н.М.* История советского кино. Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. 544 с.
6. *Шитова В.* Лариса Шепитько. Москва : ВБПК, 1982. 42 с.
7. *Михалков-Кончаловский А.* Парабола замысла. Москва : Искусство, 1977. 232 с.
8. *Кончаловский А.С.* 9 глав о кино и т. д. Москва : Эксмо, 2013. 176 с.

9. Толмужева Г. Киргизское кино вчера и сегодня : развитие и перспективы // История национальных кинематографий в СССР и перспективы развития кино государств — участников СНГ, стран Балтии и Грузии / науч. ред. Н.А. Кочеляева, А.П. Николаева-Чинарова, Е.В. Пархоменко. Москва : Академический проект, 2018. С. 307–364.
10. Айтматов Ч. Комментарии // Чингиз Айтматов. Собрание сочинений : в 3 т. Москва : Молодая гвардия, 1982. Т. 1. С. 602–606.
11. Кудрявцев С.В. 3500 : Книга кинокритик : [в 2 т.] Т. 1. Москва : [б. и.], 2008. 688 с.
12. Первый век нашего кино : Энциклопедия : фильмы, события, герои, документы / [авт.-сост. К.Э. Разлогов и др.]. Москва : Локид-Пресс, РИК, 2006. 910 с.
13. Айтматов Ч. Час слова. Диалог с В. Коркиным // Чингиз Айтматов. Собрание сочинений : в 3 т. Москва : Молодая гвардия, 1984. Т. 3. С. 146–163.
14. Айтматов Ч. Буранный полустанок (И дольше века длится день) : роман // Собрание сочинений : в 3 т. Москва : Молодая гвардия, 1983. Т. 2. С. 195–489.
15. Плач матери о манкурте [Электронный ресурс] // kino-teatr.ru: сайт. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/post/10089/annot/> (дата обращения: 17.07.2018).
16. Обращение участников Международного Исык-Кульского форума к мировым лидерам, главам государств, общественным деятелям, людям науки, культуры и искусства [Электронный ресурс] // Президент Кыргызской Республики : офиц. сайт. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/12665_obrashenie_uchastnikov_meghdunarodnogo_issik_kulskogo_foruma_kmirovim_lideram_glavam_gosudarstv_obshestvennim_deyatelyam_lyudyam_nauki_kulturi_iiskusstva (дата обращения: 24.10.2018).
17. Айтматов Чингиз Торекулович [Электронный ресурс] // Универсальная научно-популярная энциклопедия Кругосвет : сайт. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/АТМАТОВ_ЧИНГИЗ_ТОРЕКУЛОВИЧ.html (дата обращения: 17.07.2018).

Chinghiz Aitmatov's Humanistic Principles in On-Screen Interpretations: A Dialogue of Cultures

Natalya B. Kirillova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 51, Office 416, Lenina Av., Yekaterinburg, 620083, Russia
E-mail: urfo@bk.ru

Abstract. *The purpose of this article is to actualize the humanistic principles of Chinghiz Aitmatov (1928–2008), one of the brightest writers and humanists of the 20th century, whose 90th birth anniversary is being celebrated by the world community. The article considers the problems of on-screen interpretations of Chinghiz Aitmatov's works in the Soviet and post-Soviet periods. The author considers interpreting of literary classics not only as a "translation" of a work from the language of one art into the language of another, but also as a "dialogue of cultures"*

(according to M. Bakhtin) — in this case, the book one (culture of the word) and the screen one (audiovisual culture). The article uses the historical-comparative and interdisciplinary methods: the artistic and cultural approaches are combined with the method of literary analysis of texts. The chosen research topic is relevant due to both the revival of interest in Ch. Aitmatov's works, which raised the problems of "cultural memory" and "cultural identity" to the rank of universal, and the increase of scientific interest in the issues of on-screen interpretations. The article analyzes the films by A. Konchalovsky, G. Bazarov, L. Shepitko, I. Poplavskaya, S. Urusevsky, T. Okeev, B. Shamshiev, K. Gervorkyan, B. Karagulov, and other directors who filmed Aitmatov's prose. The author concludes that on-screen interpretations are able to "actualize" and "modernize" the classics in the era of globalization; and the task of the interpreter is extremely complex and responsible. The article has three main sections. The first one, "In Line with the 'Sixties'", considers the proximity of young Aitmatov's works to the search and discovery of the artists of the "Thaw" period. The second one, "How a Man Can Be a Man...", reveals the features

of the worldview of the writer who rethinks the Soviet reality, which changes the atmosphere of the films based on his works. In the third section “From Drama to Philosophical Parable”, the author focuses on the strengthening of moral and philosophical problematics in Aitmatov's works, which complicates the artistic image of on-screen adaptations and makes them a kind of mirror of the era of social upheaval.

Key words: Ch. Aitmatov, philosophy of creativity, humanism, socialist realism, world culture, dialogue of cultures, cultural memory, ethnic culture, cinematography, on-screen interpretation, screen culture.
Citation: Kirillova N.B. Chinghiz Aitmatov's Humanistic Principles in On-Screen Interpretations: A Dialogue of Cultures, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 556–565 DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-556-565.

References

1. Sergeev E.A. *Perevod s originala: Teleekranizatsiya russkoi literaturnoi klassiki* [A Translation from the Original: Television Adaptation of Russian Literary Classics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980, 200 p.
2. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky's Poetics]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2017, 416 p.
3. Gornitskaya N.S. (ed.) *Zrimoe slovo. Kino i literatura: dialektika vzaimodeistviya* [A Visible Word. Cinema and Literature: The Dialectics of Interaction]. Leningrad, Iskusstvo: Leningradskoe Otdelenie Publ., 1985, 168 p.
4. Potapov N. The Light of Humanity, *Chingiz Aitmatov. Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Chinghiz Aitmatov. Collected Works: in 3 volumes]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1982, vol. 1, pp. 5–38 (in Russ.).
5. Zorkaya N.M. *Istoriya sovetskogo kino* [The History of Soviet Cinema]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2008, 544 p.
6. Shitova V. *Larisa Shepitko*. Moscow, VBP Publ., 1982, 42 p. (in Russ.).
7. Mikhalkov-Konchalovsky A. *Parabola zamysla* [A Parabola of Plot]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, 232 p.
8. Konchalovsky A.S. *9 glav o kino i t.d.* [9 Chapters about Cinema, etc.]. Moscow, Eksmo Publ., 2013, 176 p.
9. Tolomusheva G. Kyrgyz Cinema Yesterday and Today: Its Development and Prospects, *Istoriya natsional'nykh kinematografiy v SSSR i perspektiva razvitiya kino gosudarstv — uchastnikov SNG, stran Baltii i Gruzii* [The History of National Cinematographies in the USSR, and the Prospects of Cinematography Development in the CIS, Baltic States and Georgia]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2018, pp. 307–364 (in Russ.).
10. Aitmatov Ch. Comments, *Chingiz Aitmatov. Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Chinghiz Aitmatov. Collected Works: in 3 volumes]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1982, vol. 1, pp. 602–606 (in Russ.).
11. Kudryavtsev S.V. *3500: Kniga kinoretsenzii* [3500: Book of Film Reviews], vol. 1. Moscow, 2008, 688 p.
12. *Pervyi vek nashego kino: Entsiklopediya: fil'my, sobyitiya, geroi, dokumenty* [The First Century of our Cinema: Encyclopedia: Films, Events, Characters, Documents]. Moscow, Lokid-Press Publ., RIK Publ., 2006, 910 p.
13. Aitmatov Ch. The Hour of Word. A Dialogue with V. Korkin, *Chingiz Aitmatov. Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Chinghiz Aitmatov. Collected Works: in 3 volumes]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1984, vol. 3, pp. 146–163 (in Russ.).
14. Aitmatov Ch. The Buranny Railway Stop (The Day Lasts More Than a Hundred Years): novel, *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected Works: in 3 volumes]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1983, vol. 2, pp. 195–489 (in Russ.).
15. *Plach materi o mankurte: kino-teatr.ru: sait* [Mother Crying about the Mankurt: kino-teatr.ru: website]. Available at: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/post/10089/annot/> (accessed 17.07.2018).
16. The International Issyk-Kul Forum Participants' Address to World Leaders, Heads of States, Public Figures, People of Science, Culture and Art, *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Kyrgyzskoi Respubliki* [The Official Website of the President of the Kyrgyz Republic]. Available at: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/12665_obrashenie_uchastnikov_meghdunarodnogo_issik_kulskogo_foruma_kmirovim_lideram_glavam_gosudarstv_ob_shestvennim_deyatelyam_lyudyam_nauki_kulturi_iiskusstva (accessed 24.10.2018) (in Russ.).
17. Aitmatov Chinghiz Torekulovich, *Universal'naya nauchno-populyarnaya entsiklopediya Krugosvet: sait* [Universal Popular Scientific Encyclopedia “Krugosvet”: website]. Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ATMATOV_CHINGIZ_TOREKULOVICH.html (accessed 17.07.2018) (in Russ.).

Ю.Л. САПОЖНИКОВА

ЧЕЛОВЕК В АНТИУТОПИЧЕСКОМ МИРЕ: ПОДХОДЫ У. ГОЛДИНГА И К. МАККАРТИ

Юлия Львовна Сапожникова,
Смоленский государственный университет,
кафедра английского языка,
профессор
Пржевальского ул., д. 4,
Смоленск, 214000, Россия
доктор филологических наук, доцент
E-mail: sapojnikova.engl@yandex.ru

Реферат. В статье сравниваются взгляды английского писателя У. Голдинга и американского романиста и драматурга К. Маккарти на человека в антиутопическом мире. Актуальность работы обусловлена неугасающим интересом к произведениям этого жанра и отсутствием исследований на данную тему. Сопоставление романов «Повелитель мух» (Lord of the Flies) У. Голдинга (1954) и «Дорога» (The Road) К. Маккарти (2006) представляется возможным, так как в этих произведениях в качестве главных действующих лиц выступают дети/ребенок, а одним из ключевых мотивов становится мотив дороги/движения. Хронотоп в названных романах также схож: авторы не уточняют ни причины катастрофы, ни время действия, прошлое представлено ими как серия флешбеков. Пространство в текстах является ограниченным, в основном характеризуется

словами одинаковых тематических групп. Персонажи, оказавшиеся в экстремальных условиях, практически полностью утрачивают человечность и в своем поведении уподобляются животным.

Тем не менее, взгляды авторов на человека отличаются. По мнению У. Голдинга, добро постоянно борется со злом внутри человека, и он может справиться со злым началом, только если его контролируют какие-то сдерживающие общественные установления. К. Маккарти верит, что любовь помогает людям сохранить человечность. Чтобы полнее раскрыть собственное видение данной темы, оба писателя прибегают к символической трактовке огня, который у У. Голдинга трансформируется из орудия спасения в средство разрушения, а у К. Маккарти, наоборот, становится средством, гарантирующим не только физическое выживание, но и помогающим сохранить душу и веру.

Ключевые слова: антиутопии, «Повелитель мух» У. Голдинга, «Дорога» К. Маккарти, хронотоп, враждебная среда, утрата человечности, оппозиция «мы — они», символ огня.

Для цитирования: Сапожникова Ю.Л. Человек в антиутопическом мире: подходы У. Голдинга и К. Маккарти // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 566–575. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-566-575.

Жанр антиутопии сложился в XX столетии, что объяснялось особенностями развития науки, с одной стороны, и социально-политическими процессами того времени — с другой. Соответственно, в антиутопиях отразилось настроенное отношение авторов к научно-техническому прогрессу и критическое восприятие авторитарных политических систем.

Природа антиутопий до сих пор вызывает массу споров среди исследователей. Так, филолог, историк русской литературы А.Ю. Смирнов полагает, что это — произведения, находящиеся на стыке литературы, социологии и философии [1]. Культуролог А.А. Бубнихин рассматривает утопии и антиутопии как части текста культуры, при этом первые выступают как источник для построения различных типов общества (социалистического, капиталистического и т. д.), а вторые предвещают грядущие перемены [2]. Специалист по социальной философии С.С. Брега отмечает, что в разных науках сложились свои подходы к антиутопии: в культурологии она трактуется как самостоятельный жанр художественного творчества, возможный «только через систему социокультурных и культурфилософских критериев»; социологи сосредоточены на анализе «институционализации социальных антиутопий как элементов доктрин обществ» [3, с. 5]. Сам ученый трактует антиутопию как социальную практику, представляющую собой «возможный образ социальной реальности» [3, с. 11].

Если даже рассматривать антиутопии в рамках литературоведения, то и тогда невозможно вывести единую точку зрения на их жанровую природу. Некоторые исследователи полагают, что эти произведения принадлежат к особым жанровым образованиям. Е.Ю. Козьмина определяет роман-антиутопию как «жанровый гибрид, т. е. встречу и взаимодействие двух противоположных друг другу жанров: утопии и романа» [4, с. 66]. По мнению Н.В. Ковтун, «утопия балансирует на грани разнородных жанровых структур», что дает возможность отнести ее к разряду антижанров, т. е. пародийных жанров, для которых характерны соотнесение определенной традиции и «набор

конвенциональных способов интерпретации» [5, с. 7]. Применительно к утопии и антиутопии А.Н. Воробьева выдвигает концепцию метажанра (как художественной структуры для ряда текстов, обусловленной единым предметом изображения) и называет его метаутопией; в качестве единого предмета изображения в метаутопии выступает либо прекрасный (для первой), либо негативный (для второй) всеобщий мир [6]. О.А. Павлова истолковывает утопию «как “пограничное” поликомпонентное жанрообразование, художественную систему которого формирует взаимодействие структурообразующей модели идеального мира и художественной реальности, оформленной по “инвариантам” жанров, наиболее востребованных в эпоху создания произведения» [7, с. 9]. Исследовательница отмечает «пограничность» утопии, которая существует в «парадигме игры художественного мира и действительности» [7, с. 10], поэтому называет ее «третичным» жанром [7] (по аналогии с термином «вторичные» жанры, предложенным М.М. Бахтиным).

Другим вопросом, возникающим при рассмотрении антиутопий, является разграничение названных произведений и утопий. Т.А. Каракан считает, что природа жанра утопии предполагает «возможность перерождаться в свою противоположность», т. е. в антиутопию [8]. А.Е. Ануфриев говорит о генетической связи антиутопии с утопией, о направленности первой против последней и добавляет, что антиутопия «включает» утопию ... в свою художественную структуру» [9, с. 65]. А.Ю. Долгих утверждает, что граница между двумя данными жанрами попросту отсутствует [10].

Мы, вслед за О.В. Лазаренко [11] и Б.А. Ланиным [12], считаем, что антиутопия является самостоятельным жанром. Ее жанрообразующими признаками выступают сатира на утопический проект, псевдокарнавальность реальности, ритуализация жизни, конфликт между средой и личностью [12; 13], принцип двоемрия (противопоставление реальности и идеала), персоналистическая ориентация, особый хронотоп и ряд других [11]. В качестве базового определения мы принимаем дефиницию антиутопии И.Д. Тузовского: это «художественное произведение, в котором представляется ценностно- и эмоционально-неприемлемая

для автора и читателя социальная модель, номинально несущая гуманистические функции предупреждения негативных вариантов развития общества в будущем» [14, с. 149]. В этом определении содержится тот ключевой компонент, который отмечают исследователи антиутопий: описание потенциально возможного будущего, отмеченное негативной модальностью.

Выбор анализируемых произведений («Повелитель мух» У. Голдинга, 1954 и «Дорога» К. Маккарти, 2006) обусловлен рядом факторов: главными героями в обоих текстах становятся дети, что в антиутопиях встречается не так часто (за исключением романов для молодежной аудитории («Голодные игры» С. Коллинз, 2008; «Дивергент» В. Рот, 2011 и т. п.), которые должны представлять отдельный объект исследования). Например, по мнению Б.А. Ланина, тексты данного жанра в основном повествуют о мужчинах [12]. Кроме того, важным элементом текста в рассматриваемых работах является мотив дороги/движения (перемещения). Согласно М.М. Бахтину, дорога может символизировать не только движение времени, но и духовные метания. Соответственно, данный образ «переходит в метафору дороги, жизненный путь, путь души, то приближающий к Богу, то удаляющий от него (в зависимости от ошибок, падений героя, от событий, встречающихся на его реальном пути)» [15, с. 393]. В романах У. Голдинга и К. Маккарти основной интерес сосредоточен именно на движении человека от одного выбора к другому, которое в итоге и определяет его развитие и сущность.

ВРЕМЯ В «ПОВЕЛИТЕЛЕ МУХ» У. ГОЛДИНГА И «ДОРОГЕ» К. МАККАРТИ

В анализируемых произведениях временной континуум распадается на два отрезка — до и после определенной катастрофы, при этом остаются до конца неизвестными ее точные причины и датировка. В романе У. Голдинга описание произошедшего события дается на основе информации, полученной из вторых рук, потому не до конца проверенной: «Didn't you hear what the pilot

said? About the atom bomb. They're all dead» [16, с. 49]. У К. Маккарти один из главных героев (отец) становится свидетелем катастрофы, но воспринимает ее лишь на уровне ощущений («The clocks stopped at 1:17. A long shear of light and then a series of low concussions» [17]).

Жизнь до катастрофы возникает в серии флешбеков, которые представляют собой воспоминания о времени, проведенном с близкими людьми, которых нет рядом. Кроме того, отдельные эпизоды, всплывающие в памяти героев, связаны с наиболее запоминающимися днями, которые они провели на природе, наслаждаясь умиротворенностью и покоем (пребывание на ферме, кормление диких пони и наблюдение за падающими снежинками — у Ральфа; день на озере и рыбалка вместе с дядей — у отца). Эти воспоминания создают картину мира, отличного от нынешнего по отношению друг к другу и по общей атмосфере, и показывают, что прежние представления и понятия теперь не применимы: У. Голдинг пишет: «Everything was all right; everything was good-humoured and friendly» (о прошлом) [16, с. 179], «Listen, Ralph. Never mind what's sense. That's gone...» [16, с. 278]; у К. Маккарти читаем: «The world shrinking down about a raw core of parsible entities. The names of things slowly following those things into oblivion. <...> Finally the names of things one believed to be true...» [17].

Время идет, но персонажи ощущают это лишь через смену дня и ночи и изменения во внешнем облике (у них отрастают волосы, ветшает одежда и т. п.). Однако в их повседневном укладе практически ничего не меняется — это действия, направленные на борьбу за выживание. Таким образом, в обоих романах представлена концепция стабильно длящегося настоящего (в терминологии И.Д. Тузовского). Будущего в этом мире (при сохранении текущей ситуации) нет: у У. Голдинга — «We may stay here till we die» [16, с. 49]; у К. Маккарти — «When we're all gone at last then there'll be nobody here but death and his days will be numbered too. <...> And that's how it will be» [17]. Если будущее, отличное от настоящего, невозможно/недостижимо, то история завершена, и сегодняшняя жизнь теряет всякий смысл, однако эта мысль слишком глубока и трагична для детей, поэтому она напрямую не

озвучивается персонажами романа У. Голдинга. Взрослый герой К. Маккарти (отец) не может произнести это соображение вслух, так как это означало бы подтолкнуть собственного сына к смерти. Подобные размышления появляются лишь в несобственно-прямой речи отца («...he saw for a brief moment the absolute truth of the world. The cold relentless circling of the intestate earth. <...> Borrowed time and borrowed world and borrowed eyes with which to sorrow it» [17]).

ПРОСТРАНСТВО В «ДОРОГЕ» К. МАККАРТИ

В рассматриваемых произведениях пространство является ограниченным: персонажи «Повелителя мух» оказываются на острове, а герои «Дороги» движутся по территории бывших США (от которых, по словам отца, остались лишь названия) с севера на юг. Попав на юг, отец осознает, что здешний пейзаж практически не отличается от северного. Таким образом герои оказываются в тех же условиях жизни, из которых ушли, а значит, по сути, перемещаются в одном и том же пространстве. География в «Повелителе мух», по мнению Т.В. Ковалевской, также абсолютно условна [18].

Для описания пейзажа К. Маккарти использует разные цветовые обозначения с доминированием серого (the ashen daylight; the long gray dusks, dawns; the gray sheets of rain; the gray shape of the city; wet gray flakes; gray ice; the gray water; a gray foam; a gray shroud of mist; stark gray world; that graying landscape; the ashen overcast; the leaden evening; the leadcolored sea [17]) и разных оттенков черного (a stark black burn; blackened trees; black water; «...the ash fell on the snow till it was all but black...»; a blackness without depth or dimension; the eternal blackness; the noon sky black as the cellars of hell [17]). Эти два цвета, сменяющие друг друга при описании чуть более светлого времени суток и почти вечной ночи, снова отсылают нас к катастрофе, так как подкрепляются постоянным упоминанием покрывающего весь мир пепла, сажи и обгоревших предметов (the ashes of the late world; the eternal ash; the pall of soot; the curtain of soot; charred and limbless trunks of trees;

charred bits of wood; a burnt city [17]). Создаваемая этими лексическими средствами мрачная беспросветная атмосфера еще более усиливается за счет использования единиц со значением лишения (barren, silent, godless; motionless; desolate country; starless dark; invisible moon; the silence was breathless; a colorless world; the bare ironcolored wood; birdless; the waste; the wasted farmland [17]).

Однако самым частотным при описании мира, окружающего героев К. Маккарти, становится слово «dead» (dead trees; old crops dead; everything dead to the root; the dead fields; the pieced land dead; the slow dead water; the dead world). О значимости данного обозначения для характеристики действительности свидетельствуют не только частотность самой лексической единицы, но и образование несуществующей грамматической формы этого слова для усиления эмоционального воздействия: «The nights dead still and deader (здесь и далее подчеркивание наше. — Ю. С.) black...» [17]), а также использование слов из той же тематической группы с явно выраженной негативной коннотацией (shrouded in the carbon fog; «...the shore as far as eye could see like an isocline of death. One vast salt sepulcher...» [17]).

Благодаря перечисленным средствам автор создает ощущение враждебной среды, которая, будучи неживой по своей сути, старается уничтожить человека, лишить его жизни («Cold to crack the stones. To take your life» [17]). Взаимное противостояние человека и среды сравнивается с войной и военными действиями (о людях: «The country was looted, ransacked, ravaged...»; «The country was stripped and plundered years ago...»; об окружающей среде: «The nights were blinding cold and casket black and the long reach of the morning had a terrible silence to it. Like a dawn before battle» [17]). Как отмечает Л.В. Бондаренко, описанный хронотоп играет смыслообразующую роль в романе К. Маккарти [19].

Неудивительно, что, находясь в таких условиях, люди постоянно испытывают страх. В первую очередь это касается сына: названное чувство варьируется у него от почти обыденных тревоги и беспокойства (с максимально частотным словом «scared» для описания) до состояния нервной дрожи и ужаса («he was bobbing

up and down with fear»; «he was terrified» [17]). Отец практически никогда не признается сыну, что боится, чтобы вселить в ребенка хоть малую толику уверенности. Исключением становится прежде всего ситуация, когда он старается оправдать собственные действия страхом за их жизни. Через внутреннюю речь или несобственно-прямую речь автор показывает, что и отец испытывает страх и может даже впасть в панику, когда что-то грозит его сыну.

ПРОСТРАНСТВО В «ПОВЕЛИТЕЛЕ МУХ» У. ГОЛДИНГА

По сравнению с миром, описанным в «Дороге», остров в «Повелителе мух» кажется райским местом, полным красок и жизни (a bird, a vision of red and yellow; the lagoon blue of all shades and shadowy green and purple; a pair of gaudy butterflies; the bright fantastic birds; the riotous colours [16]). Здесь можно найти пригодную для питья воду и множество фруктов, что гарантирует выживание. На первый взгляд, только невыносимая жара может причинять детям неудобство (steamy earth; the heat hit him; unusual heat; this close, tormenting heat; a steady current of heated air [16]). Однако к жаре добавляется тишина, которая словно окутывает остров с наступлением темноты, и она вызывает у детей неприятные ощущения («The silence of the forest was more oppressive than the heat...» [16, с. 95]). Малышам начинает казаться, что в темное время суток они видят чудовище, из-за чего они пугаются, плачут и кричат во сне. Значения слов, используемых автором для описания их чувств, варьируются от передачи простого беспокойства до паники и ужаса (scared; frightened; restlessness; sorrow; panic; hysteria; terror; leaden feeling [16]), т. е. и в этом мире доминирует «абсолютный страх».

Таким образом, благодаря постепенному перечислению ряда факторов автор показывает, как, казалось бы, идиллическое место трансформируется в сознании детей во враждебную среду: «...you can feel as if you're not hunting, but — being hunted; as if something's

behind you all the time in the jungle» [16, с. 100]. Эта идея усиливается писателем за счет употребления слов со значением «вредоносных действий» для описания воздействия среды на детей: «...the lagoon attacked them...» [16, с. 49]; «...the heat <...> became a blow...» [16, р. 107]. И даже те существа и предметы, которые по природе своей безвредны, начинают ассоциироваться с чем-то зловещим: «...a bird ... flashed upwards with a witch-like cry...» [16, с. 39]; «Two grey trunks rubbed each other with an evil squeaking...» [16, с. 149]. Далее в повествовании встречается все больше слов, которые мы видели в романе К. Маккарти и которые передают идею угасания/гибели, например, от огня (dead wood/thing/trees; dying trees; decayed trees; rotten wood/place; barren horizon; blackened wood and ashes; a charred trunk; ashes/ash; scorched up island [16]).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Пространство, которое населяют персонажи, является лишь одной из причин охватившего их страха, большую опасность представляют сами люди, которые меняются, так как прежние нормы поведения и ценностные ориентации становятся неприменимыми в новых условиях: у У. Голдинга — «We're all drifting and things are going rotten. At home there was always a grown-up. Please, sir; please, miss; and then you got an answer» [16, с. 154]; у К. Маккарти — «Within a year there were fires on the ridges and deranged chanting. The screams of the murdered. By day the dead impaled on spikes along the road» [17]. В первую очередь эти изменения коснулись отношения людей к базовому правилу общежития «не убий!». К. Маккарти скупно и бесстрастно замечает, что в новом мире люди начинают убивать себе подобных и есть их. У. Голдинг рисует постепенную трансформацию сознания ребенка, для которого поначалу убийство (животного) кажется чудовищным преступлением («...because of the enormity of the

knife descending and cutting into living flesh» [16, с. 73]), но постепенно желание убить что-то живое и одержать над ним верх вытесняет все другие чувства. Особенно ярко данная трансформация прослеживается в двух сценах убийства свиньи. После первого Джеку отвратителен вид крови на его руках, он стремится быстрее стереть ее: «He noticed blood on his hands and grimaced distastefully, looked for something on which to clean them...» [16, с. 122]. Во втором случае он воспринимает ее скорее как знак доблести, который нужно всем продемонстрировать, и весело смеется: «...the hot blood spouted over his hands. <...> ... Jack stood up, holding out his hands. <...> He giggled and flinked them while the boys laughed at his reeking palms» [16, с. 210]. Эта сцена показывает окончательное освобождение от табу, связанных с убийством, потому что в дальнейшем, когда дети убивают и/или собираются убить, автор не описывает чувств персонажа.

Идея о том, что люди теряют человеческий облик, подчеркивается частым сравнением персонажей с животными (у У. Голдинга — bats; dogs; black birds; insects; ape; seal; wolf; seagulls; cat; horse [16]; у К. Маккарти — farm animals; a dog; some hibernating animal; a fawn; a cat; apes; rats on a wheel [17]).

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ГРУПП ПЕРСОНАЖЕЙ

Отношение к соблюдению/несоблюдению старых правил поведения становится той разделительной чертой, которая приводит к формированию двух противоборствующих групп в каждом из произведений (У. Голдинг: «we — they»; К. Маккарти: «the good guys — the bad guys»). Для описания отношений между этими группами оба автора используют слова из тематических полей «война» (У. Голдинг — the army; a fort; a bastion; to raid; war-paint; war-cry; to give up; to give the alarm [16]; К. Маккарти — the army; war; to march; to give up [17]) и «оружие» (У. Голдинг — spears; sabres [16]; К. Маккарти — a gun; spears; lances; bludgeon; an arrowhead; a bow [17]).

ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА У ПИСАТЕЛЕЙ

Однако постепенно деление на «мы» и «они» у У. Голдинга сходит на нет. Поначалу это объясняется сюжетной линией, так как большинство ребят встает на сторону Джека по собственной воле, Саймона и Хрюшу убивают, и Ральф остается один. Но в конце книги и он уже практически ничем не отличается от Джека и его приспешников, так как ради сохранения собственной жизни готов на все: сначала молит, чтобы «зверь» забрал не его, а кого-то из малышей, а потом признается себе, что убьет того, кто нападет на него («He felt the point of his spear with his thumb... Whoever tried that would be stuck, squealing like a pig» [16, с. 284]). Такое развитие обусловлено желанием автора показать противоречивую природу человека, внутри которого всегда происходит борьба добра и зла, и в критических ситуациях, когда законы цивилизованного общества становятся не властными над человеком, чаще всего одерживает верх зло. Свои мысли писатель дает озвучить Саймону: «However Simon thought of the beast, there rose before his inward sight the picture of a human...» [16, с. 167]. По мнению У. Голдинга, в самом человеке живет стремление разрушать, поэтому он сознательно или бессознательно уничтожает то, что его окружает, и самого себя.

К. Маккарти в своем романе показывает другой взгляд на человека. По его мнению, люди могут сохранить человечность, если они достаточно сильны, чтобы не сдаваться даже в самых страшных условиях, и при этом им есть о ком заботиться и кого любить: «...you wont survive for yourself. <...> A person who had no one would be well advised to cobble together some passable ghost. Breathe it into being and coax it along with words of love. ...shield it from harm with your body» [17]. При этом любовь и забота могут быть направлены не только на твоих близких, но и на любых людей, которым нужно твое участие. В книге К. Маккарти сын постепенно осознает, что он должен заботиться обо всех нуждающихся: «You're not the one who has to worry about everything. The boy said something but he couldn't understand him. What?»

he said. He looked up, his wet and grimy face. Yes I am, he said. I am the one» [17].

В этом случае речь идет о высшей человечности и высшей любви, на которую способны единицы, но они могут делать мир вокруг себя лучше.

Разница представлений о человеческой природе у писателей особенно отчетливо прослеживается в двух группах мотивов. Первая связана с приравниванием людей к животным. У Голдинга тип животного не зависел от того, к какой группе («мы» или «они») принадлежал персонаж. Наоборот, Ральф, который призвал всех не превращаться в дикарей, во время поедания мяса сравнивается с волком — самым кровожадным представителем фауны из всех перечисляемых автором. В наиболее жестоких сценах, например убийства Саймона, все дети предстают как единое существо, наделенное когтями и зубами, поэтому посчитать кого-то невиновным в этом зверском убийстве невозможно: «At once the crowd surged after it... struck, bit, tore. There were no words, and no movements but the tearing of teeth and claws» [16, с. 232]. У К. Маккарти существует четкое разделение номинаций. Для описания отца и сына он чаще всего использует наименования домашних животных, либо такие слова, которые не несут негативной коннотации. Даже сравнение с крысами (rats on a wheel) подчеркивает не изменную природу персонажей, а бессмысленность их действий. В то время как при описании «плохих парней» используются негативно окрашенные единицы (крыса, рептилия, стервятник), кроме того контекст, в котором они встречаются, показывает, что звериное начало стало их природой. Часто это достигается с помощью опускания сравнительных конструкций (прежде всего «like smth.») и превращения названных слов в прямую номинацию: «...the roadrat was holding the knife in his hand»; «...a vulture broken in the road»; «He reached with his scrawny claws and took it...» [17].

Другая группа мотивов связана с отношением к грязи и стремлением очиститься от нее. У Голдинга часто используются слова тематического поля «грязь» для описания персонажей (dirt/decay/filthy (hair; objects; body)/dirty). При этом автор показывает читателю, что грязь понимается не только в прямом значении, но и мета-

форически, так как ее присутствие на теле человека превращает его в неодушевленный объект: «Ralph looked at the filthy objects before him...» (речь идет о близнецах — Ю. С.). [16, с. 257]. Большинство мальчиков на острове купались, чтобы охладиться, ни один из них не ставил цели привести себя в порядок, и все воспринимали такое положение вещей как норму. Отец и сын в романе «Дорога» пытаются вымыться при каждой возможности, хотя это и опасно, ведь их могут застать врасплох в этот момент. Однако процесс омовения превращается для них в ритуал очищения, в том числе и духовного, на что указывает сравнение пара, идущего от тела, с дымом (этим подчеркивается их сущность как носителей огня): «He drained away the filthy water he sat in and laved fresh warm water over him from the pan... He combed his hair and looked at him. Steam was coming off of him like smoke» [17].

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ОГНЯ

Наконец, принципиально важным для раскрытия концепции человека у писателей становится символическое прочтение огня. Для ребят на острове огонь сначала является средством спасения, способом привлечь внимание проходящих кораблей. Столкнувшись с необходимостью как-то готовить мясо и согреться по ночам, персонажи «Повелителя мух» вспоминают о других традиционных функциях огня. Но, когда «звериное начало» у членов племени берет верх над разумом, они превращают огонь в оружие против себе подобного, в средство, помогающее им истребить живое существо.

У К. Маккарти огонь претерпевает обратную трансформацию. Первоначально он приводит практически к полному уничтожению мира. Для выживших он все еще таит опасность, так как может привлечь внимание мародеров, а значит привести к гибели. Но без огня люди не смогли бы долго существовать в условиях невыносимого холода, т. е. он одновременно гарантирует физическое выживание. Писатель переходит к развитию темы огня на глубинном уровне, когда основывает свое деление на хороших и дурных людей на том,

являются ли они носителями огня. Благодаря постепенному раскрытию процесса становления личности сына героя и наделения его характеристиками человека, настроенного взять на себя ответственность за всех нуждающихся, К. Маккарти превращает огонь в символ прометеевой готовности пожертвовать собой ради других, стремления нести в мир доброту.

Таким образом, произведения «Повелитель мух» У. Голдинга и «Дорога» К. Маккарти имеют много точек соприкосновения. В первую очередь, романы схожи в аспекте пространственно-временного построения. Некая катастрофа разделяет временной континуум на два отрезка: до и после нее. Повседневный уклад жизни героев в новой действительности сводится к борьбе за выживание. Кроме того, для этих произведений характерна концепция стабильно дрящегося настоящего. Пространство в романах ограничено и представляет собой враждебную среду, что объясняет атмосферу абсолютного страха, в которой живут персонажи. Для полного раскрытия своего подхода к теме оба автора опираются на ряд мотивов, связанных со сравнением людей с животными, их отношением к грязи, использованием огня. Однако концепции человека У. Голдинга и К. Маккарти отличаются кардинально. У. Голдинг считает, что человек, внутри которого постоянно идет борьба добра и зла, не может победить в себе злое начало, если его не контролируют некие сдерживающие общественные установления. К. Маккарти показывает, что спасти человека и помочь ему сохранить человечность может любовь.

Список источников

1. Смирнов А.Ю. Литературная антиутопия: проблема генезиса // Вестник БДУ. Сер. 4 : Филология, журналистика, педагогика. 2009. № 1. С. 39–43.
2. Бубнихин А.А. Глобализация в текстах культуры: утопия – антиутопия – научная фантастика : дис. ... канд. культурологии. Кострома, 2013. 147 с.
3. Брега С.С. Феномен антиутопии в социальных практиках современности : социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2010. 184 с.
4. Козьмина Е.Ю. Поэтика романа-антиутопии: на материале русской литературы XX века : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 222 с.
5. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2005. 49 с.
6. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI века в контексте мировой антиутопии : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2009. 48 с.
7. Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры : дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2006. 586 с.
8. Каракан Т.А. О жанровой природе утопии и антиутопии // Проблемы исторической поэтики. 1992. Вып. 2. С. 157–160.
9. Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: эволюция, поэтика : дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2002. 381 с.
10. Долгих А.Ю. Утопия и антиутопия: научная фантастика и действительность. Киров : Радуга – Пресс, 2017. 176 с.
11. Лазаренко О.В. Русская литературная антиутопия 1900-х – первой половины 1930-х годов : проблемы жанра : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997. 245 с.
12. Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия XX в.: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 1993. 350 с.
13. Ланин Б.А. Жанровые характеристики современной антиутопии // Литературоведение на современном этапе : Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина : в 2-х кн. Вып. 2, Кн. 2 / сост. Н.Н. Комлик. Елец : Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2014. С. 394–399.
14. Тузовский И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2009. 311 с.
15. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. Москва : Худож. лит., 1975. С. 234–407.
16. Голдинг У. Повелитель мух. Пирамида. Чрезвычайный посол : сб. / сост., предисл. и коммент. М.М. Зинде ; [на англ. яз.]. Москва : Прогресс, 1982. 496 с.
17. McCarthy C. The Road [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com : сайт.

URL: https://royallib.com/book/McCarthy_Cormac/The_Road.html (дата обращения: 23.01.2018).

18. Ковалевская Т.В. Человек героический в английской литературе. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2012. 373 с.

19. Бондаренко Л.В. Смыслообразующая роль постапокалиптического хронотопа в романе Кормака Маккарти «Дорога» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия : Филологические науки. 2015. Т. 1 (67), № 2. С. 8–13.

Human in a Dystopian World: The Approaches of W. Golding and C. McCarthy

Yulia L. Sapozhnikova

Smolensk State University, 4, Przhevalskogo Str.,
Smolensk, 214000, Russia

E-mail: sapozhnikova.engl@yandex.ru

Abstract. *The article compares the views of the English writer W. Golding and the American novelist and playwright C. McCarthy on the human in a dystopian world. This work is relevant due to the undying interest in this genre and the lack of research on this topic. It is possible to compare the novels Lord of the Flies by W. Golding (1954) and The Road by C. McCarthy (2006), since in both the works the main characters are children / a child, and one of the key themes is the theme of road / movement. The chronotope of these novels is similar: the authors do not specify neither the cause of the catastrophe, nor the time of the events; the past is represented by a series of flashbacks. The space in the texts is limited and mainly characterized by words from the same thematic groups. The characters, finding themselves in extreme conditions, almost completely lose their humanity and, in their behavior, are likened to animals.*

However, the authors' views on the human are different. According to W. Golding, the good constantly struggles with the evil within a person, and you can cope with the evil beginning, if only controlled by some restraining public settings. C. McCarthy believes that love helps people to preserve humanity. In order to fully reveal their own vision of the topic, both the writers resort to a symbolic interpretation of the fire, which W. Golding transforms from a tool of salvation into a means of destruction, and C. McCarthy, on the contrary, makes it a means of not

only guaranteeing physical survival, but also helping to preserve the soul and faith.

Key words: dystopia, Lord of the Flies by W. Golding, The Road by C. McCarthy, chronotope, hostile environment, loss of humanity, “We – They” opposition, symbol of fire.

Citation: Sapozhnikova Yu.L. Human in a Dystopian World: The Approaches of W. Golding and C. McCarthy, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 566–575. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-566-575.

References

1. Smirnov A.Yu. Literary Dystopia: The Problem of Genesis, *Vestnik BDU. Ser. 4: Filalogiya, zhurnalistyka, pedagogika* [Bulletin of the Belarusian State University. Series 4: Philology. Journalism. Pedagogics], 2009, no. 1, pp. 39–43 (in Russ.).
2. Bubnikhin A.A. *Globalizatsiya v tekstakh kul'tury: utopiya – antiutopiya – nauchnaya fantastika* [Globalization in the Texts of Culture: Utopia – Dystopia – Science Fiction], Cand. cult. diss. Kostroma, 2013, 147 p.
3. Brega S.S. *Fenomen antiutopii v sotsial'nykh praktikakh sovremennosti: sotsial'no-filosofskii analiz* [The Phenomenon of Dystopia in Modern Social Practices: Socio-Philosophical Analysis], Cand. philos. sci. diss. Moscow, 2010, 184 p.
4. Kozmina E.Yu. *Poetika romana-antiutopii: na materiale russkoi literatury XX veka* [The Poetics of Dystopian Novel: By the Example of the Russian Literature of the 20th Century], Cand. philos. sci. diss. Moscow, 2005, 222 p.
5. Kovtun N.V. *Russkaya literaturnaya utopiya vtoroi poloviny XX veka* [The Russian Literary Utopia of the Second Half of the 20th Century], Doct. philol. sci. diss. abstr. Tomsk, 2005, 49 p.
6. Vorobyova A.N. *Russkaya antiutopiya XX – nachala XXI veka v kontekste mirovoi antiutopii* [The Rus-

- sian Dystopia of the 20th – Beginning of the 21st Century in the Context of World Dystopia], Doct. philol. sci. diss. abstr. Saratov, 2009, 48 p.
7. Pavlova O.A. *Russkaya literaturnaya utopiya 1900–1920-kh gg. v kontekste otechestvennoi kul'tury* [The Russian Literary Utopia of the 1900s–1920s in the Context of Russian Culture], Doct. philol. sci. diss. Volgograd, 2006, 586 p.
 8. Karakan T.A. On the Genre of Utopia and Dystopia, *Problemy istoricheskoi poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1992, issue 2, pp. 157–160 (in Russ.).
 9. Anufriev A.E. *Utopiya i antiutopiya v russkoi proze pervoi treti XX v.: evolyutsiya, poetika* [Utopia and Dystopia in the Russian Prose of the First Third of the 20th Century: Evolution, Poetics], Doct. philol. sci. diss. Moscow, 2002, 381 p.
 10. Dolgikh A.Yu. *Utopiya i antiutopiya: nauchnaya fantastika i deistvitel'nost'* [Utopia and Dystopia: Science Fiction and Reality]. Kirov, “Raduga – Press” Publ., 2017, 176 p.
 11. Lazarenko O.V. *Russkaya literaturnaya antiutopiya 1900-kh – pervoi poloviny 1930-kh godov: problemy zhanra* [The Russian Literary Dystopia of the 1900s – First Half of the 1930s: The Genre Problems], Cand. philol. sci. diss. Voronezh, 1997, 245 p.
 12. Lanin B.A. *Russkaya literaturnaya antiutopiya XX v.* [The Russian Literary Dystopia of the 20th Century], Doct. philol. sci. diss. Moscow, 1993, 350 p.
 13. Lanin B.A. Genre Parameters of Modern Dystopia, *Literaturovedenie na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskie individual'nosti. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya E.I. Zamyatina: v 2-kh kn* [Modern Literary Studies. Theory. History of Literature. Creative Personalities: To the 130th Anniversary of the Birth of E.I. Zamyatin: in 2books], issue 2, book 2. Yelets, Eletsii Gosudarstvennyi Universitet im. I.A. Bunina Publ., 2014, pp. 394–399 (in Russ.).
 14. Tuzovsky I.D. *Svetloe zavtra? Antiutopiya futurologii i futurologiya antiutopii* [A Brighter Tomorrow? The Dystopia of Futurology and the Futurology of Dystopia]. Chelyabinsk, Chelyabinskaya Gosudarstvennaya Akademiya Kul'tury i Iskusstv Publ., 2009, 311 p.
 15. Bakhtin M.M. The Forms of Time and Chronotope in a Novel: Essays on Historical Poetics, *Voprosy literatury i estetiki* [The Problems of Literature and Esthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1975, pp. 234–407 (in Russ.).
 16. Golding W. *Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary*. Moscow, Progress Publ., 1982, 494 p. (in Russ.).
 17. McCarthy C. The Road, *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com: sait* [RoyalLib.com Electronic Library: website]. Available at: https://royallib.com/book/McCarthy_Cormac/The_Road.html (accessed 23.01.2018).
 18. Kovalevskaya T.V. *Chelovek geroicheskii v angliiskoi literature* [Homo Heroic in English Literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2012, 373 p.
 19. Bondarenko L.V. The Sense-Making Role of Post-Apocalyptic Chronotope in Cormac McCarthy's Novel “The Road”, *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], 2015, vol. 1 (67), no. 2, pp. 8–13 (in Russ.).

УДК 7.033.5(410.1)"16/17"
 ББК 85.03(4Вел4)51-022.02
 DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-5-576-583

В.В. ДЕГТЯРЕВ

ГОТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТЬ «ВЫЖИВАНИЯ» ГОТИКИ

Владислав Владимирович Дегтярев,
 Российский институт истории искусств,
 соискатель
 Исаакиевская пл., д. 5,
 Санкт-Петербург, 190000, Россия
 E-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Реферат. В литературе о готическом возрождении в Англии существует представление о «выживании» готики, т. е. о возможности ее неотрефлексированного сохранения в далекой провинции, откуда ее в нужное время могли извлечь архитекторы-интеллектуалы, ищущие связи с прошлым или с народной традицией. Это представление, восходящее к литературе начала XX в., может быть убедительно опровергнуто путем анализа тех смыслов, которые в разное время вкладывались в возрождение готики. Цель данной статьи — показать, что обращение к формам готической архитектуры во второй половине XVII — начале XVIII в. было связано с интеллектуальными кругами и не

имело отношения к сохранению ремесленных традиций.

Можно считать, что уже придворные английской королевы Елизаветы Тюдор, игравшие в средневековье и рыцарей Круглого стола, осуществили первое из известных готических возрождений. Связь елизаветинской архитектуры с готической традицией неоднократно обсуждалась. Но и в последующие десятилетия — как до гражданской войны, так и после ее завершения — обращение к формам готики было широко распространено в университетском и церковном строительстве.

Опираясь на доступные нам источники, можно прийти к выводу, что хотя в готической архитектурной традиции и не было хронологического перерыва, но все случаи обращения к готике с самого начала приобретают идеологическую окраску. Мы вправе также утверждать, что распространение классицистической архитектуры в Англии не только не уничтожило готическую традицию, но придало ей новое звучание и практически сразу сделало любое обращение к готическим формам идеологически окрашенным высказыванием.

Ключевые слова: готика, архитектура, идеология, Средние века, прошлое, традиция, готическое возрождение, выживание готики.

Для цитирования: Дегтярев В.В. Готическое возрождение и возможность «выживания» готики // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 576–583. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-576-583.

Готическое возрождение — интереснейшее явление в истории английской (и общеевропейской) архитектуры [1–3]. Начавшись как выражение сложного и противоречивого комплекса идей, пройдя стадию политического проекта [4, р. 24–29], испытав (и породив) многочисленные литературные влияния [5; 6] и претерпев существенные изменения за время своего развития, оно до сих пор продолжает оказывать воздействие на архитектуру. Несмотря на то, что готическому возрождению посвящены многочисленные исследования, его периодизация и хронология до настоящего времени остаются дискуссионными вопросами.

Существует переходящее из книги в книгу представление о “Gothic survival”, «выживании» готики, т. е. о возможности ее неотрефлексированного сохранения где-то на периферии цивилизации, откуда ее, якобы, в нужное время извлекли архитекторы-интеллектуалы, ищущие связи с прошлым или с народной традицией [7–9].

Судя по всему, это мнение восходит к вышедшей в 1928 г. книге известного английского критика и историка искусства Кеннета Кларка (1903–1983) «Готическое возрождение. Опыт истории вкуса», первая глава которой так и озаглавлена — «Выживание готики» [10, р. 11–27].

Несмотря на обращение к данному предмету таких крупных специалистов в области английской архитектуры, как Альфред Клэпхем [11] и Говард Колвин [12], рассуждения в духе К. Кларка воспроизводятся в литературе до наших дней. Как исключение в этом ряду стоит отметить оригинальную и содержательную работу Криса Брукса (1999) [1].

Мы постараемся доказать несостоятельность этого представления, обратившись к тексту первоисточника.

К. Кларк спорит с утверждением неназванных авторов о том, что профессиональная готическая традиция в Англии не прерывалась никогда. Она продолжалась буквально от капеллы Генриха VII в Вестминстерском аббатстве (1503–1516) до зданий Парламента (1837–1860). Не проходило и года без того, чтобы не строилось, не перестраивалось или не ремонтировалось бы что-нибудь готическое [10, р. 11]. Это оспариваемое К. Кларком утверждение мы полагаем вполне справедливым, что и намерены показать. Сейчас важно то, что К. Кларк видит в продолжении готической традиции три разных явления, связанных друг с другом весьма слабо.

«Поскольку способы ее (готической архитектуры. — В. Д.) сохранения не были сформулированы с достаточной степенью ясности, — пишет К. Кларк, — я позволю себе педантично разделить их на три группы. Во-первых, были архитекторы, хоть и работавшие обычно в ренессансном стиле, но оставившие некоторое количество готических построек, созданных в силу особых причин. Во-вторых — местные строители и ремесленники, приверженные старым традициям. В-третьих — сохранение интереса к готической архитектуре» [10, р. 14–15].

Предложенная К. Кларком схема не слишком исторична. Первый и третий ее пункты мы намерены подробно разобрать далее, пока же отметим, что они неоднородны и могут быть разделены на множество подпунктов, каждый из которых подразумевает специфический тип восприятия и специфический способ обращения к готическим формам. Как архитекторы могли обращаться к готике, преследуя различные цели и решая несходные между собой задачи, так и проявления интереса к средневековой архитектуре вне архитектурной профессии могли проистекать из разных источников. Готикой могли интересоваться антикварианты: первоначально — как одним из аспектов прошлого, впоследствии — именно как архитектурой. Но оказывать воздействие на архитектурную практику антикварное знание стало не раньше третьей четверти XVIII века. Что же касается широкой публики, то ее сентиментальное увлечение готикой было спровоцировано жанром готического романа, первым образцом которого стал «Замок Отранто» (1764) Хораса Уолпола.

Пока же остановимся на втором из рассмотренных К. Кларком способов выживания готики. Как ни странно, в поисках настоящего неотрефлексированного сохранения готической архитектуры К. Кларк прежде всего обращается к колледжам Оксфорда и Кембриджа. Он утверждает, что «готические традиции местных мастеров образуют более прочное звено в цепи выживания готики (нежели спорадические готические проекты профессиональных архитекторов. — В. Д.). <...> Принято всячески подчеркивать использование готики в Оксфорде XVII века. Церквей в то время строилось очень немного, и университеты были практически единственными, кто нуждался в таких зданиях, какие обычно строились в готическом стиле. Почтительное отношение к архитектурной среде и консерватизм, возможно, и могли сыграть здесь какую-то роль, но истинная причина обращения к готике гораздо проще. Она все еще была естественным способом построить церковь или колледж» [10, р. 19–20].

Говорить о «естественном» способе построить здание колледжа по меньшей мере странно. К тому же К. Кларк, как можно видеть, назначает на роль нерелексивных потребителей архитектуры, заинтересованных только в функции и нечувствительных к форме, руководство Оксфорда и Кембриджа, т. е. интеллектуальную элиту Англии. Тем не менее чуть ниже К. Кларк описывает появление ренессансных элементов в архитектуре оксфордских колледжей, принимая как должное, что они могли проникать туда исключительно по воле заказчиков. Следуя логике К. Кларка, нужно предположить, что сохранение готики (в отличие от ее размытия чужеродными элементами) осуществлялось исключительно пассивным образом, однако исторические свидетельства, приводимые ниже, это опровергают.

Обращение Кристофера Рена и Николаса Хоксмур (крупнейших английских архитекторов конца XVII — начала XVIII в.) к готике, продиктованное в первую очередь заботой о целостности архитектурного облика колледжей, говорит о том, что готическая архитектура воспринималась не только как историческая или эстетическая ценность, но и как проявление индивидуальности университетов.

Что же касается возможности сохранения средневекового строительного ремесла где-то в далекой провинции, сам К. Кларк показывает, что такие пережитки прошлого не могли иметь отношения к «ученой» архитектуре и готической моде, распространявшейся среди богатых эстетов, бывших патронами архитекторов.

«Когда Готическое возрождение только начиналось, — пишет Кларк, — в журнале “Gentleman’s Magazine” опубликовали письмо, автор которого рассказывал, что обнаружил колонию каменщиков, сохранявших свое ремесло неизменным со времен Реформации, и что это открытие обладает некоторой важностью. Однако у нас нет сведений о том, что [Хорас] Уолпол обращался к подобным ремесленникам, совсем наоборот — большая часть мастеров, участвовавших в постройке Строберри-Хилл, не имела никакого отношения к готике. <...> Сохранявшееся знание готической конструкции волновало ранних поборников готического возрождения еще меньше; ее важность не осознавалась до тех пор, пока Пьюджин не сделал ее своим евангелием» [10, р. 22–23].

Нам представляется более обоснованным мнение, разделяемое, в частности, крупным историком архитектуры Николаусом Певзнером, о том, что возрождение готики началось как движение, т. е. как осознанный культурный процесс, очень рано. В «Очерке европейской архитектуры» он отмечает, что «осознанное готическое возрождение существовало уже в поздние годы Елизаветы (Воллатон-холл, 1580) и в правление короля Якова (библиотека колледжа Св. Иоанна в Кембридже, 1624)» [13, р. 351]. Похоже, именно это явление имел в виду антикварий XVII в. Джон Обри, когда писал, что в царствование Елизаветы I архитектура не только не развивалась (что должно означать — не развивалась в направлении классицизма), но даже сделала шаг назад [цит. по: 14, р. 30].

Англиканская церковь, хотя и порвавшая с Римом, но определившая свою позицию между крайностями католичества и радикального протестантизма, использовала готику для демонстрации и подчеркивания своего традиционализма. Так, Том МакНил в статье «Пропаганда в камне: средневековый стиль в англиканских церквях XVII века» [15] обращает

внимание на то, что в елизаветинское время продолжалось строительство церквей в готическом стиле, и это положение дел не изменилось после смены династии. По мнению А. Клэпхема, англиканская церковь времен Иакова I и Карла I нашла свое архитектурное выражение именно в готике [11, р. 5]. Логично было бы поэтому предположить, что готические формы воспринимались протестантами как альтернатива контрреформационному барокко.

Упомянутое Н. Певзнером здание библиотеки колледжа Св. Иоанна в Кембридже можно считать одним из наиболее ранних документированных примеров сознательного обращения (или возвращения) к готическим формам. К. Брукс приводит выдержки из переписки ректора колледжа с англиканским епископом Эксетера, настаивавшим на том, чтобы окна библиотеки были выполнены наиболее подходящим образом, т. е. «в манере старых церковных окон» [1, р. 27]. При этом следует помнить, что прообразами подобных построек были церкви другой конфессии (католические).

Разворачивая лаконичное замечание Н. Певзнера, К. Брукс утверждает, что придворные Елизаветы I, игравшие в средневековье и рыцарей Круглого стола [1, р. 32–38], осознанно воссоздавали картину некоего значимого для них прошлого, воспринимая его целостным и завершенным [см. также: 16]. Если принять эту логику, то корни готического возрождения приходится искать в аллегорической поэзии елизаветинского времени, наиболее ярким явлением которой была поэма Эдмунда Спенсера «Королева фей» (1590, второе издание — 1596). Английский историк архитектуры Джайлз Уорсли прямо говорит о многокомпонентном и, что немаловажно, идеологически окрашенном средневековом возрождении, разворачивавшемся в Англии в конце XVI — начале XVII в. и включавшем, помимо архитектуры, возвращение интереса к геральдике, рыцарским турнирам и куртуазному поведению [17, р. 108].

Однако игры, возрождавшие рыцарское прошлое, имели и более приземленный смысл: для деятелей елизаветинского времени, не принадлежавших к родовой аристократии, подобные ассоциации оказывались весьма лестными. Английский историк архитектуры Марк

Джируард в статье «Елизаветинская архитектура и готическая традиция» [14] исследует хронологию работ в Берли-хаусе, в конце XVI в. принадлежавшем государственному секретарю Уильяму Сесилу (1520–1598). Автор показывает, что здание, хранящее следы многочисленных расширений и перестроек, со временем приобретало все больше черт готики. Этот случай — не исключение, скорее он указывает на распространенную практику.

По словам М. Джируарда, «Елизаветинские высшие классы обнаружили, что отечественная готическая традиция оказалась лучше (чем заимствованный классицизм. — В. Д.) приспособленной к выражению того величия, в котором они нуждались» [14, р. 36].

Такого рода возрождение, сочетающее в себе театральную аффектацию и серьезные претензии, было бы невозможно без осознания того факта, что возрождаемое прошлое отделено от современности неким событием, основавшим новую традицию и новые способы самоидентификации. В случае елизаветинской Англии таким событием стала Реформация, которая не проводила кардинальный разрыв с прошлым. Напротив, она служила политической цели суверенизации страны. Этой же цели служило и выстраивание национальной традиции, включая игры в прекрасное прошлое.

В таких условиях, когда в реальности отказа от исторического прошлого не происходило и, более того, возрождение этого прошлого служило интересам элиты, можно ли предполагать наличие перерыва в готической традиции?

Конечно же нет, несмотря на утверждения К. Кларка и Д. Уорсли об обратном. Эти авторы считают таким перерывом деятельность Иниго Джонса (1573–1652), занимавшего должность придворного архитектора в царствования Якова I и Карла I и бывшего едва ли не первым в Англии последовательным классицистом.

Как утверждает К. Кларк, «настоящая перемена (в архитектуре. — В. Д.) произошла благодаря Иниго Джонсу. Мы не предполагаем, естественно, что не будь его, Англия так и не освоила бы ренессансную и классицистическую архитектуру. Но в той степени, в которой исторические перемены могут быть приписаны влиянию одного человека, именно гений Иниго придал английской архитектуре то направле-

ние, которого она придерживалась следующие 150 лет или даже дольше» [10, р. 12].

«Поскольку готическая традиция относилась к недавнему времени, — пишет Д. Уорсли, — в период правления Елизаветы эту традицию нетрудно было восстановить, что могло восприниматься почти как естественное продолжение прежнего стиля. В годы, предшествующие гражданской войне, ситуация была уже другой — ее изменила деятельность Иниго Джонса, направленная на утверждение классической традиции. В результате классицизм стал “правильным”, респектабельным стилем, в то время как в готике стали видеть, по словам Джона Ивлина¹, “тяжелые, угрюмые и меланхоличные монашеские строения, не обладающие, в сравнении с истинной древностью, ни верными пропорциями, ни смыслом, ни красотой”. В течение оставшейся части XVII и почти все XVIII столетие превосходство классической архитектуры, не нуждающееся в доказательствах, было очевидно для всех образованных людей. И для каждого, кто в те годы обращался к готическому стилю, это было осознанной реакцией на господство классицизма» [17, р. 108]².

Заявление о *превосходстве* классической архитектуры, похоже, сформулировано слишком сильно. Но важнее то, что сама хронология строительства значимых архитектурных объектов в Лондоне и, допустим, в Оксфорде показывает, что готика вовсе не маргинализируется, но становится самостоятельным архитектурным языком. Практикующие архитекторы могли и не испытывать к готике особой симпатии, но так или иначе обращались к формам этого стиля. Сопоставив буквально несколько дат, мы увидим, что одновременно с возведением классицистических зданий по проектам Иниго Джонса продолжалось активное строительство в готическом стиле. Так, уже упоминавшаяся библиотека колледжа Св. Иоанна в Кембридже (1623–1625) возводилась практически одновременно с классицистическим Банкетингхаусом И. Джонса в Лондоне (1619–1622).

¹ Джон Ивлин (1620–1706) — английский писатель и государственный деятель, один из основателей Королевского общества.

² Источник цитаты — «Записки об архитекторах и архитектуре» Д. Ивлина, изданные после смерти автора [18, р. 9].

Очевидно, что традиция университетской готики, получившей распространение в Оксфорде и Кембридже, в течение XVII–XVIII вв. фактически не прерывалась.

Д. Ивлин, посетив Оксфорд в июле 1654 г., записывает в дневнике следующую фразу, относящуюся к зданию Колледжа Церкви Христовой: «Там прекрасный просторный вестибюль с колонной, а поднимаясь по лестнице можно рассмотреть капитель, распростершую свои ветви, поддерживая крышу» [19, р. 78–79]. (Д. Ивлин имел в виду веерный свод, ставший в те времена самой характерной особенностью университетской готики [1, р. 30–31]). Исходя из столь высокой оценки недавно построенного здания (вестибюль и лестница относятся примерно к 1640 г.), можно предположить, что готика и классицизм, по крайней мере какое-то время, были в глазах Д. Ивлина двумя равноправными стилями, каждый из которых имел свою область применения.

Здесь мы подходим к очень интересной проблеме, разрешить которую пока не в состоянии, однако считаем необходимым сформулировать: насколько представления интеллектуалов XVII в. о бытовании исторических стилей и о прошлом вообще, как об отдельной реальности, совпадали с нашими? Возможно, данные из области истории искусств способны поставить под сомнение господствующую точку зрения о тотальной неисторичности сознания человека раннего Нового времени [20; 21, с. 800–801]. Как пишет Том МакНил, деятели XVII в., выступавшие заказчиками готических построек, были способны различать разные стилистические направления внутри готики и воспроизводить те образцы, которые считали более подходящими для выражения нужных им смыслов [15]. Эта ситуация может показаться напоминающей начало XIX в., когда хронология развития готики не была известна, и для воспроизведения могли выбираться детали каких-то определенных памятников, вызывающие у заказчиков или их высокопоставленных патронов нужные ассоциации, работающие на поддержание определенной формы преемственности.

Для наших целей представляется важным отметить, что такой избирательный способ работы с уходящей в прошлое традицией предполагал ак-

тивное осмысление материала если не со стороны архитектора (которого в определенных ситуациях можно считать ремесленником), то, во всяком случае, со стороны заказчика, выступавшего как автор идеологически важного сообщения.

Опираясь на доступные нам источники, можно прийти к выводу, что хотя в готической архитектурной традиции и не было хронологического перерыва, но все примеры обращения к готике уже в елизаветинские времена приобретают идеологическую окраску и связаны с интеллектуальной элитой.

Сказанное можно резюмировать следующим образом: явление «выживания» готики не могло иметь отношения к рассматриваемым нами процессам.

Выживание устаревшего, но привычного архитектурного стиля могло происходить только в далекой провинции, в изолированных районах, удаленных от центра и не затронутых последними интеллектуальными веяниями. Такая народная готика была вернакулярной архитектурой, традиции которой передаются от мастера к ученику и не только не имеют отношения к профессиональному архитектурному творчеству, но и не становятся предметом рефлексии.

Таким образом, если процесс «выживания» готики и имел место, он никак не мог быть связан с готическим возрождением. В конце XVII — начале XVIII в. архитекторы (и их заказчики) еще не интересовались народными традициями, а следовательно — воспроизведение форм готики имело другие источники и побудительные причины.

Мы вправе также утверждать, что распространение классицистической архитектуры в Англии не только не уничтожило готическую традицию, но придало ей новое звучание и практически сразу сделало любое обращение к готическим формам идеологически окрашенным высказыванием.

Список источников

1. *Brooks C.* The Gothic Revival. London. 1999. 448 p.
2. *Михайлова Ю.Ю.* Готическое возрождение в архитектуре Англии XVIII—XIX вв. // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 4 (21). С. 85—89.
3. *Путятин И.Е.* Две «готики» в архитектурном мышлении эпохи Просвещения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия V. 2017. Вып. 25. С. 65—74.
4. *Vine A.* In Defiance of Time: Antiquarian Writing in Early Modern England. Oxford : Oxford University Press, 2010. 264 p.
5. *Пушкина А.А.* Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2015. № 2. С. 319—330.
6. *Заломкина Г.В.* Подходы к пониманию готического мифа // Вестник Самарского гос. ун-та. 2010. № 5 (79). С. 178—184.
7. *Addison A.* Romanticism and the Gothic Revival. New York, 1967. 188 p.
8. *Aldrich M.* Gothic Revival. London, 1994. 240 p.
9. *Lewis M.* The Gothic Revival. London, 2002. 208 p.
10. *Clark K.* The Gothic Revival. An Essay in the History of Taste. New York, 1974. 240 p.
11. *Clapham A.* The Survival of Gothic in Seventeenth-Century England // The Archaeological Journal. 1952. Vol. 106. Supplement. P. 4—9.
12. *Colvin H.* Gothic Survival and Gothic Revival // Essays in English Architecture. New Haven : London, 1999. P. 217—244.
13. *Pevsner N.* An Outline of European Architecture. London, 1990. 496 p.
14. *Girouard M.* Elizabethan Architecture and the Gothic Tradition // Architectural History. 1963. No. 6. P. 23—39.
15. *McNeill T.* Propaganda in Stone: Medieval Style in 17th Century Anglican Churches // Archaeological Journal. 2018. Vol. 175. № 2. P. 362—381.
16. *Нестеров А.В.* Символическая политика. Сэр Генри Ли и контексты елизаветинской эпохи // Колесо Фортуны: репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового времени. Москва : Прогресс-Традиция, 2015. С. 237—277.
17. *Worsley G.* The Origins of the Gothic Revival: A Reappraisal. // Transactions of the Royal Historical Society. Sixth Series. 1993. Vol. 3. P. 105—150.
18. *Evelyn J.* An Account of Architects and Architecture. London, 1723. 74 p.
19. *[Evelyn J.]* The diary of John Evelyn. London : New York, 1906. Vol. 2. 420 p.
20. *Nadel G.* Philosophy of History before Historicism // History and Theory. 1964. Vol. 3. № 3. P. 291—315.
21. *Льюис К.С.* Отброшенный образ // Избранные работы по истории культуры. Москва : Новое лит. обозрение, 2015. С. 630—839.

Gothic Revival and the Possibility of “Gothic Survival”

Vladislav V. Degtyarev

Russian Institute of Art History, 5, Isaakiyevskaya Sq.,
St. Petersburg, 190000, Russia
E-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Abstract. *The notion of “Gothic survival” is still prevalent in literature on Gothic revival architecture in England. This concept implies the possibility of the unreflexive survival of Gothic architectural tradition in some distant provincial regions, where architects, searching connections with the past or folk traditions, could find it. This notion, dating back to the literature of the beginning of the 20th century, can be convincingly refuted by analyzing the meanings and purposes of different stages of Gothic revival. The article aims to demonstrate that the use of Gothic architectural forms in the second half of the 17th – beginning of the 18th century was initiated by intellectuals and had no connection to the preservation of artisan traditions.*

The courtiers of Elizabeth I, re-enacting mediaeval romances and Arthurian legends, conducted the earliest known Gothic revival. The relation between Elizabethan architecture and Gothic tradition has been discussed many times. And in later decades – during the Stuart era, the Commonwealth and after the Restoration – Gothic colleges and churches were extensively built.

Basing on the sources available, it can be assumed that, though there was not any chronological break in Gothic architectural tradition, Gothic revival had been ideologically biased from its very beginning. We can also say that the spread of classical architecture in England not only was unable to destroy the Gothic tradition, but also gave it new meanings and almost immediately made any appeal to Gothic forms an ideological statement.

Key words: Gothic, architecture, ideology, Middle Ages, past, tradition, Gothic revival, Gothic survival.

Citation: Degtyarev V.V. Gothic Revival and the Possibility of “Gothic Survival”, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 576–583. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-576-583.

References

1. Brooks C. *The Gothic Revival*. London, 1999, 448 p.
2. Mikhailova Yu. Yu. Gothic Revival Architecture in England of the 18th–19th Centuries, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Saint Petersburg State University of Culture and Arts], 2014, no. 4 (21), pp. 85–89 (in Russ.).
3. Putyatin I.E. Two Patterns of Gothic Style in the Architectural Thinking of the Enlightenment, *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanit. un-ta. Seriya V* [St. Tikhon's University Review. Series V], 2017, issue 25, pp. 65–74 (in Russ.).
4. Vine A. *In Defiance of Time: Antiquarian Writing in Early Modern England*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2010, 264 p.
5. Pushkina A.A. The Gothic Novel and the Genesis of Neo-Gothic Trend in Culture, *Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the A.S. Pushkin Leningrad State University], 2015, no. 2, pp. 319–330 (in Russ.).
6. Zalomkina G.V. Approaches to Understanding of the Gothic Myth, *Vestnik Samarskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Samara State University], 2010, no. 5 (79), pp. 178–184 (in Russ.).
7. Addison A. *Romanticism and the Gothic Revival*. New York, 1967, 188 p.
8. Aldrich M. *Gothic Revival*. London, 1994, 240 p.
9. Lewis M. *The Gothic Revival*. London, 2002, 208 p.
10. Clark K. *The Gothic Revival. An Essay in the History of Taste*. New York, 1974, 240 p.
11. Clapham A. The Survival of Gothic in Seventeenth-Century England, *The Archaeological Journal*, 1952, vol. 106, supplement, pp. 4–9.
12. Colvin H. Gothic Survival and Gothic Revival, *Essays in English Architecture*. New Haven, London, 1999, pp. 217–244.
13. Pevsner N. *An Outline of European Architecture*. London, 1990, 496 p.
14. Girouard M. Elizabethan Architecture and the Gothic Tradition, *Architectural History*, 1963, no. 6, pp. 23–39.
15. McNeill T. Propaganda in Stone: Medieval Style in 17th Century Anglican Churches, *Archaeological Journal*, 2018, vol. 175, no. 2, pp. 362–381.
16. Nesterov A.V. Symbolic Politics. Sir Henry Lee and the Contexts of Elizabethan Period, *Koleso Fortuny: reprezentatsiya cheloveka i mira v angliiskoi kul'ture nachala Novogo vremeni* [Wheel of Fortune: The

- Representation of Man and World in the English Culture of the Beginning of the Modern Period]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2015, pp. 237–277 (in Russ.).
17. Worsley G. The Origins of the Gothic Revival: A Re-appraisal, *Transactions of the Royal Historical Society. Sixth Series*, 1993, vol. 3, pp. 105–150.
18. Evelyn J. *An Account of Architects and Architecture*. London, 1723, 74 p.
19. Evelyn J. *The diary of John Evelyn*. London, New York, 1906, vol. 2, 420 p.
20. Nadel G. Philosophy of History before Historicism, *History and Theory*, 1964, vol. 3, no. 3, pp. 291–315.
21. Lewis C.S. The Discarded Image, *Izbrannye raboty po istorii kul'tury* [Selected Works on the History of Culture]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2015, pp. 630–839 (in Russ.).

Правила предоставления статей в журнал «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

ОБЪЕМ СТАТЕЙ

30 000 знаков или
4 000 слов, или
12–15 страниц,
шрифт Times New
Roman, 12 pt,
интерлиньяж 1,5
Реферат не менее
250 слов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

- 1 Имя, Отчество, Фамилия
- 2 место работы (учебы), должность
- 3 почтовый адрес организации
- 4 ученая степень, ученое звание
- 5 e-mail

ИЛЛЮСТРАЦИИ

300 dpi
должны иметь
подрисуночные подписи,
быть адаптированы
для черно-белой
печати высокого качества,
отдельными файлами
TIFF/JPG

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Любое цитирование и/или упоминание в тексте статьи имен ученых/исследователей должны сопровождаться отсылками на их работы.

Источники приводятся по ГОСТ Р7.05-2008 в порядке упоминания/цитирования в статье.

Не менее **20**

Редакция принимает только оригинальные, не публиковавшиеся ранее научные статьи. Правовые вопросы, связанные с публикацией в журнале, включая обязательства сторон (автора и издателя), регулируются на основе подписанного Акцепта к Публичной оферте.

<http://observatoria.rsl.ru/>

observatoria@rsl.ru

УДК 75.071.1Добужинский М.В.
ББК 85.143(2=411.2)6-8Добужинский М.В.,43
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-5-584-591

А.Е. ЗАВЬЯЛОВА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА В ГРАФИКЕ М.В. ДОБУЖИНСКОГО

Анна Евгеньевна Завьялова,

НИИ теории и истории изобразительных искусств
Российской академии художеств,
отдел русского искусства XVIII — начала XX века,
ведущий научный сотрудник
Пречистенка ул., д. 21, Москва, 119034, Россия

кандидат искусствоведения
E-mail: annazav@bk.ru

Реферат. В статье вводится в научный оборот и исследуется ряд произведений М.В. Добужинского: прослеживается ход работы над ними, выявляются источники (литературные и изобразительные), анализируются стилистические особенности и специфика графической техники. Эти задачи решаются в контексте вопроса о взаимодействии литературы и изобразительного искусства. Актуальность темы определяется тем, что иллюстрации М.В. Добужинского к повестям «Станционный смотритель» и «Барышня-крестянка», пьесе «Скупой рыцарь» и стихотворению «Город пышный, город бедный...» А.С. Пушкина впервые стали объектом исследования как произведения изобразительного искусства.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринят опыт определения стилистической принадлежности означенных произведений, выявлен ряд их изобразительных источников. Автор применяет метод комплексного анализа, объединяя источниковедческий анализ воспоминаний М. Добужинского и его писем, работ современников художника, посвященных русскому искусству начала XX в., с традиционным формальным анализом его произведений в сравнении с произведениями Рембрандта, А. Бенуа, А. Дюрера, Ф. Толстого, японскими гравюрами XVIII — начала XIX века. Это позволило значительно расширить существующие представления об изобразительных и литературных источниках творчества художника.

Выявлено, что офорт Рембрандта «Вид Амстердама с северо-запада» оказал влияние на художественное решение иллюстрации «В карете» для повести «Станционный смотритель»; листы Хиросигэ — на иллюстрацию «Вырину подвезда дома Минского» для нее же. Ксилографии А. Дюрера повлияли на решение иллюстрации «Сцена 1» пьесы «Скупой рыцарь», силуэты Ф. Толстого — на виньетки и художе-

ственное решение иллюстраций и украшений для повести «Барышня-крестьянка». Также установлено, что сказки Х.К. Андерсена «Старый дом» и «Старый уличный фонарь» предопределили и обращение М. Добужинского к повести «Станционный смотритель», и образное решение Петербурга в рисунке «Вид петербургского дома». Автор делает вывод о том, что работа М. Добужинского над иллюстрациями к пушкинским произведениям шла в русле его интенсивных творческих экспериментов: поисков нового решения образа Петербурга в книжной графике, переосмысления и «цитирования» мастеров прошлого.

Ключевые слова: М.В. Добужинский, А.С. Пушкин, иллюстрация, русское искусство начала XX в., Санкт-Петербург, югендстиль, Рембрандт Харменс ван Рейн, А. Дюрер, Хиронимус, Ф. Толстой.

Для цитирования: Завьялова А.Е. Произведения А.С. Пушкина в графике М.В. Добужинского // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 584–591. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-584-591.

Поэзия и проза А.С. Пушкина, его эпоха оставили заметный след в графике М.В. Добужинского (1875–1957). Прежде всего речь идет о циклах иллюстраций к повестям «Станционный смотритель» (1905) и «Барышня-крестьянка» (1919), пьесе «Скупой рыцарь» (1921) и роману «Евгений Онегин» (1936). Иллюстрации не единожды издавались и не раз привлекали внимание исследователей, поэтому вопрос об их связи с пушкинским текстом освещен достаточно полно. Общая художественная характеристика этих работ в свете искусства оформления книги выполнена еще в 1960-х–1980-х гг. [1, с. 139, 143; 2, с. 237, 247, 254, 260; 3, с. 221–222]. Произведениям станковой и декоративной графики, не связанным с конкретными изданиями, повезло меньше, однако именно в них, наряду с первыми попытками иллюстрирования пушкинских произведений, наследие А.С. Пушкина, отзвук его эпохи и творческие поиски художника ока-

зались переплетены особенно тесно. Данному вопросу посвящена настоящая статья.

Произведения А.С. Пушкина сопровождали М. Добужинского на протяжении всей жизни: знакомство с ними состоялось еще в раннем детстве, когда отец читал ему пушкинские сказки. Будущий художник особенно любил тогда «Сказку о попе и о работнике его Балде» и «Сказку о царе Салтане» [4, с. 24]. В отрочестве он отдавал предпочтение пьесам «Скупой рыцарь» и «Каменный гость» и даже собирался ставить их в качестве домашних спектаклей [4, с. 66]. В зрелом возрасте художник не только сохранял неизменный читательский интерес к этому автору, но и иллюстрировал его произведения, не раз оформлял оперы на пушкинские сюжеты, особенно часто — «Пиковую даму» и «Евгения Онегина» [5, с. 356]. В середине 1910-х гг. он обратился к изучению рисунков А.С. Пушкина, что повлияло на его собственную графическую манеру и нашло отражение в иллюстрациях к роману «Евгений Онегин» [5, с. 356].

Самый ранний из известных на сегодняшний день опыт обращения М. Добужинского к литературному наследию А.С. Пушкина относится к 1902 году. Тогда, вскоре после возвращения из Мюнхена и двухлетнего (1899 — 1901) периода занятий в частных академиях рисунком и живописью, художник выполнил два эскиза акварели «Город пышный, город бедный...», оставшейся незавершенной (оба — Государственный Русский музей, ГРМ). Текст этого небольшого пушкинского стихотворения включен в художественный строй самой акварели: он приведен в двух симметричных криволинейных полях в нижней части листа, которые разделяет изображение верстового столба, увенчанного лавровым венком с именем поэта. В центре композиции воспроизведена решетка ограды набережных Екатерининского и Крюкова каналов. Тем не менее эту акварель сложно связать с пушкинской поэзией и Петербургом. Главенствующую роль в художественном облике эскизов играет стилистика журнальной графики югендстиля, с которой Добужинский познакомился в Мюнхене благодаря еженедельникам *Simplicissimus* и *Jugend* [4, с. 157]. Увлечение ею проявилось в акцентировании линии и контура, в трактовке изобра-

жения крупными пятнами, в очертаниях фигур, изогнутых или сплюснутых для усиления выразительности, во внимании к лаконичному орнаменту.

М. Добужинский подробно описал на страницах воспоминаний впечатление, которое произвел на него Петербург после двухлетнего отсутствия: «Я пристально вглядывался в графичные черты Петербурга, всматривался в кладку кирпичей голых, неоштукатуренных стен и в этот их “ковровый” узор, который сам собою образуется в неровности и пятнах штукатурки, изучил и мог на память рисовать тяжелые перила Екатерининского канала и ажурные — Фонтанки ...» [4, с. 188]. Можно убедиться, что в акварели «Город пышный, город бедный...» художник стремился передать это открывшееся ему новое видение Петербурга, в том числе как города Пушкина, о чем свидетельствует включение в изобразительный ряд акварели текста стихотворения. Однако увлечение эстетикой югендстиля не позволило передать образ пушкинского города, хотя на рисунке помещен вид на дом Галашевских — В.Я. Лебедева¹ на набережной Фонтанки (решетка в этом месте набережной была и есть другая), который уже в начале XX столетия был признан значимым памятником петербургского классицизма [6, с. 322–323].

Черты югендстиля, присутствующие в акварели «Город пышный, город бедный...», также можно заметить, правда, в более деликатной форме, в городских видах Петербурга с архитектурными достопримечательностями, например, «Петербург. Александринский театр» и «Петербург. Фонтанка. Летний дворец Петра I», которые М. Добужинский выполнил в том же (1902) году для «открытых писем» издательства Общины св. Евгении. Можно предположить, что и акварель «Город пышный, город бедный...» готовилась для этого заказа, но на стадии эскизов не была принята издательством из-за слишком «смелого» для массового потребителя в России начала XX в. художественного решения.

Продолжая в следующем (1903) году работать над видами Петербурга для открыток, М. Добужинский предпринял еще одну попытку

создать образ города пушкинской эпохи в рисунке тушью «Вид петербургского дома». Он вновь изобразил дом Галашевских — В.Я. Лебедева, но теперь — с очень близкого расстояния, словно его увидел неторопливый и любознательный пешеход, каким был сам художник. Внимание Добужинского в данном случае сосредоточено на мельчайших деталях и их сочетаниях: в его рисунке маскароны гармонично соседствуют с участками облупившейся штукатурки. Двадцатью годами позже Э. Голлербах отметил эту черту: «Его любовь и внимание к малому возвышают самые ничтожные предметы и облачают их ореолом величия. Добужинский знает цену мелочам» [7, с. 51]. Увлеченный деталями, художник словно «в последний момент» добавил в углу рисунка изображение человека в цилиндре, будто бы обрезанное двумя краями так, что видна осталась только голова. В пользу данного предположения свидетельствует то, что он не справился с масштабом. Голова прохожего в цилиндре, образ которого был призван «перенести» зрителя на столетие назад, получилась значительно меньше светильника уличного фонаря. Говорить об удачной ассоциации с пушкинским Петербургом в этом случае не приходится.

М. Добужинский, по всей видимости, учел этот опыт и, приступая к работе над иллюстрациями к повести «Станционный смотритель» (над которыми трудился с 12 сентября по 13 декабря 1905 г.), обратился к изучению исторических материалов в библиотеках и музейных собраниях. «Мне самому давно надо в библиотеку... для (неисполненных еще!!) иллюстраций к «Станционному смотрителю» мне нужно найти гусара. Для этих целей я пойду еще и в Интендантский музей, там есть даже манекены...», — писал он своему другу, художнику А. Бенуа в письме от 1 сентября 1905 года [8, с. 66]. Эти изыскания воплотились в подробной передаче гусарского мундира на рисунке «Приезд Минского на почтовую станцию», который открывает данный цикл иллюстраций.

В свете работы Добужинского над образом пушкинского Петербурга в течение трех лет, предшествующих созданию иллюстраций к повести «Станционный смотритель», особый интерес представляет лист «Вырин у подъезда дома Минского». На нем запечатлен эпи-

¹ Благодарю О. Г. Ким за атрибуцию этого дома в рисунке М. Добужинского.

зод, когда стационарный зритель, проходя по Литейному проспекту около трехэтажного дома, узнал Минского, с которым сбежала его единственная дочь [9; 10, с. 94]. Художник изобразил фрагмент первого этажа этого дома. Маскароны на замках окон эффектно выделяются на фоне гладкой стены, что характерно для архитектуры Петербурга периода позднего классицизма или ампира [11, с. 187], то есть для времени написания повести: 1830 года.

Этот рисунок М. Добужинского очень близок рисунку иллюстрации А. Бенуа к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» с изображением безумного Евгения, бредущего по улице: в обоих случаях улица Петербурга показана глазами случайного прохожего, взгляд которого скользит только по нижней части домов. Бенуа выполнил иллюстрации и книжные украшения для этой поэмы в 1903 г., т. е. почти на два года раньше, чем были созданы иллюстрации Добужинского к повести «Стационарный зритель». Нельзя исключить, что он, всегда считавший Бенуа не только близким другом, но и наставником в искусстве, обратился к его опыту при работе над пушкинским материалом. В пользу этого предположения свидетельствует признание, сделанное художником много лет спустя на страницах воспоминаний о начале дружбы и совместной работы с мастерами объединения «Мир искусства»: «Я невольно стал подражать Бенуа, подражание это было естественным, хотя и со своими отклонениями» [4, с. 207].

Действительно, при всей близости рисунков этих художников лист Добужинского имеет существенное отличие: изображение Вырина в нижнем углу обрезано краями так, что остались только голова и пальцы правой руки. Подобный прием, к которому художник прибегал во всех рассмотренных выше произведениях, восходит к гравюрам на дереве японских мастеров XVIII – I половины XIX в. школы укиё-э, которыми он был особенно увлечен в это время [12, с. 58–71]. Например, этот прием можно наблюдать у Андо Хиросигэ, одного из любимых японских мастеров М. Добужинского, в ряде листов из серии «100 знаменитых видов Эдо» (1856–1858). Обрезание фигур краем листа, когда они «входят» или «выходят» из изображения, придает сцене впечатление случайно

увиденной. Используя этот прием, Добужинский, вероятно, стремился привнести ощущение непосредственности и сиюминутности в события, относящиеся к полувекковой давности.

Не менее примечательной в контексте творческих поисков М. Добужинского представляется иллюстрация «В карете» (1905), изображающая поездку дочери стационарного зрителя Дуни с детьми в родительский дом. Карета выехала из Петербурга, и очертания уже далекой Петропавловской крепости со знаменитым шпилем художник поместил на дальнем плане, в левом верхнем углу листа. Однако там же можно увидеть и ветряные мельницы, которых никогда не было рядом с крепостью, но зато они есть в офорте Рембрандта «Вид Амстердама с северо-запада» (ок. 1640), в котором мельницы изображены справа от здания со шпилем в далеком виде на город, как и в данном рисунке [13, р. 168]. Это решение, очень неожиданное для Добужинского, всегда предпочитавшего работу с натуры, можно объяснить неуверенностью в себе молодого художника, впервые обратившегося к иллюстрированию, к тому же иллюстрированию произведения Пушкина с использованием исторического материала. Он, по всей видимости, таким образом искал «поддержки» у великих мастеров прошлого. Кроме того, заимствованный у Рембрандта мотив далекого пути привнес красивую и поэтичную ноту в рисунок.

Свидетельства о творческом интересе Добужинского к искусству Рембрандта сегодня крайне скудны. Согласно письмам художника, он относился к этому мастеру как к одной из крупнейших величин в истории «старого» искусства. Так, побывав в Дрездене в 1897 г., он писал отцу о своих впечатлениях: «Про остальные картины распространяться не буду. Довольно сказать, что видел... Рафаэля, Рембрандта, Рибера» [8, с. 38]. Ученик и друг художника Г. Верейский оставил исключительно важное свидетельство обращения М. Добужинского к наследию Рембрандта: «Мне случилось наблюдать, как он делал наброски декораций к “Королю Лиру” Шекспира. Нужно было найти решение сцены в замке Лира. М.В. задумался, затем попросил меня дать ему книгу гравюр Рембрандта (дело происходило у меня в квартире). Через минуту он нашел в ней то,

что искал. Это была гравюра Рембрандта “Медея”. Взяв в основу мотив гравюры, М.В. сделал декорацию в виде ротонды» [14, с. 48–49]. Речь идет, по всей видимости, о работе над спектаклем для Большого драматического театра в Петрограде в 1920 году. Рисунок для иллюстрации «В карете» в сочетании со свидетельством Верейского наглядно доказывает творческий интерес художника к офортам Рембрандта, по крайней мере относительно первых 20 лет его деятельности.

Сегодня известно, что М. Добужинский никогда не выполнял иллюстрации для поэзии и прозы А.С. Пушкина на заказ [5, с. 356] и начинал заниматься только теми произведениями, которые интересовали его лично. Закончив работу, он предлагал ее издательствам. В этом свете выбор повести «Станционный смотритель» выглядит очень органичным. В начале 1900-х гг. художник обращался не только к знаменитым памятникам архитектуры Петербурга, но был увлечен и «изнанкой» города (под влиянием «петербургских» романов Ф.М. Достоевского), и уголками старины с небольшими особняками I трети XIX века. Помимо архитектурных достоинств, они привлекали М. Добужинского своей поэтичностью и уютом. Последнюю категорию он особенно ценил, признаваясь на страницах мемуаров в особой любви к «уюту Диккенса» [4, с. 206]. Здесь стоит отметить и сказки Х.К. Андерсена, одного из любимых авторов М. Добужинского. Поэтичный образ старинного дома, затесавшегося среди современных зданий, из сказки «Старый дом» повлиял на изобразительное решение целого ряда петербургских видов мастера: гуаши «Уголок Петербурга» (1904), акварели «Старый домик» (1905), гуаши «Дом в Петербурге» (1905) (все — Государственная Третьяковская галерея, ГТГ).

В сказке «Старый уличный фонарь» находим описание очень маленькой, чистой и удобной, т. е. уютной комнаты старого ночного сторожа: «...кровать пряталась за пологом, на окнах висели занавески, а на подоконниках стояли два диковинных цветочных горшка... В одном рос чудесный лук-порей, а в другом — цветущая герань» [15, с. 249]. Это описание, отразившееся на образном решении городских интерьеров М.В. Добужинского, переключается с описанием комнаты станционного смотри-

теля из одноименной повести А.С. Пушкина, тоже маленькой и опрятной, в которой были «горшки с бальзаминами, и кровать с пестрой занавеской» [10, с. 88]. Можно предположить, что Добужинский, будучи внимательным читателем, заметил в пушкинской повести черты «уюта», близкие ему лично, как и в произведениях Андерсена и Диккенса. Однако в рисунках «Приезд Минского» и «Болезнь Минского», действие которых происходило в той самой комнате, он строго следовал сюжету и не стал делать акцент на «поэзии домашнего уюта».

Обратившись к изучению разнообразных материалов о пушкинской эпохе для работы над иллюстрациями к повести «Станционный смотритель», М.В. Добужинский тогда же, по всей видимости, открыл для себя искусство силуэтов. В России силуэты получили наибольшее распространение в первой трети XIX в. преимущественно как портреты, однако крупнейший мастер этого вида искусства Ф. Толстой снискал особую славу благодаря многофигурным композициям [16, с. 160].

Во второй половине 1900-х гг. Добужинский создал ряд виньеток и декоративных рисунков по мотивам пушкинской эпохи в традиции силуэтов. Здесь прежде всего нужно упомянуть виньетку (1908) с парными портретами женщины и мужчины, украсившую страницы второго номера журнала «Аполлон» за 1911 год [17]. Костюмы героев, относящиеся ко времени 1820–1830-х гг., перо в руке женщины и голубь с письмом вызывают ассоциации с эпизодом из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Неслучайно художественный критик С. Маковский, современник художника, назвал его виньетки, особенно помещенные на страницах журнала «Аполлон», «миниатюрными повествованиями» [18, с. 310].

Кульминацией увлечения М. Добужинского искусством силуэта можно считать ансамбль из трех страничных иллюстраций и двух виньеток к пушкинской повести «Барышня-крестьянка» (1919). Рисунки со сценами встречи Берестова и Лизы в лесу, а также встреча Берестова-старшего и Муромского во время охоты навеяны силуэтами из черной бумаги на аналогичные сюжеты Ф. Толстого 1816–1820 гг., например: «Пастораль с пляской», «Охота на лису», «Охота на уток», «Охота на оленя» (все — Государственный Эрмитаж). Однако и прихот-

ливые линии, которыми переданы очертания изящно изогнутых фигур, и многочисленные мелкие детали пейзажа — ветки, трава, цветы, складывающиеся в изящный узор, своим происхождением обязаны журнальной графике югендстиля. Так, рисунок веток можно увидеть в силуэтных виньетках Т.Т. Хайне, воспроизведенных не только в мюнхенских и берлинских изданиях, но и на страницах журнала «Мир искусства». Добужинский особенно увлекался рисунками Хайне во время своего пребывания в Германии [4, с. 157]. Мотив «кружева» из веток он также мог почерпнуть из японской ксилографии, которая тоже вдохновляла его, как, впрочем, и мастеров журнальной графики югендстиля. Черты немецкого модерна, очень деликатно привнесенные в традицию толстовских силуэтов, свидетельствуют, что в иллюстрациях и украшениях к повести «Барышня-крестьянка» мастер стремился передать собственное видение пушкинской эпохи и ее искусства.

Следующей большой работой М. Добужинского, посвященной А.С. Пушкину, стал ансамбль из трех страничных иллюстраций для пьесы «Скупой рыцарь» (1922), предваряющих каждую сцену, и большого количества книжных украшений. Роль этой работы художника в становлении искусства оформления книги в России выявил крупнейший исследователь его наследия Г. Чугунов: «Важным средством он (Добужинский. — А. З.) считал графический ансамбль, к которому шел по пути соединения рисунков, штриха и бумаги в единый организм. Это особенно заметно в оформлении “Скупого рыцаря”, которое интересно и сейчас своим экспериментальным характером. Задачей художника в этой работе было достижение единства с текстом, главным образом путем обильного орнаментального оформления при минимуме иллюстраций» [2, с. 247]. Правда, современники М. Добужинского не оценивали эту работу столь высоко. Э. Голлербах, например, писал, что «“Скупой рыцарь” довольно поверхностно иллюстрирован средневековыми гротесками, иногда очень сценичными, но слишком призрачными и неубедительными» [7, с. 76].

К этому можно добавить, что при создании этих иллюстраций М.В. Добужинский явно обращался к гравюрам «старых» европейских ма-

стеров. Источники сильно переработаны, тем не менее некоторые из них можно узнать. Так, прототипом иллюстрации «Сцена 1», решенной как вид в готическом окне, поскольку ее действие происходит в башне замка [19, с. 301], вероятно послужил один из листов А. Дюрера из цикла «Жизнь Марии» (1502–1510) [20, р. 174–190]. Добужинский с юности и на протяжении всей жизни был очарован искусством знаменитого немецкого мастера [8, с. 178], поэтому его обращение к наследию Дюрера в поисках художественного решения выглядит закономерно.

Наконец, самой масштабной работой М. Добужинского, связанной с пушкинским наследием, является ансамбль иллюстраций и книжных украшений к роману «Евгений Онегин» (1936). Г. Чугунову принадлежит следующая характеристика их художественного своеобразия и наблюдение об источниках: «Взяв за основу рисунки Пушкина, он (Добужинский. — А. З.) внес в свои иллюстрации ощущение легкости и непринужденности. И хотя они выполнены в различных графических манерах — и “силуэтом”, и острой перовой линией, и граттографией, многие из них скреплены неуловимой графической связью и ассоциациями с быстрым росчерком пушкинского пера. Вместе с тем вся серия имеет четкую печать собственного стиля Добужинского» [2, с. 254]. К сказанному стоит добавить, что ретроспективные интересы мастера отступили в этом случае перед поисками нового, лаконичного художественного языка.

Обобщение приведенных выше наблюдений позволяет проследить ход работы М.В. Добужинского над иллюстрациями к произведениям А.С. Пушкина и выявить ряд ее источников в самых разных областях: от образов Петербурга до офортов Рембрандта и ксилографий Дюрера. Важно отметить, что интерес художника к тому или иному пушкинскому произведению становился поводом для творческих поисков и экспериментов, окрасивших всю работу. Это обстоятельство определило особое место А.С. Пушкина среди любимых писателей Добужинского — Ф.М. Достоевского, Х.К. Андерсена, Э.Т. Гофмана, из произведений которых он во многом черпал образы и мотивы для своих работ, возможно, напрямую не связанных с ними.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусарова А.П. Книжная графика М.В. Добужинского // Очерки по русскому и советскому искусству. Москва : Сов. художник, 1965. С. 137–148.
2. Чугунов Г.И. Книжная и журнальная графика : М.В. Добужинского // Советская графика : [сб. ст.]. Москва : Сов. художник, 1981–1986. [Вып.] 8 / [сост. А.Ю. Сидоров]. 1984. С. 220–272.
3. Чугунов Г.И. Мстислав Валерианович Добужинский. Ленинград : Художник РСФСР, 1984. 299 с.
4. Воспоминания / М.В. Добужинский. Изд. подгот. Г.И. Чугунов. Москва : Наука, 1987. 477 с. (Лит. памятники).
5. Чугунов Г.И. М.В. Добужинский и его «Воспоминания» // Добужинский М.В. Воспоминания. Москва : Наука, 1987. С. 321–365. (Лит. памятники).
6. Грабарь И.Э. История русского искусства : [в 6 т. (23 вып.)]. Т. 3. Архитектура. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. Москва : Изд. И. Кнебель, [1912]. 584 с.
7. Голлербах Э.Ф. Рисунки М. Добужинского. Москва; Петроград : Гос. изд-во, 1923. 104 с.
8. М.В. Добужинский. Письма / [подгот. Г.И. Чугунов]. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. 444 с.
9. Мстислав Добужинский [Изоматериал] = Mstislav Dobuzhinski : Живопись. Графика. Театр : [альбом] / [авт. текста и сост. А.П. Гусарова]. Москва : Изобразительное искусство, 1982. 203 с.
10. Пушкин А.С. Станционный смотритель // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. Москва : Гос. Изд-во художественной литературы, 1960. С. 86–97.
11. Кириков Б.М. Архитектурные памятники Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург : Коло, 2009. 384 с.
12. Завьялова А.Е. Мир искусства. Японизм. Москва : БуксМАрт, 2014. 96 с.
13. The Illustrated Bartsch. Vol. 50 : Netherlandish Artists : Rembrandt Harmensz. van Rijn. New York : Abaris books, 1993. 292 p.
14. Воспоминания о Добужинском : [сборник] / сост., предисл., примеч. Г.И. Чугунов. Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. 368 с.
15. Андерсен Х.К. Старый уличный фонарь // Сказки. Москва : Художественная литература, 1992. С. 243–253.
16. Кузнецова Э.В. Федор Толстой. 1783–1873. Москва : Искусство, 1977. 335 с.
17. Аполлон : [журнал]. 1911. № 2.
18. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. Москва : Наш дом — L'Age d'Homme; Екатеринбург : У-Фактория, 2000. 394 с.
19. Пушкин А.С. Скупой рыцарь // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 301–320.
20. The Illustrated Bartsch. Vol. 10 (Formerly vol. 7 part 1) : Sixteenth Century German Artists. Albrecht Dürer. New York : Alaris books, 1980. 632 p.

A.S. Pushkin's Works in the Graphics of M.V. Dobuzhinsky

Anna E. Zavyalova

Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, 21, Prechistenka Str., Moscow, 119034, Russia
E-mail: annazav@bk.ru

Abstract. *The article introduces into scientific discourse, and examines a number of M.V. Dobuzhinsky's works: it traces the process of working on them, identifies their sources (literary and visual), analyzes the stylistic features and the specifics of the graphic techniques. These tasks are performed within the context of interaction between literature and fine arts. This topic is relevant because M.V. Dobuzhinsky's illustrations*

to the stories "Stationmaster" and "Squire's Daughter", the play "Covetous Knight", and the poem "Magnificent City, Poor City..." by A.S. Pushkin are studied as works of fine art for the first time.

The scientific novelty of the article lies in the fact that it introduces an experience of defining the stylistic affiliation of the said works, and reveals a number of their visual sources. The author uses the method of complex analysis, combining the source analysis of M. Dobuzhinsky's memoirs and his letters, the works of the artist's contemporaries devoted to the Russian art of the beginning of the 20th century, and the traditional formal analysis of his works in comparison with those of Rembrandt, A. Benois, A. Dürer, F. Tolstoy, Japanese engravings of the 18th — beginning of the 19th century. This allows a significant expansion of existing ideas about visual and literary sources of the artist's works.

The article reveals that Rembrandt's etching "View of Amsterdam from the Northwest" influenced the artistic solution of the illustration "In the Carriage" for the story "Stationmaster"; Hiroshige's sheets influenced the illustration "Vyrin at the Entrance of Minsky's House" for the same story. A. Dürer's woodcuts influenced the solution of the illustration "Scene 1" for the play "Covetous Knight"; F. Tolstoy's silhouettes influenced the vignettes and the artistic solution of the illustrations and decorations for the story "Squire's Daughter". The article also finds that H.Ch. Andersen's tales "The Old House" and "The Old Street Lamp" had predetermined M. Dobuzhinsky's appeal to the story "Stationmaster", and the graphic solution of St. Petersburg in the picture "View of the St. Petersburg House". The author concludes that M. Dobuzhinsky's illustrating of Pushkin's works was in line with his intense creative experiments: searching for a new solution to the image of St. Petersburg in book graphics, rethinking and "quoting" the masters of the past.

Key words: M.V. Dobuzhinsky, A.S. Pushkin, illustration, Russian art of the early 20th century, Saint Petersburg, art nouveau, Rembrandt Harmenszoon van Rijn, A. Dürer, Hiroshige, F. Tolstoy.
Citation: Zavyalova A.E. A.S. Pushkin's Works in the Graphics of M.V. Dobuzhinsky, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 584–591. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-584-591.

References

- Gusarova A.P. M.V. Dobuzhinsky's Book Graphics, *Ocherki po russkomu i sovetkomu iskusstvu* [Essays on Russian and Soviet Art]. Moscow, Sovetskii Khudozhnik Publ., 1965, pp. 137–148 (in Russ.).
- Chugunov G.I. M.V. Dobuzhinsky's Book and Journal Graphics, *Sovetskaya grafika* [Soviet Graphics]. Moscow, Sovetskii Khudozhnik Publ., 1984, pp. 220–272 (in Russ.).
- Chugunov G.I. *Mstislav Valerianovich Dobuzhinsky*. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1984, 299 p.
- Dobuzhinsky M.V. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 477 p.
- Chugunov G.I. M.V. Dobuzhinsky and his "Memoirs", *Dobuzhinskii M.V. Vospominaniya* [Dobuzhinsky M.V. Memoirs]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 321–365 (in Russ.).
- Grabar I.E. *Istoriya russkogo iskusstva. T. 3. Arkhitektura. Peterburgskaya arkhitektura v XVIII i XIX veke* [The History of Russian Art. Volume 3. Architecture. The Architecture of Petersburg in the 18th and 19th Century]. Moscow, I. Knebel' Publ., 584 p.
- Gollerbakh E.F. *Risunki M. Dobuzhinskogo* [M. Dobuzhinsky's Pictures]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe Publ., 1923, 104 p.
- Chugunov G.I. (ed.) *M.V. Dobuzhinskii. Pis'ma* [M.V. Dobuzhinsky. Letters]. St. Petersburg, "Dmitrii Bulanin" Publ., 2001, 444 p.
- Gusarova A.P. (ed.) *Mstislav Dobuzhinskii: Zhivopis'. Grafika. Teatr* [Mstislav Dobuzhinsky: Painting. Graphics. Theatre]. Moscow, Izobrazitel'noe Iskusstvo Publ., 1982, 203 p.
- Pushkin A.S. Stationmaster, *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 5* [Collected Works in 10 Volumes. Volume 5]. Moscow, Khudozhestvennoi Literaturny Publ., 1960, pp. 86–97 (in Russ.).
- Kirikov B.M. *Arkhitekturnye pamyatniki Sankt-Peterburga* [Architectural Monuments of Saint Petersburg]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2009, 384 p.
- Zavyalova A.E. *Mir iskusstva. Yaponizm* [The World of Art. Japanism]. Moscow, BuksMArt Publ., 2014, 96 p.
- The Illustrated Bartsch. Vol. 50: Netherlandish Artists: Rembrandt Harmensz. van Rijn*. New York, Abaris Books Publ., 1993, 292 p.
- Chugunov G.I. (ed.) *Vospominaniya o Dobuzhinskom* [Memories of Dobuzhinsky]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1997, 368 p.
- Andersen H.Ch. The Old Street Lamp, *Skazki* [Fairy Tales]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1992, pp. 243–253 (in Russ.).
- Kuznetsova E.V. *Fyodor Tolstoy. 1783–1873*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, 335 p.
- Apollon* [Apollo], 1911, no. 2.
- Makovsky S.K. *Na Parnase Serebryanogo veka* [On Parnassus of the Silver Age]. Moscow, Nash Dom – L'Age d'Homme Publ., Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2000, 394 p.
- Pushkin A.S. The Covetous Knight, *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 4* [Collected Works in 10 Volumes. Volume 4]. Moscow, Khudozhestvennoi Literaturny Publ., 1960, pp. 301–320 (in Russ.).
- The Illustrated Bartsch. Vol. 10 (Formerly Vol. 7 part 1): Sixteenth Century German Artists. Albrecht Dürer*. New York, Alaris Books Publ., 1980, 632 p.

Д.С. БЕРЕСТОВСКАЯ

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ ГЕРОИЧЕСКОГО В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Диана Сергеевна Берестовская,

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского
Таврическая академия,
кафедра культурологии, профессор
Академика Вернадского просп., д. 4,
Симферополь, Республика Крым, 95000, Россия

доктор философских наук, профессор
E-mail: verynya.58@gmail.com

Реферат. *Тексты культуры, выступающие в качестве «генераторов смысла», Ю.М. Лотман в своем труде «История и типология культуры» связывает с проблемой памяти, которая помогает реконструировать историю культуры по ее синхроническим срезам.*

Исследование раннего творчества Л.Н. Толстого позволяет судить об образном характере философско-этических интенций категории героического, нашедших отражение в теме «человек и война».

Категория героического отражена в концепции античных философов – Платона («Диалоги»), Аристотеля («Этика», «Поэтика»), в трактате Дж. Бруно («О героическом энтузиазме»), в философии Г.В.Ф. Гегеля («Эстетика») и др. В контексте развития идеи «человек и война» и выявления интереса Л.Н. Толстого к античной философии цель статьи – исследовать воплощение этих интенций в творчестве великого пи-

сателя, отметить своеобразные «отзвуки» его мыслей о справедливости, мужестве или трусости в бою на примерах его произведений (рассказ «Набег», «Кавказские рассказы» и др.). Особого внимания заслуживают «Севастопольские рассказы», созданные в период Крымской (Восточной) войны офицером-артиллеристом, служившим на самом опасном месте Севастопольской обороны (Четвертом бастионе), – Л.Н. Толстым. В них раскрывается суть «истинной» и «ложной» храбрости, взаимоотношение солдат-артиллеристов, младших офицеров, тема подвига и другие проблемы, что впоследствии будет развито в романе-эпопее «Война и мир». Актуальными являются тема традиций (от Платона до Г.В.Ф. Гегеля), развитие идей Л.Н. Толстого, анализ поведения человека в ситуации смертельной опасности, проблема героического и трагического, отраженные в «военной» прозе писателей – участников Великой Отечественной войны: Ю.В. Бондарева, В.В. Быкова, Г.Я. Бакланова, В.О. Богомолова, К.Д. Воробьева, К.М. Симонова и др.

Ключевые слова: интенция, категория героического, человек и война, «истинная» и «ложная» храбрость, Л.Н. Толстой, традиция, наследие.
Для цитирования: Берестовская Д.С. Философско-этические интенции героического в раннем творчестве Л.Н. Толстого // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 592–598. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-592-598.

Каждая эпоха имеет свои причины, активизирующие интерес к прошлому, память о прошлом. Трансляция культурных ценностей, вовлечение в информационный оборот современности — одна из задач формирования культурной идентичности народов, населяющих Россию.

В числе нетленных ценностей нашего наследия — творчество великих предшественников — создателей русской культуры, которые и сегодня дают нам уроки нравственности и понимания глубокого смысла бытия. Среди них великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, 190-летний юбилей которого отмечался в 2018 году.

Целью нашей работы является анализ философско-этических интенций (от лат. *intentio* — намерение, тенденция, стремление — направленность сознания, мышления на какой-либо предмет [1, с. 183]) категории героического в ранних произведениях Л.Н. Толстого, связанных с военной темой: период участия писателя в военных кампаниях на Кавказе и, главное для нашего исследования, — в Крымской войне, в Севастополе, на Четвертом бастионе.

Выяснение этой проблемы чрезвычайно важно для понимания мировоззрения молодого Л.Н. Толстого, его глубокого интереса к процессу формирования личности человека, стремления понять себя, свои возможности переносить экстремальные ситуации в непростых исторических событиях, происходивших в России, и, как начинающему писателю, — свои способности создавать тексты русской прозы, продолжающей развивать традиции гениальных предшественников.

Актуальность указанной темы имеет и иные основания. События Крымской войны (1853–1856), в которых участвовал Лев Николаевич Толстой, по своему значению соотносимы с Великой Отечественной войной (1941–1945), с проблемами героизма и патриотизма в условиях смертельной опасности, когда решается судьба не только отдельной личности, но и народа, и государства.

Делаются попытки «переписать» значение событий Великой Отечественной войны, дискредитировать героическое начало советского народа, прославить не защитников Родины, а захватчиков, доказать случайный характер поражения

германской армии и т. д. В этой ситуации особое значение приобретают произведения участников военных действий, воплотивших тему «человек и война». Это и Л.Н. Толстой, участник военных событий на Кавказе, в Крымской (Восточной) войне, и те, кто прошел Великую Отечественную войну солдатами, младшими офицерами и лишь впоследствии обратился к литературному творчеству: Ю.В. Бондарев, Г.Я. Бакланов, В.В. Быков, К.Д. Воробьев, А.М. Адамович; военные корреспонденты — К.М. Симонов, В.С. Гроссман — список можно продолжить.

В своих произведениях они решали нравственные проблемы в ситуации «человек и война»: поведение в обстановке смертельной опасности, сущность мужества, истинного и ложного (т. е. показной храбрости), формирование героического характера, за что в 1950-е гг. были обвинены официальной критикой в «окопной» правде... К сожалению, сегодня, в XXI в., многие из них забыты...

Отметим, что к нравственным проблемам, выделенным нами, обращались философы — от античности до наших дней. Прежде всего, это Платон и Аристотель, которые рассматривали сущность мужества, героизма, что отразилось не только в теоретических интенциях, но и в их художественном творчестве.

Героизм (от греч. *heros* — герой) как особая форма человеческого поведения, характеризующегося выдающимися по общественному значению действиями, принадлежит к числу важнейших духовных ценностей человечества, формирование которых относится к глубокой древности. Уже в мифах, сказаниях, легендах отразилось восхищение героическими подвигами, мужеством и силой человека, способного на самопожертвование во имя высоких целей, счастья людей. Героическое рассматривалось в рамках концепции личности как проблема активности субъекта, его свободы и ответственности.

Античные философы отождествляли героизм с мужеством, объединяли в рамках этого понятия справедливость, здравомыслие, благочестие, мудрость, знание, бескорыстие, самопожертвование. Платон в «Диалогах» утверждал, что подлинным героем считается тот, кому свойственна политическая мудрость, самоотверженность в подвигах, законное поведение, благородное воспитание: «Мы утверждаем, что

хороший — это разумный и *мужественный*. <...>
А что *плохой* — это неразумный и *трусливый*»
(курсив мой. — Д. Б.) [2, с. 541].

Отметим те идеи, которые найдут свое развитие в теории и художественной практике последующих эпох:

◆ *мужество, героизм* — одни из высших добродетелей человека;

◆ *нравственные основы мужества — патриотизм*, осознание общественных интересов, чувство долга;

◆ *мужественный человек совершает героические поступки* во имя прекрасных целей, выбор его свободен;

◆ *истинная храбрость*, сочетающаяся с мудростью, знанием, соразмерностью, противопоставляется *ложной*, показной, которая приравнивается к *трусости*;

◆ *героическое* находится во взаимосвязи с *трагическим*, герои, падшие на поле боя, *бессмертны*.

Один из титанов Возрождения — Джордано Бруно — в трактате «О героическом энтузиазме» (1585), продолжая диалогическую традицию философии Платона, раскрывает свою позицию через беседу Тансилло и Чикада. Первый, рассуждая о нравственных основах подвига, приходит к выводу: «Нет сомнения, что лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф» [3, с. 29]. Эту мысль продолжает в поэтической форме другой участник рассуждения:

*С небес не страшно падать мне!
Лечу сквозь тучи и умру спокойно.
Раз смертью рок венчает путь достойный*
[3, с. 29].

Концепция героического нашла свое воплощение в философии Г.В.Ф. Гегеля, который, рассматривая развитие общества, обращается к проблеме героического. Размышляя о взаимосвязи героического и трагического, о сущности последнего, Г.В.Ф. Гегель приходит к выводу о бессмертии истинного героя, ибо его трагическая гибель означает сохранение в преобразованном виде того, что в данной форме должно погибнуть. В «Философии духа» мыслитель заключает: «Только посредством борьбы <...> может быть завоевана свобода» [4, с. 221].

Обращаясь к природе художественного образа, Г.В.Ф. Гегель утверждал, что образ «ставит перед нашим взором вместо абстрактной сущности конкретную её *реальность*» (курсив мой. — Д. Б.) [5, с. 194]. Он подчеркивал, что в художественном произведении содержание должно быть представлено «не в его всеобщности», а иметь «чувственно единичный характер», если же, пренебрегая этим принципом, писатель будет раскрывать «всеобщность с целью дать ей абстрактное поучение», то художественное произведение потеряет свою целостность. В таком произведении форма и содержание «не вытекают друг из друга. Чувственно единичное и духовно всеобщее становятся внешними друг другу» [6, с. 75].

Таким образом, Г.В.Ф. Гегель выделяет следующие закономерности в развитии и осмыслении категории героического:

◆ социальная и историческая детерминированность героических характеров;

◆ обусловленность героизма демократическими формами общественной жизни;

◆ оценка героического характера, исходя из «взаимопроникновения *индивидуального* и *всеобщего*», из высокой *гражданской* цели, во имя которой действует личность;

◆ проявление диалектики конечного и бесконечного в *бессмертии героя*, трагически погибшего в борьбе.

Несомненный интерес представляют рассуждения об истинном героизме, о сущности героического характера. Главное в нем — «...в единстве и взаимопроникновении *индивидуального* и *всеобщего*» [6, с. 189]. Это «самостоятельный, крепкий и цельный характер» [5, с. 197], который действует «по собственному выбору, по собственной воле» [6, с. 195] (курсив мой. — Д. Б.).

Проблема героического и трагического в теме «человек и война» получила свое развитие уже в древнерусской литературе: «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина» и другие; романтические военные повести и романы А.А. Бестужева-Марлинского, поэмы и «Думы» К.Ф. Рыльева, проза и поэзия А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и, наконец, творчество Л.Н. Толстого, участника двух военных кампаний: на Кавказе и в Крыму — оборона Севастополя, Крымская (Восточная) война.

Дневниковые записи, письма, ранние рассказы писателя посвящены исследованиям поведения человека на войне, решению нравственных проблем в ситуациях смертельной опасности. Л.Н. Толстой поставил цель изображать войну «не в правильном и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а... в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...» [7, с. 9]. Размышляя о нравственных основах поведения человека в бою, писатель обращается к мысли древних — читает «Диалоги» Платона, задумывается над его определением храбрости, знакомится с биографией Сократа. В дневниковой записи от 2 января 1852 г. читаем: «Платон говорит, что добродетель составляет три качества: *справедливость, умение и храбрость*» (курсив мой. — Д. Б.) [8, с. 241]. В черновом наброске рассказа «Набег» слова Платона «Храбрость есть наука того, что нужно и чего не нужно бояться» — он выносит в эпиграф [9, с. 226].

Несомненный отзвук платоновских мыслей о том, что мужество и бесстрашие не всегда совпадают, так как «...мужество — это разумная стойкость», и нельзя «...называть мужественными ни зверей, ни какое-либо существо, не страшась опасности по неразумению и поэтому бесстрашное и глупое», например, «детей, которые по неразумению ничего не страшатся» [10, с. 289], слышится в рассуждениях Л.Н. Толстого. Можно ли назвать храбрым коня, боящегося плети и отважно бросающегося с кручи, ребенка, бегущего в лес из-за боязни наказания, «человека, который из страха общественного тщеславия» убивает или подвергает себя опасности? [9, с. 229].

Тонкий аналитик и вдумчивый наблюдатель, Л.Н. Толстой различает два вида храбрости — «моральную», истинную, «которая происходит от сознания долга», и «физическую», которую определяет «сознание опасности», «физической необходимости» [8, с. 64], т. е. «ложную». В записи из дневника от 12 июня 1851 г. он приводит примеры двух видов храбрости: 1) «человек, добровольно жертвующий собой для спасения отечества или лица»; 2) «офицер, служащий для выгод» [8, с. 64].

Соглашаясь с Платоном в основных положениях, Л.Н. Толстой вносит в определение

храбрости новое: «Храбрость есть способность человека подавлять чувство страха в пользу чувства более возвышенного». Но писатель продолжает свои рассуждения: «Правда, решить рассудком, какое чувство возвышеннее другого, невозможно: на это есть в нас внутренний голос, который никогда не обманет» [9, с. 239].

Этот «внутренний голос» — высокая «побудительная причина», ведущая к героическим деяниям, находит замечательное воплощение в «Севастопольских рассказах», где Л.Н. Толстой воспекает истинный героизм и патриотизм, определенный им как «высокая побудительная причина» героических действий [7, с. 16], ведущая на подвиг во имя Отечества. Великий писатель раскрывает сущность человека в ситуациях смертельной опасности через «внутренний диалог», приводит своих героев к проблеме выбора: «В каждой опасности есть выбор, сделанный под влиянием благородного или низкого чувства, не есть ли это то, что должно называться *храбростью* или *трусостью*?» (курсив мой. — Д. Б.) [9, с. 229].

Примеры, являющиеся ответом на поставленные вопросы, Л.Н. Толстой приводит в рассказе «Набег», который производит впечатление записок военного корреспондента, — понятие «храбрость» получает образное воплощение. Противопоставлены два «героя». С одной стороны, капитан Хлопов, и облик, и действия которого лишены всяких аффектов. Он не произносит громких слов, не совершает красивых, но ложных поступков. В его поведении всё просто и естественно. Он разделяет опасности боя с солдатами, не допуская их бессмысленной гибели. Писатель отмечает в натуре Хлопова простоту и истину. «Вот кто истинно храбр, — сказалось мне невольно» [9, с. 229]. Нетрудно провести линию к капитану Тушину, герою романа «Война и мир»: истинная храбрость воина, высокая человечность, патриотизм. Хлопову противопоставлен поручик Розенкранец, который, лихо бравирюя, скачет от одного конца цепи к другому, выставляя напоказ свою храбрость.

Подобные примеры мы видим и в «Севастопольских рассказах», и в эпосе «Война и мир». Так, старый солдат-артиллерист («Севастопольские рассказы») «наводил» свою пушку на лагерь противника, но, переходя к другой амбразуре, получил тяжелую рану — лишился

ноги. Когда его уносят с поля боя, он останавливает носилки, для того, чтобы посмотреть на залп нашей батареи (ведь это он «наводил» орудие!). Выйдя из госпиталя, стремится вернуться на батарею учить молодых.

Л.Н. Толстой подробно описывает Четвертый бастион, на котором служил сам и проявил, как свидетельствует «Наградной список», «хладнокровие и распорядительность». Брату Лев Николаевич писал: «Во времена древней Греции не было столько геройства» [9, с. 228]. Так, молодой капитан Михаил Козенцов со знаменем в руках ведет солдат на наступающих французов и получает смертельное ранение... Умирая, он верит в победу (хотя, замечает автор, на Малаховом кургане развеивается французский флаг).

Противопоставлены этим героям некоторые высокопоставленные офицеры — Калугин, Гальцин и другие. Приведем диалог названных персонажей: оба понимают, что лгут, но продолжают играть определенные роли, скрывая свою трусость и ничтожество. «Однако не пойти ли мне на эту вылазку? — сказал князь Гальцин после минутного молчания, содрогаясь при одной мысли быть там во время такой страшной канонады и с наслаждением думал о том, что его в никаком случае не могут послать туда ночью» (курсив мой. — Д. Б.) [11, с. 32].

Истинным героем своих произведений великий писатель считал «правду»! Он ставил и решал, как мы уже отмечали, задачи: изображать войну «...в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...» [7, с. 16].

«Уроками Толстого» — назвали его творчество писатели иного поколения — участники Великой Отечественной войны. Ю.В. Бондарев отмечал, что «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого вобрали «в себя суровую сущность Крымской войны, бесподобного подвига», «проложили путь к непревзойденному шедевру — эпопее “Война и мир”» [12]. Героический характер, поставленный в «предельные ситуации» (термин Ю.В. Бондарева), на грани бытия и небытия, способен на проявление самых возвышенных свойств личности. Именно здесь находит свое воплощение диалектика свободы и необходимости. Героическое в этой ситуации сочетается с трагическим. Жизнь — смерть — бессмертие — такова линия развития

трагического характера: «переход гибели в воскресение» — как писал еще Г.В.Ф. Гегель. Философ разработал теорию «трагической вины», связанную с его положением о свободе действий классического героя, осознающего необходимость единения с обществом. Такой герой обладает «внутренней свободой», что обуславливает «внешнюю» — свободу действий, активность по отношению к обстоятельствам. А это дает возможность выбора пути, направления действий.

В гегелевской категории «трагической вины» запечатлена личная ответственность героя за его свободные действия вопреки грозному состоянию мира. Трагический герой — целостный характер. Он, считает Г.В.Ф. Гегель, обрекает себя на гибель, если «не может отступить от себя и своего намерения» [4, с. 578]. Таковы многие герои произведений писателей — участников Великой Отечественной войны, наследующих традиции Л.Н. Толстого. Это повесть К.Д. Воробьева «Убиты под Москвой» — образ капитана Рюмина [13]; Г.Я. Бакланова — «Мёртвые сраму не имут» [14]; повесть В.В. Быкова «В тумане» [15] и др.

Аристотель, как уже было отмечено, разработавший теорию трагедии, считал ее задачей вскрытие основ явлений, познание их через страдание, ведущее к очищению. Трагедия, писал Аристотель, есть подражание не только законченному действию, но также и страшному, и жалкому, а последнее происходит особенно тогда, когда случается, неожиданно, и еще более, если случится «вопреки ожиданию и одно благодаря другому» [16, с. 70].

В повести К.Д. Воробьева «Убиты под Москвой» трагически погибает рота курсантов. Произведение отражает судьбу самого автора: кремлевским курсантом он попал в плен, бежал, руководил отдельной партизанской группой. В гибели роты не был виноват капитан Рюмин, но чувство ответственности, понимание сущности непоправимости ситуации приводит к несчастливому концу: капитан сам обрекает себя на гибель. Драматичные ситуации раскрываются и в повести В.В. Быкова «В тумане» (трагедия главного героя Сушени) и других произведениях.

Г.В.Ф. Гегель писал, что личности в героической и трагической ситуации — это «характеры высокие, абсолютно определенные»,

исполненные нравственной мощи, имеющие «нравственное право совершать определенное деяние» [6, с. 588].

Таким образом, творчество Л.Н. Толстого, отразившее тему «человек и война», произведения писателей — участников Великой Отечественной войны, развивавшие традиции Л.Н. Толстого, имеют глубокое философское обоснование, обусловленное сложностью и неоднозначностью самой действительности, судьбами человека и Родины. Анализ российской прозы, посвященной трудным, противоречивым событиям жизни страны, дает возможность познать силу и глубину толстовской традиции, что подтверждает масштабность, высокую образность российской литературы, посвященной теме «человек и война».

Слова писателя А.М. Адамовича — «на бессмертной передовой» — можно отнести ко многим произведениям этой тематики, авторы которой стремились к обнажению исторической правды — героических и трагических страниц нашей истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Философско-энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. Москва : ИНФРА-М, 1997. 576 с.
2. Платон. Горгий // Собр. соч. : в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и др. Москва : Мысль, 1990. Т. 1. С. 477–577.
3. Бруно Дж. О героическом энтузиазме / [пер. с итал. С.Ф. Васильева]. Москва ; Ленинград : Гостехиздат, 1933. 212 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Эстетика : в 4 т. Москва : Искусство, 1971. Т. 3. 627 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Соч. : в 14 т. Москва : Изд-во соц.-экон. литературы, 1958. Т. 14. Кн. 3. 440 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Эстетика : в 4 т. Москва : Искусство, 1968. Т. 1. 312 с.
7. Толстой Л.Н. Севастополь в декабре месяце // Полн. собр. соч. 1928–1958. Москва : Гослитиздат, 1935. Т. 4. С. 3–17.
8. Толстой Л.Н. Дневник (1847–1854) // Полн. собр. соч. 1928–1958. Москва : Гослитиздат, 1937. Т. 46. С. 1–242.
9. Толстой Л.Н. Варианты из рукописных редакций «Набега» // Полн. собр. соч. 1928–1958. Москва : Гослитиздат, 1935. Т. 3. С. 218–240.
10. Платон. Лахет // Собр. соч. : в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и др. Москва : Мысль, 1990. Т. 1. С. 268–294.
11. Толстой Л.Н. Севастополь в мае // Полн. собр. соч. 1928–1958. Москва : Гослитиздат, 1935. Т. 4. С. 18–59.
12. Бондарев Ю.В. Рубежи // Собр. соч. : в 6 т. Москва : Художественная литература, 1986. Т. 6. С. 50–64.
13. Воробьев К. Убиты под Москвой // Повести и рассказы. Москва : Советская Россия, 1980. С. 103–159.
14. Бакланов Г.Я. Мертвые сраму не имут. Москва : Советская Россия, 1966. 109 с.
15. Быков В. В тумане : повесть. Москва : Советский писатель, 1989. 334 с.
16. Аристотель. Об искусстве поэзии / [пер. с древнегреч. В.Г. Аппельрота]. Москва : Гослитиздат, 1957. 183 с.

Philosophical and Ethical Intentions of the Category of Heroic in L.N. Tolstoy's Early Works

Diana S. Berestovskaya

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Akademika Vernadskogo Av., Simferopol, Crimea, 95000, Russia
E-mail: verynya.58@gmail.com

Abstract. *Texts of culture, which act as “generators of meaning”, are associated by Yu.M. Lotman, in his work “The History and Typology of Culture”, with the problem of memory that makes possible the reconstruction of the history of culture from its synchronic slices. The study of L.N. Tolstoy's early works allows to judge the figurative character of the philosophical ethical intentions of the category of heroic that were embodied in the topic of “man and war”.*

The category of heroic is reflected in the concept of ancient philosophers — Plato (“Dialogues”),

Aristotle (“Ethics”, “Poetics”), in the treatise by G. Bruno (“The Heroic Frenzies”), in the philosophy of G.W.F. Hegel (“Aesthetics”), and others. In the context of developing the idea of “man and war” and revealing Leo Tolstoy’s interest in ancient philosophy, the article aims to explore the embodiment of these intentions in the works of the great writer and to note the peculiar “echoes” of his thoughts about justice, courage or cowardice in battle by the examples of his works (the story “Raid”, “Caucasian Stories”, and others). Special attention should be paid to “Sevastopol Stories” created during the Crimean (Eastern) War by L.N. Tolstoy, an artillery officer who served in the most dangerous place of the Sevastopol defense (the 4th bastion). They reveal the essence of “true” and “false” courage, the relations between artillery soldiers and junior officers, the theme of the feat and other problems, which was later developed in the epic novel “War and Peace”.

The article actualizes the issue of traditions (from Plato to Hegel), the development of Leo Tolstoy’s ideas, the analysis of human behavior in a situation of mortal danger, the problem of the heroic and the tragic, reflected in the “military” prose of writers – participants of the Great Patriotic War: Yu.V. Bondarev, V.V. Bykov, G.Ya. Baklanov, V.O. Bogomolov, K.D. Vorobyov, K.M. Simonov, and others.

Key words: intension, heroic, man and war, “true” and “false” courage, L.N. Tolstoy, tradition, heritage.

Citation: Berestovskaya D.S. Philosophical and Ethical Intensions of the Category of Heroic in L.N. Tolstoy’s Early Works, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 592–598. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-592-598.

References

- Gubsky E.F., Korableva G.V., Lutchenko V.A. (eds). *Filosofsko-entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical and Encyclopedic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 1997, 576 p.
- Plato. Gorgias, *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 477–577 (in Russ.).
- Bruno G. *O geroicheskom entuziazme* [The Heroic Frenzies]. Moscow, Leningrad, Gostekhizdat Publ., 1933, 212 p.
- Hegel G.W.F. *Estetika: v 4 t.* [Aesthetics: in 4 volumes]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1971, vol. 3, 627 p.
- Hegel G.W.F. Lectures on Aesthetics, *Soch.: v 14 t.* [Works: in 14 volumes]. Moscow, Sots.-Ekon. Literatury Publ., 1958, vol. 14, book 3, 440 p. (in Russ.).
- Hegel G.W.F. *Estetika: v 4 t.* [Aesthetics: in 4 volumes]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, vol. 1, 312 p.
- Tolstoy L.N. Sevastopol in December, *Poln. sobr. soch. 1928–1958* [Complete Works. 1928–1958]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935, vol. 4, pp. 3–17 (in Russ.).
- Tolstoy L.N. The Diary (1847–1854), *Poln. sobr. soch. 1928–1958* [Complete Works. 1928–1958]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1937, vol. 46, pp. 1–242.
- Tolstoy L.N. Variants from the Manuscript Versions of “The Raid”, *Poln. sobr. soch. 1928–1958* [Complete Works. 1928–1958]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935, vol. 3, pp. 218–240 (in Russ.).
- Plato. Laches, *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 268–294 (in Russ.).
- Tolstoy L.N. Sevastopol in May, *Poln. sobr. soch. 1928–1958* [Complete Works. 1928–1958]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935, vol. 4, pp. 18–59 (in Russ.).
- Bondarev Yu.V. Borders, *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected Works: in 6 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986, vol. 6, pp. 50–64 (in Russ.).
- Vorobyov K. Killed near Moscow, *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1980, pp. 103–159 (in Russ.).
- Baklanov G.Ya. *Mertvye sramu ne imut* [The Dead Have No Shame]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1966, 109 p.
- Bykov V. *V tumane: povest'* [In the Fog: story]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1989, 334 p.
- Aristotle. *Ob iskusstve poezii* [On the Art of Poetry]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957, 183 p.

Т.О. ОСТРОУМОВА

ЖУРНАЛ «НОВЫЙ МИР» А.Т. ТВАРДОВСКОГО В МЕМУАРАХ

Татьяна Олеговна Остроумова,

Российская государственная библиотека,
научно-исследовательский отдел библиографии,
главный библиограф
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия

E-mail: OstroumovaTO@rsl.ru

Реферат. *Статья посвящена истории журнала «Новый мир» второй половины 1950-х – 1960-х гг. и деятельности его главного редактора А.Т. Твардовского. Акцент сделан на второй период редакторства А.Т. Твардовского, первая часть которого пришлась на эпоху «оттепели» (1958–1964 гг.), вторая – на эпоху раннего «застоя» (1965–1970 гг.). Дается оценка профессиональным качествам А.Т. Твардовского-редактора. Рассмотрены его литературные предпочтения, отношение к редакторской деятельности, факторы, повлиявшие на коренные изменения в его мировоззрении. Исследуется редакционная политика журнала в контексте политических изменений общественной жизни. В рамках темы показано воздействие на культуру и, в частности, на литературное дело различных партийных и государственных инстанций, в том числе цензуры. Прослеживаются канва событий вокруг журнала «Новый мир», история публикации повести «Один день Ивана Денисовича» и взаимоотношений А.Т. Твардовского и А.И. Солженицына. Проанализированы*

споры вокруг книги А.И. Солженицына «Бодался теленок с дубом». В статье отмечается разный уровень информативности публикаций эпох «застоя» и перестройки.

Цель исследования – определить место «Нового мира» А.Т. Твардовского в литературно-политической борьбе второй половины 1950-х – 1960-х гг. и влияние журнала на формирование мировоззрения поколения интеллигенции, сыгравшей существенную роль в перестройке 1980-х годов. Актуальность статьи обусловлена тем, что журнал «Новый мир» второй половины 1950-х – 1960-х гг. занимает одно из центральных мест в истории русской советской литературы и журналистики. «Новый мир» А.Т. Твардовского был самым последовательным проводником политики десталинизации в эпоху «оттепели», продолжал избранный курс, несмотря на брежневскую политику ресталинизации, став, таким образом, легальным журналом, оппозиционным действующей власти. Новизна статьи заключается в том, что для исследования данной темы были использованы источники мемуарного характера: воспоминания и дневники участников событий – известных писателей, литературоведов, членов редколлегии и сотрудников журнала «Новый мир» – «Рабочие тетради» и «Новомирский дневник» А.Т. Твардовского. Данные источники позволяют дополнить известные факты, реконструировать события, связанные с историей легендарного журнала. Выводы и наблюдения, сделанные автором, могут быть использованы для дальнейшего изучения истории и деятельности журнала «Новый мир».

Ключевые слова: Новый мир, А.Т. Твардовский, А.И. Солженицын, мемуары, воспоминания, дневники.

Для цитирования: Остроумова Т.О. Журнал «Новый мир» А.Т. Твардовского в мемуарах // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 599–607. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-599-607.

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) вошел в историю отечественной литературы как выдающийся поэт и редактор одного из самых популярных периодических изданий второй половины 1950-х — 1960-х гг. XX в. — ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Новый мир». А.Т. Твардовский был редактором «Нового мира» в общей сложности 16 лет: 1950–1954, 1958–1970 годы. Для исследования истории журнала «Новый мир» и деятельности его главного редактора А.Т. Твардовского, наряду с архивными документами, публикациями в периодической печати (в том числе в самом журнале), важнейшими являются источники личного происхождения — мемуары. Воспоминания, дневниковые записи передают общественную атмосферу того времени, позволяют проанализировать редакционную политику журнала, изучить взгляды и позицию главного редактора. Однако необходимо иметь в виду субъективный характер этих источников. «Многие, при жизни знавшие Твардовского, написали о нем... И он в этих рассказах такой, каким его видели, но не обязательно такой, каким он был: ведь каждый понимает по-своему, а видит столько, сколько ему дано увидеть» [1, с. 303].

Известные писатели, литературоведы — авторы журнала, члены редколлегии — оставили воспоминания о профессиональных качествах А.Т. Твардовского-редактора. В редакции «Нового мира» был квалифицированный, работоспособный коллектив. Однако А.Т. Твардовский сам читал много рукописей. Был чутким, внимательным редактором. Читая, оставлял на полях много смысловых, стилистических, языковых замечаний. Затем расписывался —

«А.Т.». Придавал большое значение заглавиям произведений. Часто давал названия сам. Умел радоваться чужим удачам. Авторам, известным и неизвестным, одаренным и неталантливым, отвечал обстоятельными письмами лично, не жалея времени [2, с. 62, 206, 241–242, 278, 332–333, 347, 349, 351, 357, 394, 399, 402, 512; 3, с. 15–16; 155–157; 4, с. 138–139, 143, 156; 5, с. 241].

Писатели Ю.В. Трифонов, В.А. Каверин отмечают, что литература для А.Т. Твардовского была «священным делом жизни». Он относился к ней «очень страстно, лично» [6, с. 686; 7, с. 546–547]. Принципиальным для «Нового мира» и его редактора было понятие «правда», важен был фактический материал в текстах. «Главное — правдиво или неправдиво, добавляет ли что-то существенное к пониманию вещей или нет» [4, с. 136]. А.Т. Твардовский ничего не публиковал «по знакомству». Об этом свидетельствуют в своих воспоминаниях Ю.В. Трифонов [6, с. 694–695] и Р.А. Медведев [8, № 7, с. 215–216]. Редактор не учитывал заслуги, положение в писательской организации. Считалось, что «самотеком» опубликоваться в «Новом мире» даже легче.

Историю публикации в журнале большой подборки стихов никому не известного воронежского поэта А.Т. Прасолова описывают мемуаристы М.П. Шевченко [9, с. 171–172] и В.М. Шугаев [10, с. 100]. В.М. Шугаев приводит слова, сказанные А.Т. Твардовским в беседе с ним и драматургом А.В. Вампиловым на даче Б.А. Костюковского в поселке Советский Писатель (Пахра) зимой 1965 г.: «Странно, но литература скоро со всеми меня перессорит. Особенно сверстники суровы. Все пишут и все считают, что я их прямо-таки обязан печатать. И каждый норовит передать рукопись на дом. Или сюда приезжают. Будто в домашнем кругу у редактора иная мера взыскательности» [10, с. 85–86]. В дневнике А.Т. Твардовского есть запись: «В сущности, в ж[урна]ле я не для того, чтобы пропускать хорошее, а чтобы отклонять дурное, этакий щит против авторов, с которыми Заксу и др. трудно спорить» [11, т. 1, с. 37].

Воспоминания, посвященные профессиональным качествам А.Т. Твардовского-редактора и его личности, в советское время публиковались. Однако мемуары, раскрывающие

деятельность А.Т. Твардовского как руководителя противостоящего власти журнала стали печататься только после начала перестройки. Первой такой публикацией стали фрагменты воспоминаний Ю.В. Трифонова в журнале «Огонек» за 1986 год [12]. Полный текст был напечатан в 1999 г. под названием «Записки соседа» [6]. Ю.В. Трифонов пишет, что А.Т. Твардовский в августе находился в больнице и «не мог по-настоящему вникать» в ход массированной атаки на «Новый мир» в печати [12, с. 24]. Аргументируя объективными фактами, документами тех недель, редактор «Нового мира», литературный критик Ю.Г. Буртин доказывает, что А.Т. Твардовский, находясь в больнице, не только вникал в ход событий, но и активно в нем участвовал [13, с. 237–240].

С конца 1980-х гг. издаются подготовленные к печати вдовой и дочерью «Рабочие тетради» А.Т. Твардовского. Они стали основой для его «Новомирского дневника» [14–15]. В 1991 г. публикуются также дневниковые записи ближайших соратников А.Т. Твардовского — В.Я. Лакшина [16] и А.И. Кондратовича [17]. Более полное издание дневника А.И. Кондратовича вышло в 2011 году [18]. Анализ дневников, а также воспоминаний авторов и сотрудников журнала позволяет проследить канву событий вокруг «Нового мира», стратегию и тактику главного редактора и редколлекции во взаимодействии с властью, в борьбе за сохранение редакционной политики. По мнению Ф.А. Абрамова, «история “Нового мира” — это история общественного подъема после XX съезда и его постепенного угасания» [5, с. 243].

А.Т. Твардовский сменил К.М. Симонова на посту главного редактора «Нового мира» в 1950 году. По свидетельству В.Я. Лакшина, «Александр Трифонович признавался, что имел тогда очень смутное представление о роли редактора толстого журнала. Помнил только что-то о Пушкине как издателе “Современника”, о Некрасове-редакторе, сочетавшем эти свои труды с собственным поэтическим, и это ему импонировало» [19, с. 250–251]. Тем не менее в первый период редакторства А.Т. Твардовского на страницах «Нового мира» были опубликованы очерки «Районные будни» В.В. Овечкина, повесть В.Ф. Тендрякова

«Не ко двору», цикл сатирических рассказов Г.Н. Троепольского «Из записок агронома», роман В.С. Гроссмана «За правое дело».

В дневниковых записях В.Я. Лакшина изложены обстоятельства отстранения А.Т. Твардовского от должности главного редактора журнала «Новый мир» в 1954 году. Поэт перед отъездом в творческую командировку в Сибирь пригласил в редакцию литературного критика, своего друга И.А. Саца для исполнения обязанностей заведующего отделом критики. За полгода с небольшим И.А. Сац опубликовал в журнале четыре статьи: «Об искренности в литературе» В.М. Померанцева, «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» Ф.А. Абрамова, «Дневник Мариэтты Шагинян» М.А. Лифшица, «“Русский лес” Л. Леоннова» М.А. Щеглова. Публикация этих статей и послужила причиной снятия А.Т. Твардовского с поста главного редактора. Второй причиной была попытка опубликовать в журнале поэму «Теркин на том свете». На заседание Секретариата ЦК КПСС А.Т. Твардовский не пошел. «Новый мир» там представлял заместитель главного редактора А.Г. Дементьев. По его свидетельству, Н.С. Хрущев говорил об А.Т. Твардовском «уважительно и примирительно» [16, с. 15–19]. В постановлении ЦК КПСС было записано: «освободить А.Т. Твардовского в связи с переходом на творческую работу».

Второй раз А.Т. Твардовскому предложили возглавить журнал в 1958 г., когда К.М. Симонов, по воспоминаниям М.И. Алигер, попросил освобождения от должности главного редактора для работы над романом «Живые и мертвые» [2, с. 408]. Ростовский писатель В.Д. Фоменко, боготворивший поэта, пытался его отговорить: считал, что редакторская деятельность помешает творчеству. В письме к В.Д. Фоменко от 24 апреля 1958 г. А.Т. Твардовский объясняет свое решение принять предложение: «...ответить отказом я не могу, боюсь совесть покоя не даст. Одно дело, когда ты вольный казак по объективным, независящим от тебя обст[оятельства]м, другое — когда ты, м. б., мог что-то сделать, но не стал делать по лености, малодушию и т. п. мотивам» [20, с. 221–222]. Заняв должность главного редактора, А.Т. Твардовский продолжил работу

над поэмой «За далью — даль», поехал в творческую командировку в Сибирь и на Дальний Восток [2, с. 319–325; 14, № 9, с. 147–150, 160–161, 172–178, 182–183, 185; 16, с. 32–34; 19, с. 252]. Но постепенно журнал начал занимать все больше места в его жизни.

История знакомства А.Т. Твардовского и А.И. Солженицына, публикации повести «Один день Ивана Денисовича» подробно описана в дневниках А.Т. Твардовского [11, т. 1, с. 67, 97–98, 111–113, 123–125], В.Я. Лакшина [16, с. 65–66, 81, 84, 90], в биографическом очерке А.И. Солженицына [21, с. 22–29, 41–42]. В начале ноября 1961 г. тюремный друг А.И. Солженицына, литературовед Л.З. Копелев передал в редакцию «Нового мира» рукопись под названием «Щ-854. Один день одного эка». Рукопись произвела на А.Т. Твардовского сильнейшее впечатление. Тема мест заключения в справочниках Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати (Главлита) при Совете министров СССР относилась к государственной тайне. Тем не менее А.Т. Твардовский принял решение добиваться публикации рукописи. Он предложил назвать ее «Один день Ивана Денисовича». Собрал положительные отзывы уважаемых писателей К.И. Чуковского, С.Я. Маршака, К.Г. Паустовского, К.А. Федина, И.Г. Эренбурга. Написал письмо Н.С. Хрущеву. Повесть была напечатана в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 г. и вызвала огромный общественный резонанс. В дневниках А.Т. Твардовского и В.Я. Лакшина записи: «...В редакции бог весть что — звонки, паломничество» [11, т. 1, с. 132]; «Ажиотаж страшный, журнал рвут из рук, в библиотеках с утра на него очереди» [16, с. 84]. Повесть А.И. Солженицына стала первой публикацией о жизни заключенных в сталинских лагерях. О том, какое значение поэт придавал этому произведению, свидетельствует запись в его дневнике от 16 сентября 1962 г.: «Солженицын (“Один день”) одобрен Н[икитой] С[ергееви]чем. <...> Боюсь предвосхищений, но верится, что опубликование Солженицына явится стойким поворотным пунктом в жизни литературы, многое уже будет тотчас же невозможно и многое доброе — сразу возможным и естественным» [11, т. 1, с. 111, 113]. Журнал выдвинул повесть «Один день

Ивана Денисовича» на соискание Ленинской премии по литературе. Но повесть забаллотировали [16, с. 221–224].

После посещения Н.С. Хрущевым выставки художников-авангардистов «30 лет МОСХ» (1 декабря 1962 г.), его встреч с творческой интеллигенцией (декабрь 1962 — весна 1963) стали очевидными противоречивые тенденции в культурной политике, стремление власти удержать культуру в жестких рамках. Усиливается государственный надзор за литературой. В печати появляются отрицательные рецензии под заголовками: «Кого обвиняет писатель?», «Неправедный суд», «Литературный брак», «Турист с тросточкой» и т. д. на опубликованные в «Новом мире» произведения писателей В.Ф. Пановой, В.Ф. Тендрякова, И.Г. Эренбурга, А.Я. Яшина, В.П. Некрасова [22, с. 51]. Записи в дневнике В.Я. Лакшина: «Реакция по всему фронту, откат от XXII съезда» (от 7–8 марта 1963); «Тучи сгущаются...» (от 22 марта 1963); «Уже кто-то из выступающих [на Пленуме Союза писателей РСФСР] назвал “Новый мир” сточной канавой, собирающей всю гниль в литературе, и опять, уже хором, требовали к ответу Твардовского» (от 2 апреля 1963) [16, с. 108, 111–112, 116–117].

22 марта 1963 г. А.Т. Твардовский сделал в «Рабочих тетрадях» итоговую запись об основных достижениях за девять лет: «Итак:

1. В 1954 г. Я был снят с “Н. м.” за “линию” и “Теркина на том свете”. Выбыл из ЦРК и [Верховного Совета] РСФСР.

2. За эти годы, до нынешнего 63 г., я закончил “Дали”, был возвращен на должность гл[авного] ред[акто]ра “Н. М.”, был делегатом двух последних съездов партии, избран кандидатом в члены ЦК, вторично избран в Верх[овный] Совет РСФСР, отмечен различными знаками, выпустил “Собр[ание] соч[инений]” и т. д. и т. п.

3. Ныне, в 1963 г., в марте, я закончил, вновь написал на 3/4, по кр[айней] мере, “Т[еркина] на т[ом] св[ете]”, опубликовал в конце прошлого года “Дениса Ив-ча” (с чего все и пошло), и опять “линия” и немыслимость опубликования “Теркина”.

Еще никогда, пожалуй, не было так трудно, однако и ясно на душе: дело плохо, но что же делать» [15, 2000, № 9, с. 143–144].

После смещения Н.С. Хрущева (считалось, что он покровительствовал А.Т. Твардовскому) критика журнала в печати усилилась, трудности с цензурой возросли. А.Т. Твардовского не пригласили на XXIII съезд партии. Журнал критиковался на съезде, на Всесоюзном идеологическом совещании. В декабре 1966 г. вывели из состава редколлегии заместителя главного редактора А.Г. Дементьева и ответственного секретаря Б.Г. Закса. А.Т. Твардовский безуспешно добивался встреч с руководителями государства Л.И. Брежневым, М.А. Сусловым [11, т. 1, с. 457–460; т. 2, с. 190–198, 212–220, 251, 259; 19, с. 255–256; 22, с. 52–53]. Распространялись слухи, что А.И. Солженицын уголовник, а не политический. Редакции «Нового мира» не удалось опубликовать его повесть «Раковый корпус» и роман «В круге первом» из-за цензуры. А.И. Солженицын рассылает 250 делегатам IV съезда Союза советских писателей письмо, в котором предлагает добиваться упразднения цензуры (16 мая 1967). Оно попадает за рубеж, там публикуется и делает его известным на Западе оппозиционным власти писателем. А.Т. Твардовский обеспокоен тем, что «Раковый корпус» и «В круге первом» могут быть напечатаны за границей. «Я не смогу оставаться редактором “Н. м.” после этого. Это будет значить, что мы отказались от Солженицына. А ведь породили мы его, и я с ним тоже в известной мере связал свою судьбу» [18, с. 51]. А.Т. Твардовский предлагает напечатать отрывок из «Ракового корпуса» в «Литературной газете» с биографией автора и тем отвести слухи о нем и показать, что цензура в нашей стране не запрещает произведений А.И. Солженицына. Но это предложение не было принято партийным и литературным руководством [18, с. 48–53].

Положение журнала ухудшилось после подавления «Пражской весны» (август 1968) и отказа А.Т. Твардовского подписать открытое обращение видных советских писателей к чехословацким коллегам [17, с. 294]. Давление на журнал возрастало со всех сторон. Сроки выхода номеров систематически срывались из-за цензуры. «Литературы стали бояться еще больше, всюду искали “неконтролируемый подтекст”» [19, с. 256]. В июле 1969 г., когда А.Т. Твардовский лежал в больнице, на-

чалась кампания клеветы и травли в печати против журнала «Новый мир» и его главного редактора [17, с. 423–432; 19, с. 261–263; 22, с. 53–55]. 4 ноября 1969 г. А.И. Солженицына исключили из Союза писателей СССР. Он пишет открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР. Для А.Т. Твардовского это удар по журналу. 14 ноября 1969 г. он записал в дневнике: «За все, за все отблагодарил нас, коварно, явочным порядком, не удостоил нас предупредить, не то что посоветоваться. Это — конец. Но не тот, какого мы ждали в горделивом сознании своей правоты и жертвенного назначения. Все — прахом. Хоть и в эти минуты не унижусь сказать что-нибудь против его таланта» [11, т. 2, с. 431]. В начале июня 1969 г. была сдана в набор поэма А.Т. Твардовского «По праву памяти» и задержана цензурой без объявления причин. Отдельные главы поэмы оказались за границей и были опубликованы в конце 1969 — начале 1970 г. без согласия автора эмигрантским журналом «Посев», итальянским журналом L'Espresso, западногерманской газетой Süddeutsche Zeitung под названием «Над прахом Сталина» [17, с. 413–416, 418–419, 464–465, 468, 470–471, 476–481].

9 февраля 1970 г. по решению секретариата Союза писателей от должностных обязанностей были освобождены А.И. Кондратович, В.Я. Лакшин, И.И. Виноградов, И.А. Сац и введены в редколлегию журнала враждебные А.Т. Твардовскому люди. 10 февраля А.Т. Твардовский подал заявление об уходе [17, с. 485–489, 494; 19, с. 265].

В 1975 г. в Париже вышла автобиографическая книга А.И. Солженицына «Бодался теленок с дубом». В 1991 г. ее напечатал журнал «Новый мир». В произведении А.И. Солженицын тенденциозно трактует деятельность редакции журнала, ее позицию в литературно-общественной борьбе. Он критикует окружение А.Т. Твардовского, упрекает главного редактора в промедлении с публикацией повести «Один день Ивана Денисовича», преувеличивает слабости А.Т. Твардовского, обвиняет его в непоследовательности взглядов, пишет, что в журнале был «культ» главного редактора. Аргументированный ответ А.И. Солженицыну дает В.Я. Лакшин, его основной оппонент [23]. Полемизируют с автором книги

«Бодался теленок с дубом» заместитель главного редактора А.И. Кондратович и Р.А. Медведев, публицист, представитель диссидентского движения, который с 1966 г. неоднократно встречался с А.Т. Твардовским в редакции «Нового мира», бывал у него на даче, вел с ним беседы на различные темы (в том числе о сталинизме), знал о ситуации, сложившейся вокруг журнала. Р.А. Медведев считает, что А.И. Солженицын «пытался всячески доказать, что он, в сущности, ничем не обязан Твардовскому» [8, № 9, с. 215]. «Одна причина на виду, — пишет В.Я. Лакшин, — Солженицын мало знал Твардовского и плохо его понял. В свои приезды в журнал, в вечной спешке, занятый одним собой, он очень поверхностно мог наблюдать то, что делается в редакции, и, собравшись писать об этом, ухватил лишь внешние фельетонные черты, писал с недобрим взглядом, многого не понимая, о многом судя по ложной догадке» [23, с. 348]. Позже А.И. Солженицын в очерках «Угодило зернышко промеж двух жерновов», давая высокую оценку журналу «Новый мир», во многом признает правоту своих оппонентов: «Лакшин, очевидно, прав, коря меня, что о внутренней обстановке “Нового мира” я судил по слишком беглым своим, всегда на лету, впечатлениям. Допускаю, что я весьма неполно вник в соотношение “первого” и “второго” этажей. Я рад, что он меня поправил. <...> И конечно он прав, что я не открыл всего доброго, что можно было еще сказать о Твардовском: при захваченности моей рукопашной с властями я был в позиции, мало удобной для спокойных наблюдений. Да, конечно, я давал простор нетерпеливым, а иногда и несправедливым оценкам боя» [24, с. 94]. К 90-летию со дня рождения поэта и легендарного редактора А.И. Солженицын публикует статью под названием «Богатырь» [25].

Анализ «Рабочих тетрадей» и «Новомирского дневника» А.Т. Твардовского, воспоминаний его современников позволяет изучить жизненные принципы и установки главного редактора, проследить эволюцию его взглядов. По утверждению литературоведа В.В. Кожина, А.Т. Твардовский долгие годы был сталинистом, первоначально сопротивлялся процессу десталинизации, начатому руководством Н.С. Хрущева [26, с. 282]. Ю.В. Трифонов от-

мечает, что слезы А.Т. Твардовского на траурном собрании по поводу смерти И.В. Сталина были искренние [6, с. 684]. Позднее А.Т. Твардовский пересмотрел отношение к И.В. Сталину и сталинизму. Взгляды поэта формировались постепенно путем безостановочной душевной работы. Утверждения о способности А.Т. Твардовского к саморазвитию содержатся в мемуарах В.Я. Лакшина и В.А. Каверина. Это подтверждают и дневники самого А.Т. Твардовского. Работая в журнале, он читал много рукописей, встречался и беседовал с авторами журнала. Соратники А.Т. Твардовского учились у него, но и он учился у них [7, с. 555; 23, с. 338, 343]. Публикация повести «Один день Ивана Денисовича» для него «была решающим личным поступком» [23, с. 337]. По всем острым вопросам — судебный процесс против писателей А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля, ввод советских войск в Чехословакию, насильственное помещение в Калужскую психиатрическую больницу писателя-диссидента Ж.А. Медведева — А.Т. Твардовский занимал позицию противоположную официальной [11, т. 1, с. 411–412, 425–430; т. 2, с. 219–220; 17, с. 517–518].

Рассуждая о судьбе А.Т. Твардовского и руководимого им журнала, В.А. Каверин пишет: «Твардовский, подобно Некрасову, положил в основу своего творчества поэтическую правду, которая по самой своей природе требовала более широкого поля деятельности, чем собственно литература. Так же, как и некрасовская, это была всеобъемлющего значения правда, для которой мало одной поэзии...» [7, с. 554–555].

Все вышесказанное дает возможность констатировать важнейшее значение мемуаристики для лучшего понимания событий, происходивших вокруг журнала «Новый мир», деятельности его главного редактора и оценки процессов в общественно-политической и литературной жизни СССР 1950–1960-х годов. «Новый мир» был самым последовательным проводником идей XX и XXII съездов КПСС, осудивших культ личности И.В. Сталина и репрессии 1930–1940-х годов. Журнал остался верен избранной редакционной политике после смещения Н.С. Хрущева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС, несмотря на брежневскую политику постепенной реабилитации фигуры

И.В. Сталина, став таким образом оппозиционным действующей власти. Публикации «Нового мира» вызывали большой общественный резонанс. Поколение интеллигенции, сформировавшееся в эти годы, в частности и под влиянием журнала, впоследствии сыграло важную роль в подготовке перестройки 1980-х годов.

Список источников

1. Бакланов Г.Я. Об Александре Трифоновиче Твардовском // *Время собирать камни* : статьи, портреты, беседы. Москва : Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. С. 302–327.
2. Воспоминания об А. Твардовском : сборник / [сост. М.И. Твардовская]. 2-е изд. Москва : Советский писатель, 1982. 543 с.
3. Кондратович А.И. «Ровесник любому поколению» : документальная повесть [о Твардовском А.Т.]. Москва : Современник, 1987. 381 с.
4. Лакшин В.Я. Твардовский // *Вторая встреча* : воспоминания и портреты. Москва : Советский писатель, 1984. С. 108–191.
5. Крутикова Л.В. Федор Абрамов об Александре Твардовском : (по материалам личного архива Ф. Абрамова) // *Творчество Александра Твардовского : исследования и материалы* / под ред. П.С. Выходцева, Н.А. Грозновой. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. С. 204–281.
6. Трифонов Ю.В. Записки соседа // *Рассказы; повести; роман; воспоминания; эссе* / [сост. В. Быков]. Екатеринбург : У-Фактория, 1999. С. 658–739.
7. Каверин В.А. О Твардовском // *Эпилог* : мемуары. Москва : Эксмо, 2014. С. 546–564.
8. Медведев Р.А. Встречи с Александром Твардовским // *Подъем*. 1990. № 7. С. 203–221; № 9. С. 208–225.
9. Шевченко М.П. Ищу выход // *Дань уважения*. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1989. С. 136–196.
10. Шугаев В.М. Из юных дней // *Переживания читающего человека*. Москва : Современник, 1988. С. 41–103.
11. Твардовский А.Т. Новомирский дневник : [в 2 т.] / подгот. текста, коммент. В.А. и О.А. Твардовских. Москва : ПРОЗАИК, 2009. Т. 1. 1961–1966. 653 с. ; Т. 2. 1967–1970. 637 с.
12. Трифонов Ю.В. Вспоминая Твардовского // *Огонек*. 1986. № 44. С. 20–24.
13. Буртин Ю.Г. «И нам уроки мужества даны...» // *Неоконченные споры : литературная полемика* : [сборник]. Москва : Молодая гвардия, 1990. С. 236–248.
14. Твардовский А.Т. Из рабочих тетрадей (1953–1960) / публ. и примеч. М.И. Твардовской // *Знамя*. 1989. № 7–9.
15. Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя*. 2000. № 6, 7, 9, 11, 12 ; 2001. № 12 ; 2002. № 2, 4, 5, 9, 10 ; 2003. № 8–10 ; 2004. № 4, 5, 9, 10 ; 2005. № 9, 10.
16. Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953–1964). Москва : Книжная палата, 1991. 267 с.
17. Кондратович А.И. Новомирский дневник, 1967–1970 : [журнал «Новый мир»]. Москва : Советский писатель. 1991. 524 с.
18. Кондратович А.И. Новомирский дневник, 1967–1970 : [о журнале «Новый мир»]. Москва : Собрание, 2011. 950 с.
19. Лакшин В.Я. Не власть в беспамятство // *Неоконченные споры : литературная полемика* : [сборник.]. Москва : Молодая гвардия, 1990. С. 248–266.
20. Левина И.И. Александр Твардовский — Владимиру Фоменко : письма и воспоминания // *Дон*. 1993. № 10–12. С. 216–255.
21. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом : очерки литературной жизни [2-е изд., испр. и доп.]. Москва : Согласие, 1996. 688 с.
22. Бианки Н.П. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире» : воспоминания. Москва : ВИОЛАНТА, 1999. 189 с.
23. Лакшин В.Я. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // *Берега культуры* : [сборник статей] / сост. С.Н. Лакшина. Москва : МИРОС, 1994. С. 325–374.
24. Солженицын А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов : очерки изгнания. Часть первая (1974–1978). Продолжение // *Новый мир*. 1999. № 2. С. 67–134.
25. Солженицын А.И. Богатырь // *Новый мир*. 2000. № 6. С. 129–130. (К 90-летию со дня рождения А.Т. Твардовского).
26. Кожин В.В. «Самая большая опасность...» // *Неоконченные споры : литературная полемика* : [сборник]. Москва : Молодая гвардия, 1990. С. 266–302.

Aleksandr Tvardovsky's Journal "New World" in Memoirs

Tatiana O. Ostroumova

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia

E-mail: OstroumovaTO@rsl.ru

Abstract. *The article is devoted to the history of the journal "New World" of the second half of the 1950s – the 1960s, and the work of its chief editor A.T. Tvardovsky. It focuses on the second period of Tvardovsky's editorship, the first part of which fell on the era of "thaw" (1958–1964), the second one – on the era of early "stagnation" (1965–1970). The article assesses the professional qualities of A.T. Tvardovsky as an editor. There are considered his literary preferences, attitude to the editorial work, and the factors that influenced the radical changes in his worldview. The author examines the editorial policy of the journal in the context of political changes in public life. Within the topic, the article shows the impact of various party and state bodies, including censorship, on culture and, in particular, on literature. There is traced the outline of events around "New World" journal, the publication history of the novel "One Day of Ivan Denisovich", and the relations between A.T. Tvardovsky and A.I. Solzhenitsyn. There is analyzed the controversy surrounding A.I. Solzhenitsyn's book "The Oak and the Calf". The article notes the different level of publications' information content of the "stagnation" and perestroika eras.*

The purpose of the study is to determine the place of Tvardovsky's "New World" in the literary and political struggle of the second half of the 1950s – the 1960s, and the journal's impact on the worldview formation of the generation of intellectuals, who played a significant role in the restructuring of the 1980s. The article is relevant because the journal "New World" of the second half of the 1950s – the 1960s occupies one of the central places in the history of Russian Soviet literature and journalism. A.T. Tvardovsky's "New World" was the most consistent conductor of the policy of de-Stalinization in the "thaw" era, and continued the chosen course, despite Brezhnev's poli-

cy of re-Stalinization, thus becoming a legal journal opposing the current government. The novelty of the article lies in the fact that this topic is studied using memoir sources: recollections and diaries of the events' participants – famous writers, literary critics, members of the Editorial Board and employees of the journal "New World" – as well as A.T. Tvardovsky's "Workbooks" and "New World Diary". These sources allow to supplement the known facts and to reconstruct events related to the legendary journal's history. Conclusions and observations made by the author can be used to further study the history and work of "New World" journal.

Key words: New World journal, A.T. Tvardovsky, A.I. Solzhenitsyn, memoirs, recollections, diaries.

Citation: Ostroumova T.O. Aleksandr Tvardovsky's Journal "New World" in Memoirs, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 599–607. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-599-607.

References

1. Baklanov G.Ya. About Aleksandr Trifonovich Tvardovsky, *Vremya sobirat' kamni: stat'i, portrety, besedy* [A Time to Gather Stones: articles, portraits, conversations]. Moscow, Agentstva Pechati "Novosti" Publ., 1989, pp. 302–327 (in Russ.).
2. *Vospominaniya ob A. Tvardovskom: sbornik* [Memoirs of A. Tvardovsky: collection]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1982, 543 p.
3. Kondratovich A.I. "Rovesnik lyubomu pokoleniyu": *dokumental'naya povest'* ["The Same Age as Any Generation": documentary novel]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, 381 p.
4. Lakshin V.Ya. Tvardovsky, *Vtoraya vstrecha: vospominaniya i portrety* [The Second Meeting: Memories and Portraits]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1984, pp. 108–191 (in Russ.).
5. Krutikova L.V. Fyodor Abramov about Aleksandr Tvardovsky: (on the materials of F. Abramov's personal archive), *Tvorchestvo Aleksandra Tvardovskogo: issledovaniya i materialy* [Aleksandr Tvardovsky' Work: research and materials]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe Otdelenie Publ., 1989, pp. 204–281 (in Russ.).
6. Trifonov Yu.V. A Neighbor's Notes, *Rasskazy; povesti; roman; vospominaniya; esse* [Stories; Tales; a Nov-

- el; Memories; Essays]. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 1999, pp. 658–739 (in Russ.).
7. Kaverin V.A. About Tvardovsky, *Epilog: memuary* [Epilogue: Memoirs]. Moscow, Eksmo Publ., 2014, pp. 546–564 (in Russ.).
 8. Medvedev R.A. Meetings with Aleksandr Tvardovsky, *Pod'em* [Rising], 1990, no. 7, pp. 203–221, no. 9, pp. 208–225 (in Russ.).
 9. Shevchenko M.P. I Am Looking For a Way Out, *Dan' uvazheniya* [Homage]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe Publ., 1989, pp. 136–196 (in Russ.).
 10. Shugaev V.M. From the Young Days, *Perezhivaniya chitayushchego cheloveka* [Experiences of a Reading Person]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 41–103 (in Russ.).
 11. Tvardovsky A.T. *Novomirskii dnevnik* [New World Diary]. Moscow, PROZAIK Publ., 2009, vol. 1, 1961–1966, 653 p., vol. 2, 1967–1970, 637 p.
 12. Trifonov Yu.V. Recollecting Tvardovsky, *Ogonek* [Spark], 1986, no. 44, pp. 20–24 (in Russ.).
 13. Burtin Yu.G. "And We Have Taken the Lessons of Courage...", *Neokonchennye spory: literaturnaya polemika* [Unfinished Disputes: literary polemics]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1990, pp. 236–248 (in Russ.).
 14. Tvardovsky A.T. From the Workbooks (1953–1960), *Znamya* [Banner], 1989, no. 7–9 (in Russ.).
 15. Tvardovsky A.T. The Workbooks of the 60s, *Znamya* [Banner], 2000, no. 6, 7, 9, 11, 12, 2001, no. 12, 2002, no. 2, 4, 5, 9, 10, 2003, no. 8–10, 2004, no. 4, 5, 9, 10, 2005, no. 9, 10 (in Russ.).
 16. Lakshin V.Ya. "Novyi mir" vo vremena Khrushcheva. *Dnevnik i poputnoe (1953–1964)* ["New World" at the Time of Khrushchev. The Diary and Accompaniments (1953–1964)]. Moscow, Knizhnaya Palata Publ., 1991, 267 p.
 17. Kondratovich A.I. *Novomirskii dnevnik, 1967–1970* [New World Diary, 1967–1970]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1991, 524 p.
 18. Kondratovich A.I. *Novomirskii dnevnik, 1967–1970* [New World Diary, 1967–1970]. Moscow, Sobranie Publ., 2011, 950 p.
 19. Lakshin V.Ya. Not to Lose Consciousness, *Neokonchennye spory: literaturnaya polemika* [Unfinished Disputes: literary polemics]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1990, pp. 248–266 (in Russ.).
 20. Levina I.I. Aleksandr Tvardovsky to Vladimir Fomenko: letters and memoirs, *Don*, 1993, no. 10–12, pp. 216–255 (in Russ.).
 21. Solzhenitsyn A.I. *Bodalsya telenok s dubom: ocherki literaturnoi zhizni* [The Oak and the Calf: literary life essays]. Moscow, Soglasie Publ., 1996, 688 p.
 22. Bianki N.P. K. Simonov, A. Tvardovskii v "Novom mire": *vospominaniya* [K. Simonov, A. Tvardovsky in "New World": memories]. Moscow, VIOLANTA Publ., 1999, 189 p.
 23. Lakshin V.Ya. Solzhenitsyn, Tvardovsky and "New World", *Berega kul'tury* [The Shores of Culture]. Moscow, MIROS Publ., 1994, pp. 325–374 (in Russ.).
 24. Solzhenitsyn A.I. The Grain between the Millstones: Essays of Exile. Part one (1974–1978). Continuation, *Novyi mir* [New World], 1999, no. 2, pp. 67–134 (in Russ.).
 25. Solzhenitsyn A.I. Bogatyr, *Novyi mir* [New World], 2000, no. 6, pp. 129–130 (in Russ.).
 26. Kozhinov V.V. "The Greatest Danger...", *Neokonchennye spory: literaturnaya polemika* [Unfinished Disputes: literary polemics]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1990, pp. 266–302 (in Russ.).

УДК 27-75:028
ББК 86.372-674.73 + 78.073г
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-5-608-620

О.Д. ПОПОВА

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЕС СЕМИНАРИСТОВ В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННОГО ПОДЪЕМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Ольга Дмитриевна Попова,
Рязанский государственный университет
им. С.А. Есенина,
кафедра социологии,
профессор
Свободы ул., д. 46, Рязань, 390000, Россия
доктор исторических наук
E-mail: od-popova@mail.ru

Реферат. *Анализируются читательские интересы воспитанников духовных семинарий второй половины XIX — начала XX века. Библиотеки были обязательным элементом функционирования духовных семинарий. Статья написана на основе изучения мемуаров бывших семинаристов. В поле зрения автора — анализ государственной политики по формированию идеологического воспитания детей духовенства. Характеризуется содержание библиотек*

духовных семинарий и механизмы их пополнения. Цель исследования — показать, что фонды библиотек не соответствовали интересам семинаристов, а круг чтения молодых людей находился под влиянием общественного подъема в России второй половины XIX века. Большое воздействие оказывали революционеро-народники. Воспитанники духовных семинарий стремились читать произведения передовых авторов того времени: Г.Т. Бокля, Г. Спенсера, Н.К. Михайловского, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева. Анализ архивных документов показал, что правительство предпринимало попытки следить за тем, что читают воспитанники в духовных семинариях: книги передо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований №16-01-00468 — «Мемуары воспитанников духовно-учебных заведений как отражение процесса трансформации ментальности духовенства на рубеже XIX—XX веков».

вых авторов запрещались и изымались. Семинаристы стремились сами создавать свой круг чтения. Поэтому многие воспитанники делали попытки посещать городские библиотеки, брать книги у друзей и знакомых, организовывать свои нелегальные коллекции.

В статье рассказано об истории тайных библиотек в Костроме и Владимире. Благодаря исследованию установлено, что авторы мемуаров делились читательскими интересами дабы показать пользу от чтения передовой литературы. Большинство авторов мемуаров утверждали, что интерес к подпольным кружкам был вызван стремлением разнообразить монотонную семинарскую повседневность. Запрещенную литературу воспитанники семинарии читали из-за внимания к наиболее актуальным проблемам России и общества.

Ключевые слова: читательский интерес, библиотека, книжная полка, духовные семинарии, общественный подъем, духовенство, мемуары семинаристов.

Для цитирования: Попова О.Д. Читательский интерес семинаристов в период общественного подъема во второй половине XIX — начале XX века // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 608–620. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-608-620.

Сфера читательских интересов — весьма динамичное понятие, которое формируется под влиянием времени, государственной политики и общественного мнения. Важнейшими механизмами развития библиотечного дела были такие социальные институты, как образование и церковь. В современной научной литературе получил осмысление процесс становления библиотечного дела в учебных заведениях различных ведомств: военных [1], женских институтах благородных девиц [2]; показана роль ученических библиотек в развитии культурной среды российской провинции [3].

Если говорить о женских и мужских учебных заведениях, находящихся в ведении Священного синода, то здесь были свои особенности. Процесс развития культуры чтения среди

воспитанниц женских епархиальных училищ можно обозначить как плавный и без сложных коллизий. Система женских епархиальных училищ постепенно превращала малограмотную и необразованную дочь духовенства в девушку, способную быть не только матушкой, но и учительницей. Вместе с этим развивалась и читательская культура — чтение как форма досуга постепенно входило в повседневную жизнь девушек, процесс учебы ставил цель сформировать стойкий интерес к разрешенным новинкам литературы. И лишь изредка девушки выходили за рамки дозволенного, интересуясь любовными романами, которые на сегодняшний день считаются совершенно безобидными. Более подробно книжная полка воспитанниц женских училищ была рассмотрена мной в статье, опубликованной в 2008 г. в журнале «Библиотекосведение» [4].

Настоящая статья является продолжением уже проведенного исследования и посвящена духовным семинариям, где процесс формирования читательской культуры был полон трагизма и противоречий, что было обусловлено сложностью эпохи и самим социальным статусом детей духовенства. Безусловно, понятие «книжная полка семинаристов» может трактоваться двояко.

С одной стороны, под ним можно понимать официальные книжные собрания библиотек духовных семинарий, которые, как правило, состояли из ученической и фундаментальной библиотек. Ученическая библиотека предназначалась для учащихся, из нее воспитанники семинарии могли брать книги беспрепятственно в установленные часы работы библиотеки (обычно два-три раза в неделю). Фундаментальная библиотека была в основном предназначена для преподавателей. Семинаристы могли пользоваться ею только по особому разрешению преподавателей. Как отмечает исследовательница истории пермских библиотек С.В. Пигалева, это была общероссийская практика [5, с. 105].

Процесс формирования книжных собраний в духовных семинариях позволяет проследить довольно большой пласт сохранившихся источников. Это исторические записки по истории отдельных учебных заведений, где многие авторы посвящали отдельные страницы вопросам ком-

Каталог библиотеки Казанской духовной семинарии.
Титульный лист [8]

плектования библиотек, а также сохранившимся каталогам отдельных учебных заведений. Данные каталоги и описания позволяют представить содержание библиотечных собраний Новгородской [6; 7], Казанской [8], Черниговской [9], Костромской духовных семинарий [10]. Организация библиотек в духовно-учебных заведениях уже получила осмысление в современных научных работах ряда исследователей. В центре внимания большинства авторов — процесс комплектования книжных собраний региональных духовных семинарий, а также анализ библиотек XVIII в., вклад отдельных личностей в коллекционирование книжных раритетов. В частности, А.А. Соловьевым показан процесс становления Ярославской и Костромской духовных семинарий [11], а С.И. Бойтуновой — в Якутии [12]. Изучение истории становления Оренбургской семинарии позволило выделить роль отдельных членов семинарского сообщества в становлении библиотеки этого учебного заве-

дения [13]. Исследователями отмечается большая роль в жизни российской провинции таких учебных заведений, как Новгородская [14] и Тобольская духовные семинарии [15]. Особо следует выделить монографическое исследование Н.В. Солонникова [16], а также серию статей П.В. Пичугина, в которых раскрыт процесс становления библиотек духовных семинарий в таких городах, как Воронеж [17], Рязань [18], показана роль семинарских библиотек как одних из самых ранних центров культуры в российской глубинке [19]. Однако у большинства авторов остались без внимания такие проблемы, как доступность библиотечных фондов для семинаристов и удовлетворенность фондами воспитанников.

С другой стороны, понятие «книжная полка семинаристов» может трактоваться как читательский интерес, т. е. практика чтения семинаристов как элемент повседневности. Эта сторона жизни воспитанников может значительно отличаться от того круга чтения, который рекомендовался официально. Исследование данного вопроса предполагает изучение неформальных практик в среде семинаристов, поскольку позволяет глубже понять не просто существующие частные практики повседневности, но и показать, насколько официальная политика Священного синода расходилась с духовными запросами семинаристов. Поэтому предметом данной статьи является неофициальный круг чтения воспитанников духовно-учебных заведений. Раскрытие этой проблемы предполагает использование источников, которые позволяют выйти за пределы официально-регламентируемых сведений. Первые попытки изучить этот вопрос делали еще в начале XX в. некоторые преподаватели духовных семинарий [20]. Большое значение имеет привлечение мемуаров воспитанников. Именно этот вид источника позволяет понять сложившиеся в семинарии традиции чтения и отношение к нему воспитанников.

Следует отметить, что многие библиотеки духовных семинарий обладали богатым собранием. Как констатируют исследователи, процесс их создания был предметом особой заботы руководства с момента возникновения учебного заведения. Наличие библиотеки и ее состав, новые поступления — это обязательные строки отчета всех духовно-учебных заведений. Издан-

ные каталоги библиотек позволяют представить типичную структуру книжных собраний. Например, фундаментальная библиотека в Казанской духовной семинарии состояла из следующих разделов: богословие, философия, словесность, история (библейская, церковная, русская церковная, русского раскола, гражданская, русская гражданская), математические науки, естественные науки, языкознание [8]. Такая же структура фондов существовала в фундаментальной библиотеке Костромской духовной семинарии. Здесь были книги на латинском, немецком, греческом языках [10, с. 68].

Многие библиотеки хранили в своих фондах уникальные издания, рукописные книги. В частности, в Костромской семинарии имелись редкие издания XVI–XVII вв. на древних языках, среди которых тексты Аристотеля, славянская грамматика, изданная при Петре I, уникальные карты и атласы, старинные книги, изданные до реформы Никона. Состав учебной библиотеки соответствовал изучаемым предметам, покупались также книги для детского чтения. Архивные документы свидетельствуют, что в библиотеке присутствовали сочинения Н.Я. Данилевского, А.С. Пушкина, А.Н. Островского, Н.В. Гоголя [21, л. 6–9]. Для лучшей сохранности вновь приобретенные книги отдавались в переплет. К началу 1884 г. в Костромской духовной семинарии насчитывалось 966 книг. Помимо того в библиотеку поступали журналы религиозного содержания: «Душеполезное чтение», «Странник», «Православное обозрение», «Руководство для сельских пастырей», «Чтение в обществе любителей духовного просвещения», «Творения Святых отцов» [21, л. 22]. Как отмечает А.А. Соловьев, в 1860-е гг. библиотека Костромской семинарии пополнялась за счет пожертвований преподавателей и обязательных взносов учащихся, каждый из которых трижды в год должен был вносить по 15 коп. [11, с. 99].

Анализ мемуаров воспитанников духовно-учебных заведений позволяет установить, что отношение к чтению в различных учебных заведениях было неодинаковым. Как вспоминал ученик первого Орловского духовного училища Георгий Соломин, «лично меня к книгам не тянуло. Я плохо читал» [22, л. 36]. Сам автор этих мемуаров был пев-

Брошюра «Что читают в духовной школе?». Титульный лист [20]

чим архиерейского хора и поэтому его развитие в основном было сосредоточено на пении. При этом он отмечает, что на спевках встречался с мальчиками из второго Орловского духовного училища, которые делились иногда книгами Фенимора Купера, Майна Рида. Георгий пытался их читать, но это занятие не приносило ему удовлетворения: «Я заглядывал в них, но мне приходилось долго читать, чтобы добраться до интересного. Я безнадежно отдавал их владельцу» [22, л. 36 об.].

В то же время мемуары воспитанников Воронежской духовной семинарии А.П. Сердобольского и П.В. Цезаревского свидетельствуют, что их преподаватели всячески стимулировали читательский интерес своих воспитанников. Например, учитель гражданской истории Александр Иванович Раменский цитировал ученикам на уроках главы из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», сказку М.Е. Салтыкова-Щедрина «По-

весть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Формулируя темы сочинений, ряд преподавателей привлекали новинки литературы. В то время пользовался популярностью роман А.К. Толстого «Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного», и преподаватель Марков предложил следующую тему сочинения по русской истории: «Характеристика Ивана Васильевича Грозного по роману А. Толстого» [23, с. 280, 282]. Более того, в Воронежской семинарии учителя очень положительно относились к ученикам, лично знакомым с новинками литературы. Например, П.В. Цезаревский вспоминал, что однажды подал сочинение, в котором достаточно цитировал В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, А.А. Григорьева и приводил исторические данные по Ф. Шлоссеру. Объем таких сочинений достигал более десятка страниц [23, с. 283].

Оба автора отмечают, что в семинарии царил творческая атмосфера, которая поощрялась преподавателями. В частности, А.П. Сердобольский вспоминает, что среди воспитанников особой популярностью пользовались произведения В.Г. Белинского: «Его сочинения были уже напечатаны особым изданием и служили у нас главным руководством в выборе чтения и в понимании литературных произведений. “Поклонение” Белинскому было сильно, — и даже ученики, не отличавшиеся особенным развитием, малоуспешные, считали нужным носить в класс Белинского под мышкой, якобы для чтения на переменах, так как чтение Белинского было между нами некоторого рода дипломом на звание “мыслящего”, “передового” и т. п.» [24, с. 697].

А вот оценка читательского интереса в старших классах у А.П. Сердобольского и П.В. Цезаревского различна. А.П. Сердобольский отмечает, что в богословском классе семинаристы с большим интересом читали духовную литературу. Он вспоминает «Православно-догматическое богословие» митрополита Макария, «О конечных причинах» Ф.А. Голубинского, «Православное догматическое богословие» Филарета Черниговского, его же «Историю русской церкви», «Дни Богослужения» Г.С. Дебольского, проповеди М. Филарета, духовные журналы «Православное обозрение», «Странник», «Дух христианина», «Православный со-

беседник» [25, с. 742]. П.В. Цезаревский же очень сдержанно оценивал влияние преподавателей богословских дисциплин на духовное развитие воспитанников: «Ни один из этих преподавателей не оставил по себе почти никакого следа ни в наших головах, ни в сердце» [26, с. 90]. Автор особо отмечает, что формализм преподавания богословских предметов никоим образом не стимулировал интерес к чтению дополнительной литературы.

Выпускник Одесской духовной семинарии Ю.А. Галабутский вспоминал, что в семинарии в середине XIX в. существовал культ чтения, и воспитанники с большим интересом следили за новинками литературы. Как отмечает автор мемуаров, «первыми развивателями новичков, поступавших в семинарию из духовных училищ, являлись обыкновенно “старички”, т. е. оставшиеся на второй год в первом классе». Как правило, эти «старички» встречали новичков вопросами: «Бокля читал?», «А Спенсера?», «А Дарвина?». Обычно «новичок» с растерянностью переспрашивал: «Бокля? Какого Бокля?» [27, с. 32]. Не слышал он ни о Спенсере, ни о Дарвине. В итоге старший выносил вердикт: «Эге, да ты, брат, еще совсем младенец!» Такая обстановка очень стимулировала интерес к книгам. Ю.А. Галабутский писал, что семинаристы интересовались общественными науками и естествознанием, которое открывало им совершенно новый для них мир природы. Читали таких авторов, как Ф.М. Решетников, Н.К. Михайловский, М.Е. Салтыкова-Щедрин; журналы «Колокол», «Отечественные записки».

Как свидетельствуют мемуары А.П. Сердобольского, П.В. Цезаревского и Ю.А. Галабутского, библиотеки семинарий не могли удовлетворить запросы учеников. Однако они беспрепятственно пользовались городскими библиотеками Воронежа и Одессы соответственно. «Мы не были стеснены строгой дисциплиной. После обеда не только на праздники, но и в будни, мы уходили куда хотели; можно было уйти и вечером, лишь бы явиться к перекличке перед вечерней молитвой», — вспоминал Ю.А. Галабутский [27, с. 33]. В Воронеже семинаристы пользовались услугами частной библиотеки И.С. Никитина, которая была открыта в 1859 году [24, с. 696]. Большую популярность имела публичная библиотека у рязан-

ских семинаристов, где они могли знакомиться с произведениями самых передовых авторов того времени. Очень ярко об этом написал И.П. Павлов: «У меня и сейчас как живая перед глазами стоит сцена, как несколько нас семинаристов и гимназистов, в грязную холодную осень по часу стоим перед запертой дверью общественной библиотеки, чтобы захватить первыми книжку “Русское слово” со статьей Писарева» [28, с. 38].

Во второй половине XIX в. интерес к передовой общественной мысли в духовных семинариях становится повсеместным. Семинарские библиотеки во многом перестали удовлетворять читательский интерес воспитанников. Как писал о библиотеке Пермской духовной семинарии в своих воспоминаниях Владимир Александрович Яхонтов, «уже к концу первого года наша библиотека перестала меня удовлетворять, в ней преобладали книги духовного содержания, а “светских” было очень мало, только старые писатели, новой литературы не было, журналы не выписывались. Даже Белинский хотя и был, но выдавать его избегали» [29, л. 461]. Другой современник вспоминал: «В нашей школе русская литература, например, терпима до Гоголя, все же выдающиеся писатели за Гоголем — являются плодом запрещенным по мнению наших руководителей — знакомство с литературой после Гоголя не только не принесет пользы, но якобы повредит ему очень» [30, с. 5]. Вопрос о том, что ученические библиотеки зачастую не способны удовлетворить интересы воспитанников, поднимался уже в конце XIX в. на страницах печати, что позволяет сделать вывод о глубине проблемы. В этом плане интересна брошюрка А. Белицкого, в которой он отмечал, что библиотека Новгородской духовной семинарии хоть и располагает уникальными изданиями, но бесполезна для массового пользования семинаристов. Книги в библиотеку поступают в ограниченном количестве экземпляров, быстро истираются. Сама библиотека находится в неудобном здании, что лишает возможности воспитанников знакомиться с новинками литературы. Все это способствовало тому, что воспитанники стали искать другие пути приобретения книг самостоятельно [7, с. 3].

Учебный комитет Священного синода в ходе ревизий духовно-учебных заведений следил за тем, чтобы в семинарских библиотеках не было недозволенной литературы, поэтому в семинариях очень строго соблюдались правила пользования ученической и фундаментальными библиотеками. Например, в ходе ревизии Костромской духовной семинарии в 1883 г. ревизор отметил, что обнаружил в библиотеке воскресной школы на его взгляд неподходящие издания: «между книгами есть названия такие, которые никакого отношения к школе начальной не имеют, да и вообще к семинарии не пригодны. Таковы, например: Кольба “История человеческой культуры”, Гаровнуа “Органическое развитие человека” (точную фамилию автора установить не удалось. — О. П.), Вирхова “Собрание статей по естествознанию” (возможно, Р. Вирхов “Сборник статей по естествознанию и медицине”. — О. П.), Дрепера “Физиология человека” (возможно, Дрэпер Джон-Вильям “Физиология человека: статистическая и динамическая”. — О. П.). Я полагал бы все эти книги из библиотеки воскресной школы изъять и перенести в фундаментальную библиотеку, о чем и заявил ректору» [31, л. 42].

Само руководство этой семинарии методами жесткого контроля и ограничений также пыталось уберечь своих воспитанников от дурного влияния передовой общественной мысли. В том же 1883 г. ревизор отметил старание семинарской администрации: «Запас книг в библиотеке достаточен, но учащимся не нравится, что выбор книг в ней сделан со строгим разбором и из числа книг исключены журналы. Поэтому они и стараются добывать их на стороне» [31, л. 40 об. — 41]. Начальство предпринимало разнообразные шаги, чтобы контролировать отлучки учеников из семинарии: «В воскресные дни после обеда ученики по заблаговременной записью в особой книге заявляли о своей нужде отпроситься в город к родным или знакомым. Получали для сего от инспектора отпуск, впрочем, не далее до 5 ½ часов вечера, с тем, чтобы по возможности представить письменную отметку от того лица, коему отлучался, что он время отпуска провел именно у того лица» [32, л. 24].

Факт чтения некоторых книг мог стать чрезвычайным происшествием в жизни семи-

нарии и поводом для расследования со стороны Учебного комитета. Например, чтение воспитанниками Вологодской духовной семинарии произведений Л.А. Фейербаха о сущности религии стало причиной возбуждения дела «Об учениках Вологодской духовной семинарии, оказавшихся виновными в распространении возмутительных сочинений» за 1864 г. [33]. Речь шла о применении карательных мер к самим семинаристам и преподавателю, у которого мальчики эту книгу украли. Одновременно к числу «возмутительных сочинений» были причислены статьи из «Колокола» и статьи Н.К. Михайловского.

Однако семинаристы нарушали все строгие запреты даже под угрозой наказания и исключения. Например, Владимир Яхонтов писал, что в Перми в городской библиотеке было строжайше запрещено обслуживать семинаристов. Первая попытка записаться в городскую библиотеку закончилась ничем. Сотрудник библиотеки, узнав что перед ним стоит семинарист, отказался его обслуживать. Тогда Владимир прибег к переодеванию: «Я натянул шерстяную рубашку, плисовые шаровары, сапоги с набором и широкополую шляпу» [29, л. 462]. Путь в библиотеку сопровождался трудностями — покидать территорию учебного заведения приходилось через стену, рискуя встретиться с кем-то из инспекции. В результате весь этот маскарад закончился тем, что автора данных мемуаров записали в библиотеку на вымышленную фамилию, и Владимир «жадно набросился на новейшую беллетристику». Сотрудник библиотеки помог ему привести в систему беспорядочное чтение. Позднее В. Яхонтов стал посещать тайный кружок, где была подпольная библиотека.

И в Костроме учащиеся всяческими правдами и неправдами пытались добывать книги на стороне. В этом плане очень интересны воспоминания анонимного автора, которые были опубликованы на страницах «Костромских епархиальных ведомостей» в 1906 г. [34], которые уже частично использовались в исследовании А.А. Соловьева по истории библиотек Костромской и Ярославской семинарии [11, с. 99].

Однако А.А. Соловьев, зафиксировав факт наличия подпольной библиотеки, оставил

в стороне политические и социальные стороны развития данного явления в духовных семинариях.

Большое влияние оказывали на семинаристов общественный подъем и движение народников. Особенно ярко этот процесс проходил в небольших провинциальных городках России, которые становились местом ссылки для тех, кто был замечен в революционной деятельности. В силу скудости провинциальной культурной жизни и дефицита образованных руководящих кадров ссыльные быстро оказывались в центре культурной и общественной жизни тех городов, куда их забросила судьба. Некоторые из них занимали определенные управленческие посты, другие занимались общественной работой, третьи продолжали собирать материал о жизни российской провинции для своих публикаций и исследований. Поэтому в ссылке народники часто начинали налаживать контакты с учащейся молодежью, в том числе и с семинаристами.

Годы учебы автора костромских воспоминаний выпали на начало 1880-х годов. В это время в Костроме проживали ссыльные Петр Заичневский и Василий Берви-Флеровский, с которыми семинаристы познакомились в городской библиотеке. Под их влиянием у семинаристов начала формироваться подпольная библиотека. Книги покупалась в складчину по совету ссыльных народников. Как вспоминал автор мемуаров, многие из рекомендованных книг по политической экономии показались скучными и неинтересными. Зато внимание привлекали сборники статей из литературных журналов «Отечественные записки», «Русская мысль». С большим интересом знакомились воспитанники с трудами П.Л. Лаврова (Миртова), Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Н.И. Кареева.

В 1890 г. в ходе обыска, произведенного полицией 4 декабря в Костромской духовной семинарии, была обнаружена тетрадка у семинариста Подора Прозорова с перечнем книг. Возможно, каталог той самой подпольной библиотеки. Среди прочего были указаны произведения классиков русской литературы — Л.Н. Толстого (причем полное собрание сочинений), Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина. Значились и такие разделы, как «Фабричный

быт», «Кустарная промышленность», «Гигиенические условия крестьянского быта», «Капитализм» [35, л. 11–43].

Известно также о существовании подпольной библиотеки во Владимирской духовной семинарии. В этом городе причастными к созданию такой библиотеки также были ссыльные народники Н.Н. Златовратский и Г.А. Фальборг, которые находились в ссылке в 1880–1890-е годы. В семинарии такую библиотеку называли «подпольной» (потому что она действительно хранилась под полом). Об истории библиотеки подробно изложено в брошюре «Записки по педагогике для воспитанников семинарии», которая была опубликована в 1912 г., а затем издана еще раз в сборнике по истории революционного движения в 1921 году [30]. Как свидетельствует данная записка, подпольная библиотека во Владимирской духовной семинарии существовала более 30 лет, количество книг в некоторые годы доходило до тысячи. Особенно большого расцвета библиотека достигла в 1870-е годы. Этому способствовал тот факт, что у семинаристов практически не было возможности нигде больше брать книги для чтения. В самой семинарии в наличии была фундаментальная библиотека, которой пользовались только преподаватели. Поэтому очень многие семинаристы жертвовали деньги на пополнение библиотеки. Весьма примечателен тот факт, что они попытались легализовать данное собрание, организовав официальную ученическую библиотеку. Воспитанники устроили сходку, пригласили туда ректора семинарии М.И. Хераскова и выразили ему желание всех воспитанников иметь свою ученическую библиотеку. Итог этой сходки оказался неожиданным: более десяти учащихся были исключены, некоторые воспитанники лишены казенного содержания, иные отделались карцером [30, с. 8–9]. В целом подпольная библиотека содержала новинки литературы по общественной мысли и лишь незначительный процент книг, запрещенных цензурой. Поэтому неслучайно в начале XX в. началось уменьшение фонда библиотеки, но была значительно пополнена официальная ученическая библиотека.

В этом контексте очень большой интерес представляют рассуждения авторов мемуаров о влиянии передовой литературы на умы молодежи. Очевидно, что эпизоды, связанные

с чтением, в ряде документов появились неслучайно. Как уже говорилось выше, во второй половине XIX в. руководство семинарий брало под особый контроль, что и как читают их воспитанники. Поэтому многие авторы, рассуждая о воспитательной системе духовной школы или вспоминая свои годы учебы, пытались одновременно ответить на вопросы: что им принесло чтение? почему воспитанники семинарии стремились к запрещенной литературе? В частности, А.П. Сердобольский писал, что им даже удалось познакомиться с запрещенной в тот момент книжкой И.С. Беллюстина «Описание сельского духовенства» [36, с. 209]. Само произведение печаталось за границей, а оттуда привозилось контрабандным путем. Крамольность этой книги состояла в том, что в ней впервые рассказывалось о бедственном положении основной массы русского духовенства. Семинаристы эту книгу украли у ректора и для прочтения собрались в квартире одного из воспитанников. Читали всю ночь, так как к утру книжку нужно было вернуть на место. При этом сам А.П. Сердобольский делает вывод, что «для массы, такое чтение не принесло существенного вреда» [36, с. 209]. Единственное влияние прогрессивной литературы он видел в том, что многие семинаристы стремились в светские учебные заведения. Об этом же пишет и И.П. Павлов. В своей автобиографии он отмечает, что именно под влиянием литературы 1860-х гг., в особенности трудов Д.И. Писарева, предпочтение оказывалось обучению естествознанию [37, с. 441]. Хотя для начала XIX в. выбор в пользу университета уже являлся крамольным, поскольку нарушал сословные устои российского общества.

Мемуары анонимного воспитанника Костромской духовной семинарии — это попытка дать ответ на вопрос: почему у семинаристов пользовались популярностью подпольные библиотеки и почему воспитанники духовной школы втягивались в революционные кружки. И автор ярко показывает, что первопричиной этому было не стремление к революционному смещению существующего строя, а унылость семинарской жизни, невозможность получить ответы на важные животрепещущие вопросы от своих преподавателей: «серьезный недостаток семинарской жизни, особенно чувствуемый те-

перь, — это почти полное отсутствие живого общения между учащими и учащимися. В светских заведениях этот недостаток не так заметен и не так ощутителен, так как семьи и более широкий круг знакомства внешкольного значительно восполняют этот недостаток. Мы же, семинаристы, большей частью оторванные от семьи, лишены возможности заводить хорошие знакомства» [34, с. 836]. Сами посиделки у ссыльных интеллигентов привлекали автора хорошей библиотекой, наличием в ней интересных альбомов, а также веселым и интересным разговором, «в котором приятно забывалась скучная семинарская действительность» [34, с. 841].

Эту же причину отмечает и автор, описывающий историю подпольной библиотеки Владимирской духовной семинарии: «Если нет живых бодрых впечатлений в школьной жизни, если вся обстановка учебного дела вызывает только отвращение, если всякое живое отношение преподавателей к ученикам является редким исключением, то нет ничего удивительного, что школьная жизнь растрачивается по пустякам на выслеживание инспекции, на школьные проделки. <...> Наиболее талантливая часть молодежи ищет выход из томительного положения. Не находя ответа на свои запросы, учащийся набрасывается на книги» [30, с. 5].

При этом следует отметить, что и сами чиновники понимали, что тяга к чтению запрещенной литературы порой вызвана просто любознательностью и интересом ко всему новому. В ходе разбора дела о чтении запрещенных книг в Вологодской духовной семинарии один из педагогов признавал, что «предметом этих школьных собраний было отнюдь не какое-либо восстание против правительства, а юношеское увлечение к новизне и необдуманное желание высказать свои взгляды на предметы, которые ими позаставлены из современных журналов» [33, л. 26].

Таким образом, книжная полка семинаристов отличалась большим разнообразием, чем книжная полка воспитанниц епархиальных училищ. Более того, официально регламентируемая книжная полка, которая предлагалась правительством, не совпадала с реальным читательским интересом семинаристов. Это несоответствие было вызвано не только высокой культурой чтения, но и более сложным социальным статусом сыновей духовенства. Расхождение меж-

ду официальной книжной полкой и реальным читательским интересом семинаристов демонстрирует процесс рассогласованности между социальным статусом духовенства и реальными нуждами подрастающих семинаристов. Это несоответствие в духовных семинариях проявлялось более ярко, чем в епархиальных училищах. Оказавшиеся в клубке социальных противоречий воспитанники духовных семинарий гораздо интенсивнее интересовались обсуждением наиболее актуальных проблем развития России. Священный синод старался всяческим образом оградить семинаристов от крамольных мыслей, тем самым подстегивая интерес к нелегальной литературе. Усиленный контроль за жизнью семинаристов, упорное навязывание строгих монастырских порядков, нежелание разумно организовать их досуг — все это развивало интерес к разнообразной литературе, которая выходила за рамки возрастных интересов и официальной идеологии.

Список источников

1. Савинова Т.Н. Библиотеки военно-учебных заведений Оренбурга (середина XVIII в. — 1918 г.) // Библиотековедение. 2017. Т. 66, № 1. С. 77–86. DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-1-77-86.
2. Пономарева В.В. Библиотеки и чтение в женских институтах Мариинского ведомства (XVIII — начало XX века) // Библиотековедение. 2014. № 5. С. 104–108. DOI: 10.25281/0869-608X-2014-0-5-104-108.
3. Бадлаева Т.В. Библиотеки при учебных заведениях в Забайкалье (вторая половина XIX века) // Библиотековедение. 2006. № 1. С. 104–110.
4. Попова О.Д. Книжная полка епархиалки: читательские интересы дочерей духовенства (вторая половина XIX в.) // Библиотековедение. 2008. № 6. С. 61–66.
5. Пигалева С.В. Библиотеки учебных заведений Перми (XIX — начало XX в.) // Библиотековедение. 2012. № 5. С. 103–109. DOI: 10.25281/0869-608X-2012-0-5-103-109.
6. Верховский П.В. Библиотека Новгородской духовной семинарии и ее сокровища. Варшава : тип. Варшавского учебного окр., 1913. 10 с.
7. Белицкий А. Ученическая библиотека в Новгородской духовной семинарии. Новгород : [б. и.], 1891. 12 с.

8. Систематический каталог книг Фундаментальной библиотеки Казанской духовной семинарии. Казань : [б. и.], 1889. 388 с.
9. Лилеев М.И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии / сост. М.И. Лилеев. [Санкт-Петербург : Тип. В.С. Балашева], 1880. 215 с.
10. Андронников Н.О. Историческая записка о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. Кострома : Типо-литогр. Балакирева, 1874. 107, 32, [4] с.
11. Соловьев А.А. Библиотеки Костромской и Ярославской духовных семинарий в середине XVIII — начале XX века // Библиотекосведение. 2015. № 1. С. 98–102. DOI: 10.25281/0869-608X-2015-0-1-98-102.
12. Бойтунова С.И. Распространение и бытование книги в духовном ведомстве и учебных заведениях Якутии (1638–1917 гг.) // Библиотекосведение. 2017. Т.66, № 6. С. 659–665. DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-6-659-665.
13. Воронина Н.А., Мишучков А.А. История библиотеки Оренбургской духовной семинарии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2017. № 2 (8). С. 113–125.
14. Григорьева И.Л., Салоников Н.В. История библиотеки Новгородской духовной семинарии: 1706–1925 гг. // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2009. № 53. С. 16–19.
15. Валитов А.А. Библиотека Тобольской духовной семинарии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.): характеристика фонда // Библиотекосведение. 2013. № 6. С. 102–107. DOI: 10.25281/0869-608X-2013-0-6-102-107.
16. Солонников Н.В. Библиотека Новгородской духовной семинарии: состав и история формирования: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Великий Новгород, 2004. 190 с.
17. Пичугин П.В. Из истории Воронежской духовной семинарии и ее библиотеки (XVIII в.) // Румянцевские чтения — 2016. Ч. 2 : материалы Международной научно-практической конференции Российской государственной библиотеки (12–13 апр. 2016) : [в 2 ч.]. Москва : Пашков дом, 2016. С. 43–47.
18. Пичугин П.В. История библиотеки духовной семинарии в Рязани (XVIII век) // Библиотекосведение. 2010. № 2. С. 100–104.
19. Пичугин П.В. Духовные семинарии и их библиотеки в истории отечественного просвещения (XVIII в.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 2. С. 237–240.
20. Бачалдин И. Что читают в духовной школе? (Анкета среди учащихся). Вологда : Тип. Губернского правления, 1912. 36 с.
21. По содержанию ученической библиотеки в 1885 году // Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 432. Оп. 1. Д. 3515. 25 л.
22. Соломин Г.К. Автобиография // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 725. Д. 3. 92 л.
23. Цезаревский П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания // Звонарь. 1906. № 2/3. С. 272–294.
24. С-к-й [Сердобольский А.П.] Из воспоминаний Воронежского семинариста 1859 до 1865 гг. // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 17. Часть неофиц. С. 683–703.
25. С-к-й [Сердобольский А.П.] Из воспоминаний Воронежского семинариста 1859 до 1865 гг. // Воронежские епархиальные ведомости. 1900. № 17. Часть неофиц. С. 740–751.
26. Цезаревский П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания // Звонарь. 1907. № 8. С. 90–107.
27. Галабутский Ю.А. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев : Тип. Университета св. Владимира, 1902. 36 с.
28. Чечнева А.В. На родине академика И.П. Павлова. Путеводитель. Рязань, 1999. 103 с.
29. В.Я. Яхонтов. Моя жизнь и мои воспоминания // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 7. Д. 103. 505 л.
30. Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии ; Записки Н.Л. Скалозубова о тюрьме и ссылке ; Из материалов по начальной истории костромского рабочего движения. Кострома : Школа печатного производства, 1921. 48 с.
31. О ревизии в 1883 году Статским Советником Миропольским духовно-учебных заведений Костромской епархии // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 9 (1883). Д. 15. 155 л.

32. По составлению отчета по учебной и воспитательной части Костромской духовной семинарии за 1883/4 учебный год // Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 432. Оп. 1. Д. 3485. 45 л.
33. Об учениках Вологодской духовной семинарии, оказавшихся виновными в распространении возмутительных сочинений // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 8. Д. 26366. 87 л.
34. Из воспоминаний о семинарии // Костромские епархиальные ведомости. 1906. № 21, ч. неофиц. С. 835–843.
35. О ревизии действительным статским советником Нечаевым в 1891 году духовно-учебных заведений Костромской епархии // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 9 (1891). Д. 26. 92 л.
36. С-к-й [Сердобольский А.П.] Из воспоминаний Воронежского семинариста 1859 до 1865 гг. // Воронежские епархиальные ведомости. 1900. № 5. Часть неофиц. С. 195–210.
37. Павлов И.П. Автобиография // Полное собрание сочинений. Т. 6. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1952. 462 с.

The Reader's Interest of Seminarians during the Period of Social Rise in the Second Half of the 19th — Early 20th Century

Olga D. Popova

Ryazan State University named for S.A. Yesenin,
46, Svobody Str., Ryazan, 390000, Russia
E-mail: od-popova@mail.ru

Abstract. *The article analyzes the reader's interests of students of theological seminaries of the second half of the 19th — early 20th century. Libraries were a mandatory element of the functioning of theological seminaries. Memoirs of the seminarians provided the background for the present article. The author analyzes the state policy on formation of the ideological education of children of the clergy. The article describes the content of the libraries of theological seminaries and the mechanisms for their replenishment. The study is aimed to demonstrate that the library collections did not meet the interests of seminarians, and the reading circle of young people was being influenced by the social rise in Russia in the second half of the 19th century. Revolutionary populists were greatly affecting the reader's interests. The students of seminaries were willing to read the works of leading authors of that time: H.T. Buckle, H. Spencer, N.K. Mikhailovsky, N.G. Chernyshevsky, D.I. Pisarev. An analy-*

sis of archival documents demonstrates that the government attempted to monitor what students read in theological seminaries. Books of the leading authors were banned and withdrawn. The seminarians sought to create their own reading circle. Therefore, many students made attempts to visit city libraries, to take books from friends and acquaintances, to create their own secret collections.

The article reveals the history of secret libraries in Kostroma and Vladimir. The study helps to understand that the authors of the memoirs shared their reader's interests in order to show the impact of reading books by progressive authors. Most of the memoirs' authors claimed that the interest in the clandestine circles had been caused by a desire to diversify the monotonous daily life in seminaries. Seminarians read forbidden literature because of their interest in current problems of Russia and society.

Key words: reader's interest, library, bookshelf, theological seminaries, social rise, clergy, memoirs of seminarians.

Citation: Popova O.D. The Reader's Interest of Seminarians during the Period of Social Rise in the Second Half of the 19th — Early 20th Century, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 608–620. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-608-620.

Acknowledgements.

This article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-01-00468 — “Memoirs of Students of Spiritual and Educational Institutions as

a Reflection of the Process of Transformation of the Clergy's Mentality at the Turn of the 19th–20th Centuries”.

References

1. Savinova T.N. Libraries and Reading in the Military Schools of Orenburg (The Middle of the 18th Century – 1918), *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2017, vol. 66, no. 1, pp. 77–86 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-1-77-86.
2. Ponomareva V.V. Libraries and Reading in the Women's Institutes of Mariinsky Department (The 18th – Beginning of the 20th Century), *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2014, no. 5, pp. 104–108 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2014-0-5-104-108.
3. Badlaeva T.V. Libraries at the Educational Institutions in Transbaikalia (The Second Half of the 19th Century), *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2006, no. 1, pp. 104–110 (in Russ.).
4. Popova O.D. An Eparchial Girl's Bookshelf: The Reader's Interests of the Daughters of Clergy (The Second Half of the 19th Century), *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2008, no. 6, pp. 61–66 (in Russ.).
5. Pigaleva S.V. Libraries of the Perm Educational Institutions (The 18th – Beginning of the 20th Century), *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2012, no. 5, pp. 103–109 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2012-0-5-103-109.
6. Verkhovsky P.V. *Biblioteka Novgorodskoi dukhovnoi seminarii i ee sokrovishcha* [The Library of the Novgorod Theological Seminary and its Treasures]. Warsaw, Varshavskogo Uchebnogo Okruga Publ., 1913, 10 p.
7. Belitsky A. *Uchenicheskaya biblioteka v Novgorodskoi dukhovnoi seminarii* [Students' Library in the Novgorod Theological Seminary]. Novgorod, 1891, 12 p.
8. *Sistematicheskii katalog knig Fundamental'noi biblioteki Kazanskoi dukhovnoi seminarii* [The Systematic Catalogue of Books of the Fundamental Library of the Kazan Theological Seminary]. Kazan, 1889, 388 p.
9. Lileev M.I. *Opisanie rukopisei, khranyashchikhsya v biblioteke Chernigovskoi dukhovnoi seminarii* [Description of the Manuscripts Stored in the Library of the Chernigov Theological Seminary], 1880, 215 p.
10. Andronnikov N.O. *Istoricheskaya zapiska o Kostromskoi dukhovnoi seminarii i Kostromskoi gubernskoi gimnazii* [A Historical Note on the Kostroma Theological Seminary and Kostroma Provincial Gymnasium]. Kostroma, Balakireva Publ., 1874, 107, 32 p.
11. Solovyov A.A. Libraries of the Kostroma and Yaroslavl Theological Schools in the Middle of the 18th – Beginning of the 20th Century, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2015, no. 1, pp. 98–102 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2015-0-1-98-102.
12. Boitunova S.I. Distribution and Existence of Books in the Religious Department and Educational Institutions of Yakutia (1638–1917), *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2017, vol. 66, no. 6, pp. 659–665 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-6-659-665.
13. Voronina N.A., Mishuchkov A.A. The History of the Library of the Orenburg Theological Seminary, *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii* [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary], 2017, no. 2 (8), pp. 113–125 (in Russ.).
14. Grigoryeva I.L., Salonikov N.V. The History of the Library of the Novgorod Theological Seminary: 1706–1925, *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Bulletin of the Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University], 2009, no. 53, pp. 16–19 (in Russ.).
15. Valitov A.A. The Library of the Tobolsk Theological Seminary (The Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century): Description of the Library Holding, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2013, no. 6, pp. 102–107 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2013-0-6-102-107.
16. Solonnikov N.V. *Biblioteka Novgorodskoi dukhovnoi seminarii: sostav i istoriya formirovaniya* [The Library of the Novgorod Theological Seminary: Composition and History of Formation], Cand. hist. sci. diss.: 07.00.09. Veliky Novgorod, 2004, 190 p.
17. Pichugin P.V. From the History of the Voronezh Theological Seminary and its Library (The 18th Century), *Rumyantsevskie chteniya – 2016. Ch. 2: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (12–13 apr. 2016)* [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference of the Russian State Library “Rumyantsev Readings – 2016. Part 2” (April 12–13, 2016)]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2016, pp. 43–47 (in Russ.).

18. Pichugin P.V. The History of the Library of the Theological Seminary in Ryazan (The 18th Century), *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2010, no. 2, pp. 100–104 (in Russ.).
19. Pichugin P.V. Theological Seminaries and their Libraries in the History of National Education (The 18th Century), *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2009, no. 2, pp. 237–240 (in Russ.).
20. Bachaldin I. *Chto chitayut v dukhovnoi shkole? (Anketa sredi uchashchikhsya)* [What Do People Read in a Theological School? (A Questionnaire among Students)]. Vologda, Gubernskogo Pravleniya Publ., 1912, 36 p.
21. On the Content of Students' Library in 1885, *Gosudarstvennyi arkhiv Kostromskoi oblasti (GAKO)* [State Archive of the Kostroma Region], coll. 432, aids 1, fol. 3515, 25 p. (in Russ.).
22. Solomin G.K. Autobiography, *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [Manuscripts Department of the National Library of Russia], coll. 725, fol. 3, 92 p. (in Russ.).
23. Tsezarevsky P.V. The Sixties in a Theological Seminary. Memoirs, *Zvonar'* [Bell Ringer], 1906, no. 2/3, pp. 272–294 (in Russ.).
24. S-k-y. From the Memoirs of a Voronezh Seminarian 1859 to 1865, *Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], 1899, no. 17, unofficial part, pp. 683–703 (in Russ.).
25. S-k-y. From the Memoirs of a Voronezh Seminarian 1859 to 1865, *Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], 1900, no. 17, unofficial part, pp. 740–751 (in Russ.).
26. Tsezarevsky P.V. The Sixties in a Theological Seminary. Memoirs, *Zvonar'* [Bell Ringer], 1907, no. 8, pp. 90–107 (in Russ.).
27. Galabutsky Yu.A. *Iz vospominanii o dukhovnoi shkole 70-kh godov* [From the Memories of a Theological School of the 70s]. Kiev, Universiteta sv. Vladimira Publ., 1902, 36 p.
28. Chechneva A.V. *Na rodine akademika I.P. Pavlova. Putevoditel'* [In the Homeland of Academician I.P. Pavlov. A Guide]. Ryazan, 1999, 103 p.
29. V.Ya. Yakhontov. My Life and my Memoirs, *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [Manuscripts Department of the National Library of Russia], coll. 1000, aids 7, fol. 103, 505 p. (in Russ.).
30. *Iz materialov po istorii podpol'noi biblioteki i tainogo kruzhka Vladimirskoi seminarii; Zapiski N.L. Skalozubova o tyur'me i ssylke; Iz materialov po nachal'noi istorii kostromskogo rabocheho dvizheniya* [From the Materials on the History of the Clandestine Library and Secret Circle of the Vladimir Seminary; N.L. Skalozubov's Notes about the Jail and Exile; From the Materials on the Early History of the Kostroma Workers' Movement]. Kostroma, Shkola Pechatnogo Proizvodstva Publ., 1921, 48 p.
31. On the Audit in 1883, by State Councillor Miropol'sky, of Spiritual and Educational Institutions of the Kostroma Diocese, *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], coll. 802, aids 9 (1883), fol. 15, 155 p. (in Russ.).
32. On Preparation of the Report on the Educational Part of the Kostroma Theological Seminary for Academic Year 1883/4, *Gosudarstvennyi arkhiv Kostromskoi oblasti (GAKO)* [State Archive of the Kostroma Region], coll. 432, aids 1, fol. 3485, 45 p. (in Russ.).
33. On the Students of the Vologda Theological Seminary Who Appeared to Be Guilty of Distribution of Outrageous Compositions, *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], coll. 802, aids 8, fol. 26366, 87 p. (in Russ.).
34. From the Memories of the Seminary, *Kostromskie eparkhial'nye vedomosti* [Kostroma Diocesan Gazette], 1906, no. 21, unofficial part, pp. 835–843 (in Russ.).
35. On the Audit, by Active State Councillor Nechaev, in 1891 of Spiritual and Educational Institutions of the Kostroma Diocese, *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], coll. 802, aids 9 (1891), fol. 26, 92 p. (in Russ.).
36. S-k-y. From the Memoirs of a Voronezh Seminarian 1859 to 1865, *Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], 1900, no. 5, unofficial part, pp. 195–210 (in Russ.).
37. Pavlov I.P. Autobiography, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 6. Moscow, Leningrad, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1952, 462 p. (in Russ.).

НАУЧНОЕ ЦИТИРОВАНИЕ: РИНЦ, WEB OF SCIENCE, SCOPUS

Журнал «Обсерватория культуры» уделяет значительное внимание качеству научного цитирования в публикуемых статьях. В помощь авторам редакция рекомендует обучающие ресурсы (в онлайн- и офлайн-режимах).

Российская государственная библиотека проводит регулярные лекции по научному цитированию, на которых дается общее представление о наукометрических показателях. Пользователей обучают оптимальным подходам к работе с базами данных научного цитирования Web of Science, Scopus, РИНЦ.

Участие бесплатное, вход по читательскому билету. Подробности и расписание лекций на сайте Российской государственной библиотеки <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/>

Web of Science

Компания **Clarivate Analytics** проводит вебинары (на русском языке) по базовым и расширенным возможностям **Web of Science** и других информационных ресурсов Clarivate Analytics (ResearcherID, Publons, EndNote и др.).

Предусмотрены различные серии:

- ◆ Информационные инструменты для авторов научных публикаций;
- ◆ Информационные инструменты для анализа научной деятельности;
- ◆ Практические рекомендации по публикации в международных журналах.

Видеозаписи прошедших вебинаров доступны на канале YouTube: <https://www.youtube.com/user/WOKtrainingsRussian/>

http://info.clarivate.com/rcis_webinars_schedule

ELSEVIER
Scopus

Издательство **Elsevier** предоставляет подробные материалы (на русском языке) о крупнейшей в мире единой реферативной базе данных **Scopus** (<http://www.scopus.com/>), которая индексирует более 21 тыс. наименований научно-технических и медицинских журналов примерно 5 тыс. международных издательств. Сегодня данные из Scopus признаны Минобрнауки РФ в качестве критериев общероссийской системы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений. Описание возможностей базы данных, списки российских журналов, индексируемых в Scopus, информация по управлению авторскими профилями и профилями организаций представлены на сайте «**Elsevier в России**».

<http://www.elsevierscience.ru/products/scopus>

УДК 304.4
ББК 71.41
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-5-622-631

А.Ф. БЕЛОЗОР

МАЛЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРОД КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Алина Федоровна Белозор,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Брянский филиал,
кафедра социально-гуманитарных дисциплин,
доцент

Горького ул., д. 18, Брянск, 241050, Россия

кандидат культурологии
E-mail: a_belozor@mail.ru

Реферат. Уникальность исторического города заключается в его древности происхождения (середина XVIII в. и ранее); в сохранившейся историко-культурной и архитектурной среде; во взаимосвязи города со значимыми историческими событиями страны; в существующих до настоящего времени традиционных народных промыслах, ремеслах, народном творчестве. Он позиционируется как уникальный объект наследия, содержащий основные социокультурные характеристики нации.

Попытки научного обоснования феномена малого исторического города как потенциала культурного наследия в контексте его социо-

культурной значимости для государства, общества и местного сообщества с его достоинствами и проблемами предпринимались в трудах некоторых авторов начиная с 1980-х годов.

Цель настоящего исследования — показать потенциал малого исторического города в реализации государственной культурной политики.

Представлен анализ различных научных подходов к содержанию понятия «исторический город». Терминологическая цепочка «культурный ресурс», «культурный ресурс хозяйственной деятельности» и «объект историко-культурного наследия» также введена в контекст статьи.

Неоценимо значение исторических городов в воспитании, образовании и просвещении граждан. В научно обоснованных выводах и официальных документах констатируется, что большинство малых исторических городов самостоятельно не могут решить накопившиеся проблемы. Значительное количество памятников истории и культуры требует реставрации. Включение потенциала малого исторического города в социокультурное пространство целесообразно осуществлять на основе программ сохранения наследия, развития туризма, народного творчества и художественных промыслов,

публикаций результатов исторических и культурологических исследований, формирования комплекса научно-документальных фильмов и телепрограмм.

Рассмотрен опыт Великобритании по охране культурного наследия.

Проанализированы российские законодательные акты за последние 50 лет в отношении архитектурных памятников, исторических городов и поселений. Уделено внимание и эволюции подходов к управлению историко-культурным наследием России за последние годы.

Полученные данные показывают, что координаторами деятельности в сфере охраны культурного наследия, туризма могут стать региональные органы исполнительной власти, организаторами — органы местного самоуправления.

Ключевые слова: малый исторический город, историческое поселение, культурное наследие, культурная политика.

Для цитирования: Белозор А.Ф. Малый исторический город как объект культурного наследия // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 622–631. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-622-631.

Малый исторический город без преувеличения можно назвать уникальным культурным феноменом. Являясь небольшим с точки зрения занимаемой площади и количества проживающих, он тем не менее концентрирует в себе основные социокультурные характеристики нации. Именно в малых исторических городах можно наблюдать тесную взаимосвязь исторических событий с современной жизнью, преемственность поколений, сохранившиеся до наших дней народные промыслы, ремесла, элементы народного творчества.

В современной практике сохранения и использования объектов культурного наследия уделяется равноценное внимание охране и хозяйственному обороту объектов культурного наследия во взаимосвязи с окружающей природной средой.

Для исторических населенных мест разрабатывается специальная научная документация, в которой обобщаются результаты исторического, культурного и архитектурного наследия, осуществляется научный анализ его значимости. Эти документы являются основой как для сохранения исторического облика, так и решения вопросов нового строительства, транспортных коммуникаций, инженерной инфраструктуры, функционального использования территории и т. д.

МАЛЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРОД В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Развитие историко-культурных территорий, их хозяйственное применение, расширяющаяся застройка, использование современных строительных технологий, конструкций и материалов требуют повышенного внимания граждан и власти к охране наследия, бережному отношению к историко-культурной среде. В то же время реальность такова, что данные проблемы не всегда находятся в поле зрения государственных и муниципальных властей. Это особенно актуально для малых исторических городов России. Они относятся к той категории поселений, которые находятся в специфическом социальном и экономическом положении, что требует нетрадиционного подхода при осуществлении на их территории хозяйственной деятельности. Социокультурная среда того или иного исторического города особенна, имеет только ей присущие индивидуальности. Они должны учитываться при разработке программ и проектов перспективного развития [1, с. 3].

Цель настоящего исследования — показать значимость малого исторического города и необходимость его включения как объекта культурного наследия в государственную культурную политику.

При всем многообразии подходов в разных отраслях науки к содержанию категории «исторический город» существенных различий в их определении не наблюдается. Понятия «исторический город», «малый исторический город»

общеизвестны в бытовом и профессионально-научном языке.

Рассмотрим сформировавшиеся к настоящему времени научные подходы к содержанию этого понятия.

Ряд исследователей определяют исторический город как уникальную территорию, традиционную социально-культурную систему, в которой сосредоточены значимые историко-культурные и природные объекты [2, с. 91–92].

Другие авторы рассматривают исторический город в контексте многофункционального объекта материальной культуры, который в процессе длительного развития не утратил свою изначальную архитектурно-историческую среду.

В наше время исторический город воспринимается прежде всего с точки зрения ценности материального культурного наследия, олицетворяющего творческую деятельность человека и концентрирующего его исторический опыт [3, с. 4]. Городская среда, хранящая следы исторического формирования, является своеобразным традиционным фондом и обладает незаменимым ценностным потенциалом, способным к реализации в современной культуре.

Следующая группа исследователей определяет исторический город в контексте давности (времени) его образования. Точкой отсчета для России неформально установлена середина XVIII в. и более ранние периоды. В данном случае исторический город является таким поселением, которое возникло в указанные периоды, сохранило свой архитектурный облик, не утратило городской статус. Авторы выделяют его как поселение людей, сохранившее в своей среде определенную взаимосвязь материальных свидетельств исторического развития: планировку, застройку, благоустройство и особенности городской жизни. На основе результатов научных исследований закрепляют их историческую и культурную ценность, регламентируют хозяйственную деятельность, разрабатывают научно обоснованные мероприятия по сохранению и развитию данного поселения. Часто нормативным правовым актом устанавливается особый статус исторического города [4, с. 6–8].

Наряду с ними к проблеме исторического города в контексте взаимосвязи материального

и духовного обращались в своих исследованиях А.Ю. Беккер и А.С. Щенков [5], Ж.Б. Балдандоржиев [6], Ю.В. Величко [7], Н.В. Романова [8].

В.В. Новосельская рассматривает проблему исторического города через призму охраны культурного наследия [9, с. 176–178]. Выделяет уникальность историко-культурного объекта посредством научно обоснованной фиксации материальных свидетельств известных исторических событий, образа жизни и культуры проживавших ранее и проживающих в настоящее время здесь людей, их эстетических и религиозных ценностей.

Проблема малого исторического города представляет не только исключительно научный интерес, но и имеет большое социально-экономическое значение. Развивая идеи Д. Тросби о важности культурного капитала в устойчивом развитии общества и необходимости отношения к культурному наследию как ценному экономическому активу [10, с. 113], Е.В. Никонорова подчеркивает значимость совмещения понятий культуры и экономики и разработки концепции культурного капитала в целях развития и сохранения культурного многообразия [11, с. 600].

О жизненной важности и актуальности проблемы малых исторических городов свидетельствует и тот факт, что она неоднократно становилась предметом многочисленных дебатов и темой круглых столов, проводимых в рамках культурных форумов регионов России. В дискуссиях принимают участие не только ученые-культурологи, но и лица, ответственные за разработку и реализацию культурной политики нашей страны [12, с. 680; 13, с. 31], что, несомненно, способствует привлечению внимания к проблеме сохранения и развития исторических поселений. Как отмечал Д.С. Лихачёв, «прежде всего надо спасать культуру провинции. <...> Вспомним, что большинство талантов и гениев в нашей стране родилось и получило первоначальное образование не в Петербурге, и не в Москве. Эти города только собирали все лучшее, объединяли, способствовали процветанию культуры, но рождала гениев именно провинция» [14, с. 127].

Обобщая подходы разных авторов к содержанию культурного наследия, можно отметить

следующее. Все выделяют памятники истории и культуры как доминирующий элемент наследия, особенности в эстетических и нравственных ценностях, нормах и образцах поведения, своеобразии культуры речи, народных традиций и обычаев проживающего здесь населения, уникальность художественных промыслов и ремесел.

Исследователи, раскрывая характерные черты исторического города, включают в его содержание как материальные, так и духовные компоненты, акцентируют древность происхождения городского поселения; существующую здесь историко-культурную и архитектурную среду; связь территории со значимыми историческими событиями; сохранившиеся до настоящего времени народные промыслы, ремесла и технологии.

Важна роль культурного наследия исторических городов в воспитании, образовании и просвещении населения. Например, в Основах государственной культурной политики среди ее доминирующих целей выделены: сохранение историко-культурного наследия, дальнейшее использование объектов культурного наследия в целях образования, просвещения, воспитания; трансляция во времени российских национальных ценностей, традиций, обычаев и образцов поведения; сохранение исторической среды городов и поселений, в том числе малых городов, создание на их основе условий для развития культурно-познавательного туризма¹.

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. отмечено, что «значительная часть малых городов Российской Федерации является средоточием уникальных памятников культурного и природного наследия, центрами культурно-познавательного туризма. <...> 44 населенных пункта на территории Российской Федерации имеют статус исторического поселения федерального значения. <...> Статус исторического поселения — это шанс заявить об историко-культурной ценности застройки в установленных

границах территорий как мощном градообразующем факторе и тем самым выйти из разряда моногородов, предложив своим гражданам новый путь развития — сохранение своей исторической самобытности и создание положительного образа, что является основным фактором для привлечения инвестиций и посетителей.

Большинство малых городов, в том числе исторических поселений, неспособно самостоятельно решать многочисленные проблемы городского хозяйства. Значительное количество памятников истории и культуры в таких поселениях требует реставрации либо консервации, а большинство жилых и общественных зданий исторической застройки нуждается в модернизации, недостаточно развита социальная инфраструктура»².

Анализируя значение исторических городов в социально-экономическом развитии государства, нельзя обойти вниманием мировой опыт охраны культурного наследия. В Великобритании — государстве, известном своим бережным отношением к традициям и местам, представляющим культурную историческую ценность, очень примечательная система сохранения объектов культурного наследия. На межгосударственном уровне объекты культурного наследия находятся под юрисдикцией ЮНЕСКО. Страна ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» в 1984 году³. По состоянию на 2017 г. в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО значится 31 наименование (2,9% от общего числа) объектов Соединенного Королевства, также ведется национальная регистрация памятников. На государственном уровне осуществляется уточнение границ исторических городов. Территориальная охрана таких объектов находится в ведении местных властей на уровне графств, районов и общин, что требует соответствующих управленческих структур.

² Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 года № 326-р «Об утверждении Стратегии культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 14.03.2016 г. № 11, ст. 1552.

³ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия : принята 16 ноября 1972 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 09.08.2018).

¹ Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2014 г. № 52 (ч. I), ст. 7753.

В Англии такая система управления представляет собой координационные советы, включающие местные власти, некоммерческие организации, фонды, религиозные общества [15, р. 10–12; 16, р. 23].

Необходимо отметить, что государственное управление в охране памятников истории и культуры не играет ведущей роли. Основное значение имеют местные власти и общественные организации. Наибольшим влиянием в стране пользуется общественная организация Национальный фонд объектов исторического интереса либо природной красоты (National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty) – крупнейший собственник исторических объектов, созданный в конце XIX в. с целью охраны исторических зданий, поместий, угодий. По состоянию на 2017 г. в ведении Национального фонда их числится пятнадцать. Передача объектов исторической ценности происходит путем продажи владельцем или по завещанию. При этом важным условием является пожизненное проживание бывших хозяев. При передаче земельных угодий должно сохраняться фермерство. Процедура продажи собственности фонда очень сложна и требует одобрения обеих палат Парламента и согласия Короны, что затрудняет передачу объектов исторической и культурной ценности случайным лицам [17].

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА К ИСТОРИЧЕСКИМ ПОСЕЛЕНИЯМ

В новейшей истории развития нашей страны к статусу исторического города и количественному его составу органы государственной власти обращались неоднократно. Это наглядно демонстрируют официальные документы, принятые за последние пятьдесят лет.

В 1970 г. Постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР и Государственным комитетом Совета министров РСФСР по

делам строительства был утвержден Список городов и других населенных мест РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность.

Через двадцать лет новый список исторических населенных мест России расширился до 426 городов, 54 поселков городского типа и 56 сел⁴. В 2001 г. их уже насчитывалось 478. Было утверждено Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 815 «О федеральной целевой программе “Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)”»⁵. Программным документом выделили проблему исторических городов, их историко-культурную ценность и мероприятия по включению наследия в хозяйственный оборот⁶.

В оценке историко-культурного наследия определено четыре категории исторических поселений с учетом научного обоснования значимости, признания международным сообществом, мероприятий по его сохранению. К первой категории отнесены исторические города мирового значения (десять городов), ко второй – общегосударственного российского (46), к третьей – города регионального значения (96), к четвертой – города, не вошедшие в первые три категории (275).

Кроме того, исходя из объема сохраненной историко-культурной среды, все исторические

⁴ Постановление коллегии Министерства культуры РСФСР от 19.02.1990 г. № 12, коллегии Госстроя РСФСР от 28.02.1990 г. № 3, Президиума Центрального совета ВООПИК от 16.02.1990 г. № 12 (162) «Об утверждении нового списка исторических населенных мест РСФСР. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102101396&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 09.08.2018).

⁵ Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2001 г. № 815 «О федеральной целевой программе “Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 гг.)”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901807199> (дата обращения: 09.08.2018).

⁶ Приказ Министерства культуры РФ, Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» // Российская газета. 2010. № 219. 29 сент.

города выделены в четыре группы. В первую включены те, где историческая часть занимает половину и более территории города. Это, как правило, малые города с численностью населения не выше 12 тыс. жителей.

Во вторую группу включены города, в которых историческая часть составляет от 30 до 50% территории. Сюда отнесены 10% крупных, половина средних и примерно 60% малых исторических городов.

Третью группу составляют города, где историческая часть занимает от 15 до 30% городской территории. В эту группу входят средние, часть крупных, а также ряд малых городов.

Их историко-культурная среда значительно изменена, требует разработки мероприятий по сохранению исторического ядра, его полного или частичного воссоздания.

Четвертая группа — это города, в которых сохранившееся наследие составляет 5–15% от общей территории города. В этот сектор исторических городов включены крупные и крупнейшие города, небольшая часть средних. Историческая часть сохранилась лишь в отдельных фрагментах.

Федеральную целевую программу «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)» можно отнести к тем актам, которые имеют высокое государственное и общественное значение. В ней заложены такие меры, посредством которых обеспечивалось включение исторического и культурного наследия в ресурс социально-экономического развития этих городов. К сожалению, программа не была воплощена в жизнь из-за ограниченности финансирования.

В дальнейшем Министерство культуры Российской Федерации значительно корректировало количественный состав исторических поселений федерального значения, сократив их список до 44. В настоящее время установление правил сохранения историко-культурной среды исторических городов, не вошедших в список исторических поселений федерального значения, ограничения (или не ограничения) хозяйственной деятельности, включения их историко-культурного потенциала в хозяйственный оборот находится в компетенции региональных властей и органов местного самоуправления.

СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ

В России государству принадлежит ведущая роль по охране объектов культурного наследия. Региональные и муниципальные органы культуры, охраны и сохранения культурного наследия решают многие вопросы сохранения историко-культурной среды, составляющей потенциал малого исторического города с помощью Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»⁷, а также республиканских, краевых и областных государственных программ в сфере культуры.

В указанной программе предусмотрены значительные финансовые ресурсы на научно-проектное, археологическое сопровождение и создание инфраструктуры сохранения объектов культурного наследия, музейное развитие, реставрацию памятников, обеспечение доступа к культурному наследию в цифровом виде и др. Общий объем финансирования данной программы — около 192,9 млрд рублей.

В каждом субъекте Российской Федерации приняты региональные программы в сфере культуры. В Брянской области, например, объем финансирования государственной программы «Развитие культуры и туризма в Брянской области (2013–2020 годы)» — свыше 2,5 млрд рублей. В программе отмечено, что на территории области находится 16 поселений, возраст которых составляет 800–900 лет. В перечне основных целей и мероприятий выделено сохранение культурного и исторического наследия, расширение доступа населения к культурным ценностям и информации⁸.

⁷ Постановление Правительства РФ от 03.03.2012 г. № 186 «О федеральной целевой программе “Культура России (2012–2018 годы)”» // Собрание законодательства РФ. 26.03.2012. № 13, ст. 1516.

⁸ Постановление Правительства Брянской области от 30 декабря 2013 г. № 858-п «Об утверждении государственной программы “Развитие культуры и туризма в Брянской области (2014–2020 годы)”» // Официальная Брянщина : информ.-аналит. бюллетень. 31.12.2014. № 36.

Изменение подходов к управлению историко-культурным наследием России в последние годы формировалось под влиянием рыночной среды и обусловило переход от понятия «памятник истории» к понятиям «культурный ресурс», «культурный ресурс хозяйственной деятельности» и «объект историко-культурного наследия».

Объекты культурного и исторического наследия в ряде исследований относят к важным активам малых городов. Такой актив может приносить прибыль и существенно влиять на экономическое развитие города.

Эффективность использования культурного наследия как средства социального и экономического развития может быть продемонстрирована через успешный муниципальный менеджмент в реализации целевых проектов. Однако в отношениях органов местного самоуправления к материальному культурному наследию наблюдается недооценка его современной социальной роли. За пределы субъектно-регулирующей деятельности вытесняется важнейший его социокультурный потенциал, обеспечивающий формирование идентичности и сохранение культурного многообразия.

В этой связи для малых исторических городов на повестке дня стоит такая культурная и градостроительная региональная политика, которая обеспечила бы новые модели хозяйствования, рост экономического потенциала, рациональное и эффективное использование их культурного наследия.

Это актуально и по тем обстоятельствам, что в настоящее время в муниципальном управлении наблюдаются противоречия в самой системе сохранения, охраны и развития малого исторического города. Комплексный подход в решении данной триединой задачи помог бы органам местного самоуправления справиться с многолетней проблемой сохранения историко-культурной среды, с одной стороны, и развития города — с другой.

Как в научном, так и в практическом плане для осознания малого исторического города как особого объекта культурного наследия были бы эффективны такие направления решения обозначенных нами проблем, как системное осмысление исторического города с историко-культурным потенциалом, его ис-

пользование в системе образования, просвещения и воспитания; включение наследия в хозяйственный городской оборот.

Важно уточнить не только смысл научного содержания понятия «сохранение объекта культурного наследия», но и раскрыть его правовое обоснование. Так, в законодательстве — это направленные на обеспечение физической сохранности объекта культурного наследия ремонтно-реставрационные работы, консервация либо ремонт памятника, его приспособление для современного использования. Сюда включено научно-исследовательское и проектное сопровождение таких мероприятий, научно-методическое руководство, технический и авторский надзор⁹.

Решая задачи первого направления, в целях обеспечения сохранности историко-культурной среды малого исторического города на его территории важно установить следующие зоны: охраны, регулирования застройки и хозяйственной деятельности, охраняемого природного ландшафта. Необходимый состав зон охраны исторического города следует определять проектом.

Охранную зону установить на территории, в пределах которой на основе охранных мероприятий, запрета или ограничения строительной и хозяйственной деятельности обеспечивается сохранность объекта культурного наследия, устанавливается особый режим использования земель, поощряются меры по сохранению либо воссозданию культурного наследия.

В зоне второго контура — зоне регулирования застройки и хозяйственной деятельности необходимо регламентировать использование земель, строительства и иной хозяйственной деятельности, утвердить требования к реконструкции существующих зданий и сооружений.

В третьей зоне охраняемого природного ландшафта установить ограничения по использованию территории, строительства и реконструкции существующих градостроительных объектов в целях сохранения ландшафта,

⁹ Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.07.2002. № 26, ст. 2519.

включая поймы рек и озер, лесные и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культурного наследия.

Реализуя требования охранного и градостроительного законодательства, далее необходимо разработать генеральный план исторического города с включением в него всех мероприятий охранного зонирования.

В контексте реализации государственной культурной политики включение потенциала малого исторического города в социокультурное пространство целесообразно осуществлять на основе программ сохранения наследия, научных исследований, развития туризма, народного творчества и художественных промыслов, публикаций результатов исторических и культурологических исследований, формирования комплекса научно-документальных фильмов и телепрограмм. Координатором такой деятельности могут стать региональные органы исполнительной власти в сфере охраны культурного наследия, культуры, туризма. Организаторами — органы местного самоуправления.

Включая в систему управления малым историческим городом вопросы охраны и сохранения культурного наследия, можно значительно сократить существующие противоречия между сохранением и развитием и добиться положительных результатов в росте его социально-экономического потенциала.

Таким образом, малый исторический город — это уникальный культурологический и социально-экономический феномен, сочетающий в себе основные социокультурные характеристики нации, а именно: действующие вписанные в социокультурный ландшафт объекты культурного наследия, характерные для данного народа морально-нравственные ценности, традиции и обычаи, образцы поведения, уникальные промыслы и ремесла. Данная комбинация элементов позволяет поселению играть важную роль в воспитании, образовании и просвещении подрастающего поколения в духе национальной и культурной идентичности. К сожалению, в условиях современной экономической ситуации малые исторические города не в силах самостоятельно решать многочисленные проблемы по охране и эксплуатации объектов культурного наследия. Изученный исторический и меж-

дународный опыт в сфере сохранения памятников истории и культуры позволяет сделать вывод о необходимости принятия комплексных мер по рациональному и эффективному их использованию, в числе которых можно отметить разработку государственных программ, проведение научных исследований, развитие культурного туризма и др.

Список источников

1. *Мамонова О.П.* Социально-культурные особенности малых исторических городов центрального экономического района России : дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2003. 194 с.
2. *Веденин Ю.А., Шульгин П.М.* Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая. 1992. № 3. С. 90–99.
3. *Манонина Т.Н.* Государственное регулирование застройки городов России в XIX — начале XX века (на примере Западной Сибири) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Томский гос. ун-т. Томск, 2011. 31 с.
4. *Крогиус В.Р.* Исторические города России как феномен ее культурного наследия: основы идентификации, сводная характеристика, аналитическая выборка. Москва : Прогресс-Традиция, 2009. 310 с.
5. *Беккер А.Ю., Щенков А.С.* Современная городская среда и архитектурное наследие. Москва : Стройиздат, 1986. 200 с.
6. *Балдандоржиев Ж.Г.* Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия: на примере малых городов Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... канд. культурологии / Забайкальский гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Чита, 2011. 23 с.
7. *Величко Ю.В.* Феномен культурной среды малых городов Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2005. 23 с.
8. *Романова Н.В.* Востребованность культурного наследия малых городов России (на примере города Муром Владимирской области) : автореф. дис. ... канд. культурологии / Московский гос. ун-т культуры и искусств. Москва, 2007. 24 с.
9. *Новосельская В.В.* Современные проблемы охраны культурного наследия в Республике Крым //

- Обсерватория культуры. 2016. Т. 1, № 2. С. 176–182. DOI: 10.25281/2072-3156-2016-1-2-176-182.
10. Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнareвой. Москва : Высшая школа экономики, 2013. 256 с.
11. Никонова Е.В. Культурный и природный капитал: устойчивость развития и возможности управления // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 5. С. 600–605. DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-5-600-605.
12. Астафьева О.Н., Коротева О.В., Шубаева Е.А. Образование и культура в социокультурном развитии регионов России // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 677–685. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-677-685.
13. Шлыкова О.В. Культурный диалог регионов России: механизмы партнерства власти, общества и бизнеса // Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 28–35.
14. Лихачёв Д.С. Провинция и великие «малые» города // Русская культура. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2007. С. 127–157.
15. Jenkins D.J. Concept of the cultural heritage in Britain // Europ. Heritage (Council of Europe). 1995. №. 3. P. 10–12.
16. Landscape Character Assessment. Guidelines for England and Scotland. Sheffield : Ed. of Land use Consultants and Department of Landscape Univ. of Sheffield, 2000. 63 p.
17. How we are run [Электронный ресурс] / National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty : офиц. сайт. URL: <https://www.nationaltrust.org.uk/features/how-we-are-run> (дата обращения 05.08.2018).

Small Historic Town as an Object of Cultural Heritage

Alina F. Belozor

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk Branch, 18, Gorkogo Str., Bryansk, 241050, Russia
E-mail: a_belozor@mail.ru

Abstract. *The uniqueness of a historic town lies in its ancient origin (the middle of the 18th century and earlier); in the preserved historical, cultural and architectural environment; in the relationship of the town with significant historical events of the country; in the traditional folk crafts and arts that exist to the present time. It is positioned as a unique heritage site containing the main socio-cultural characteristics of the nation.*

Since the 1980s, some authors' works have been attempting to scientifically substantiate the phenomenon of small historic town as a potential of cultural heritage in the context of its socio-cultural significance for the state, society and local community, with its advantages and problems.

The purpose of this study is to show the potential of small historic town in the state cultural policy implementation. An analysis of various scientific approaches to the content of the concept of "historic town" is presented. The terminological chain "cultu-

ral resource", "cultural resource of economic activity" and "object of historical and cultural heritage" is also included in the context of the article.

The importance of historic towns in the training, education and enlightenment of citizens is invaluable. Scientifically based conclusions and official documents state that the majority of small historic towns cannot solve the accumulated problems on their own. A significant number of historical and cultural monuments require restoration.

The inclusion of the potential of small historic town into the socio-cultural space should be carried out on the basis of programs of heritage preservation, development of tourism, folk arts and crafts, publication of the results of historical and cultural studies, creation of a complex of scientific documentaries and TV programs.

The experience of Great Britain in protection of cultural heritage is considered.

The article analyzes the Russian legislative acts over the past 50 years in relation to architectural monuments, historic towns and settlements. The author focuses on the recent evolution of approaches to the management of historical and cultural heritage of Russia.

The obtained data demonstrate that regional executive authorities can become the coordinators of activities in the field of cultural heritage protection and tourism; and local authorities can be the organizers.

Key words: small historic town, historic settlement, cultural heritage, cultural policy.

Citation: Belozor A.F. Small Historic Town as an Object of Cultural Heritage, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 622–631. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-622-631.

References

1. Mamonova O.P. *Sotsial'no-kul'turnye osobennosti malykh istoricheskikh gorodov tsentral'nogo ekonomicheskogo raiona Rossii* [Social and Cultural Characteristics of Small Historic Towns of the Central Economic Region of Russia], Cand. geogr. sci. diss.: 25.00.24. Moscow, 2003, 194 p.
2. Vedenin Yu.A., Shulgin P.M. New Approaches to Preservation and Usage of Cultural and Natural Heritage in Russia, *Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographic Series], 1992, no. 3, pp. 90–99 (in Russ.).
3. Manonina T.N. *Gosudarstvennoe regulirovanie zastroiki gorodov Rossii v XIX – nachale XX veka (na primere Zapadnoi Sibiri)* [State Regulation of the Urban Development in Russia in the 19th – Early 20th Centuries (By the Example of Western Siberia)], Cand. hist. sci. diss. abstr. Tomsk, 2011, 31 p.
4. Krogius V.R. *Istoricheskie goroda Rossii kak fenomen ee kul'turnogo naslediya: osnovy identifikatsii, svodnaya kharakteristika, analiticheskaya vyborka* [Historic Towns of Russia as a Phenomenon of its Cultural Heritage: Identification Bases, Summary Characteristics, Analytical Samples]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2009, 310 p.
5. Bekker A.Yu., Shchenkov A.S. *Sovremennaya gorodskaya sreda i arkhitekturnoe nasledie* [The Modern Urban Environment and the Architectural Heritage]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1986, 200 p.
6. Baldandorzhiev Zh.G. *Malye goroda: tipologiya i klassifikatsiya v kontekste kul'turnogo naslediya: na primere malykh gorodov Vostochnogo Zabaikal'ya* [Small Towns: Their Typology and Classification in the Context of Cultural Heritage: By the Example of Small Towns of the Eastern Trans-Baikal Region], Cand. cult. diss. abstr. Chita, 2011, 23 p.
7. Velichko Yu.V. *Fenomen kul'turnoi sredy malykh gorodov Zapadnoi Sibiri* [The Phenomenon of Cultural Environment of Small Towns of Western Siberia], Cand. philos. sci. diss. abstr. Tambov, 2005, 23 p.
8. Romanova N.V. *Vostrebovannost' kul'turnogo naslediya malykh gorodov Rossii (na primere goroda Muroma Vladimirskoi oblasti)* [The Relevance of Cultural Heritage of Small Towns of Russia (By the Example of Murom of the Vladimir Region)], Cand. cult. diss. abstr. Moscow, 2007, 24 p.
9. Novoselskaya V.V. Contemporary Issues of the Cultural Heritage Protection in the Republic of Crimea, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2016, vol. 1, no. 2, pp. 176–182 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2016-1-2-176-182.
10. Throsby D. *Economics and Culture*. Moscow, Vysshaya Shkola Ekonomiki Publ., 2013, 256 p. (in Russ.).
11. Nikonorova E.V. Cultural and Natural Capital: The Sustainable Development and Manageability, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2016, vol. 13, no. 5, pp. 600–605 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-5-600-605.
12. Astafyeva O.N., Koroteeva O.V., Shibaeva E.A. Education and Culture in the Socio-Cultural Development of Russian Regions, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 6, pp. 677–685 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-677-685.
13. Shlykova O.V. Cultural Dialogue of Russian Regions: Partnership Mechanisms of the Government, Society and Business, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2015, no. 6, pp. 28–35 (in Russ.).
14. Likhachov D.S. The Province and the Great “Small” Towns, *Russkaya kul'tura* [Russian Culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2007, pp. 127–157 (in Russ.).
15. Jenkins D.J. Concept of the Cultural Heritage in Britain, *Europ. Heritage (Council of Europe)*, 1995, no. 3, pp. 10–12.
16. *Landscape Character Assessment. Guidelines for England and Scotland*. Sheffield, Land Use Consultants and Department of Landscape Univ. of Sheffield Publ., 2000, 63 p.
17. How We Are Run, *National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty: official website*. Available at: <https://www.nationaltrust.org.uk/features/how-we-are-run> (accessed 05.08.2018).

Г.Э. АББАСОВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОЙ КОМАНДИРОВКИ ПЕТРА СТАРОНОСОВА И НИКОЛАЯ КОТОВА НА ПАМИР В 1932 ГОДУ

Галина Эльбрусовна Аббасова,

Государственный музей изобразительных искусств
им. А.С. Пушкина,
отдел экскурсионной и лекционной работы,
ведущий методист
Волхонка ул., д. 12, Москва, 119019, Россия

E-mail: abbasova_galina@mail.ru

Реферат. Работа посвящена творческим командировкам советских живописцев и графиков в Среднюю Азию — яркому и пока практически не изученному явлению художественной жизни Советского Союза. Цель настоящей статьи — отчасти восполнить пробел, существующий в изучении художественной жизни СССР 1930-х годов. Впервые предметом исследования являются произведения П. Староносова и Н. Котова, созданные ими в 1932 г. во время пребывания на Памире в составе экспедиции Академии наук СССР. На основе ранее не публиковавшихся архивных материалов, а также советской периодической печати воспроизведен маршрут следования художников, освещается специфика творческой работы в полевых условиях. Описываются, анализируются и сопоставляются малоизвестные произведения П. Староносова и Н. Котова.

Рассматриваются как чисто технические, так и художественные задачи, поставленные перед художниками на Памире: от выбора инструментов и красок, которые целесообразно было использовать в дороге, до проблем пространственно-перспективного построения и передачи цвета. Творческие эксперименты художников во многом были обусловлены специфической природой Памира: разнообразные ландшафты с равнинами и возвышающимися над ними отвесными скалами меняли восприятие пространства, а восточное солнце преображало краски, открывая необозримое поле для экспериментов с цветом. Кроме того, облик местных жителей, их быт, одежда и украшения очень отличались от привычных европейскому глазу реалий. В связи с этим насущной необходимостью стал поиск тонкой грани между этнографическим подходом и полным отрицанием традиционного Востока, нередко встречавшемся среди художников и литераторов того времени.

В статье уделяется внимание отчетной выставке «Таджикская ССР — Памир», организованной по итогам творческой командировки. Исчисляемые сотнями рисунки, эскизы и наброски, созданные художниками в творческой командировке на Памир, предоставляют возможность для дальнейших более углубленных исследований.

Ключевые слова: советское искусство, творческие командировки, МОССХ, отчетные выставки, Николай Котов, Петр Староносов, Памир.

Для цитирования: Аббасова Г.Э. Неизвестные страницы творческой командировки Петра Староносова и Николая Котова на Памир в 1932 году // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 632–639. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-632-639.

Целевые командировки художников на объекты социального и индустриального строительства получили широкое распространение в Советском Союзе с 1920-х годов. Маршруты поездок были разнообразными: Москва и Ленинград, национальные окраины от Памира до Арктики, зарубежные страны. Интерес к изучению творческих командировок среди искусствоведов неуклонно растет. В последние годы вышел ряд статей [1–3] и диссертация А.А. Шанявской [4], подробно и всесторонне освещающей данную тему. Однако творческие командировки в Среднюю Азию оказываются за пределами ее исследования и по-прежнему остаются *terra incognita*.

Данная статья, призванная отчасти восполнить существующий пробел, посвящена командировке художников на Памир в 1932 г. в составе экспедиции Академии наук СССР. Условия работы в экспедиции существенно отличались от условий пребывания художников «на местах». С одной стороны, необходимость ежедневно преодолевать путь в десятки километров по пересеченной местности, тяжелые климатические условия и бытовые неудобства должны были затруднить творческую работу. С другой — постоянная смена впечатлений, обусловленная чрезвычайно разнообразным ландшафтом Памира, давала новый творческий импульс, подталкивала к нестандартным художественным решениям.

На основе материалов периодической печати, опубликованных ранее воспоминаний и никогда прежде невостробованных исследователями архивных документов, в статье реконструируются основные события твор-

ческой командировки на Памир П.Н. Староносова¹ и Н.Г. Котова². Значительная часть статьи представляет собой обстоятельное описание экспедиционного контекста, необходимого для более полного и глубокого понимания «памирских страниц» в творческой биографии Котова и Староносова: маршрут следования, специфика полевой работы, трудности и опасности путешествия по Памиру.

На этом фоне описываются, анализируются и сопоставляются эскизы и этюды, написанные обоими художниками, выявляются характерные особенности их памирских рисунков. Отметим, что полугодовое пребывание Котова и Староносова на Памире практически не нашло отражения в исследованиях, посвященных их творчеству, что придает статье особенную актуальность.

В 1932 г. по командировке Московского областного союза советских художников в составе Таджикской комплексной экспедиции Академии наук СССР на Памир отправились Н.Г. Котов и П.Н. Староносов. В задачи экспедиции, в которой приняли участие более 200 человек, входила разведка еще не изученных областей Памира, гидрологические исследования, поиск полезных ископаемых, изучение природно-климатических особенностей, флоры и фауны Памира, этнографические исследования и т. п. Как правило, художники, добывавшиеся участия в науч-

¹ Петр Николаевич Староносов (1893–1942) окончил Московское мещанское училище, работал карикатуристом в журналах «Оса», «Будильник и др., путешествовал по уральской тайге, Сибири, а также Закавказью (работал иллюстратором в турецких, грузинских, греческих и русских газетах). Его работы экспонировались на многочисленных выставках. В конце 1930-х гг. был арестован и отправлен в Казахстан, в 1942 г. вернулся в Москву, где вскоре умер. Произведения Староносова находятся в собраниях крупнейших музеев России. Подробнее см. [5].

² Николай Георгиевич Котов (1889–1968) окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В 1922 г. стал одним из учредителей Ассоциации художников революционной России (АХРР). Впервые побывал в Средней Азии в 1925 г., по итогам командировки развернулась дискуссия между А. Луначарским и Я. Тугендхольдом, настаивавшем на «этнографизме» Петра Котова [6]. В ответ нарком Просвещения подчеркивал, что, если бы уровень этнографической иллюстрации был также высок, как уровень работ Петра Котова, «то это попросту означало бы, что искусство, наконец, начинает занимать то место в школе, которое ему давно следовало бы занять...» [7]. Подробнее см.: [8].

но-исследовательских экспедициях, вынуждены были довольствоваться должностью фотографа, топографа или простого рабочего. В лучшем случае им доверялась зарисовка «скоропортящихся экспонатов» для ботаников и зоологов, фиксация надписей на камнях и плитах, захватить которые не представлялось возможным. Однако, благодаря протекции начальника экспедиции Н.П. Горбунова, Котов и Староносов были приняты на особых условиях и освобождены от работы над картами, чертежами и рисунками научных экспонатов [9]. Приоритетная задача, поставленная перед ними, заключалась в отображении пейзажа Памира, быта и повседневной жизни местного населения и пограничников Красной Армии, работы экспедиции.

В мае 1932 г. художники выехали из г. Ош, прошли через Восточный Памир, граничащий с Китаем и представляющий собой самую высокогорную часть Памира с вершинами более 6 тыс. м, далее их маршрут пролегал через Западный Памир, или Автономную Горно-Бадахшанскую область, граничащую с Афганистаном. Из г. Хорога группа из пяти человек, в которую входил Староносов, прошла «всю середину Памира» — малоисследованную область реки Бартанг, ледник Федченко и долину реки Ванч [9]. В свою очередь, Котов в составе небольшого отряда отправился на ледник Курунды. Поход завершился в ноябре 1932 г. в Сталинабаде (Душанбе). За шесть месяцев художники преодолели около 3 тыс. км, из которых пешком прошли 600 км сквозь Памир «с его дикими пустынными долинами и горами, с могучими грозными потоками туманов» [10].

Творческая командировка стала настоящим испытанием для обоих художников. Когда группа оказалась в Алайской долине на высоте 3500 м, стало трудно дышать, легкие не могли захватить нужного количества воздуха. В начале пути на подъемах через каждые два-три шага люди останавливались, чтобы отдышаться. Более слабые участники экспедиции падали на землю и «безнадежно махали руками», солнце «огнем жгло кожу лица, не помогали ни вазелин, ни цинковая мазь: щеки, нос, губы были сплошной кровавой сеткой» [11]. Однако вскоре Котов и Староносов, проходя по 25–30 км в день, приступали к работе, не чувствуя усталости, и утверждали, что высокогорный воздух,

а также движение и постоянная смена впечатлений повышают работоспособность. Во время длительных переходов нетрудно было отбиться от группы. Так, например, Н. Котов бродил без карты по долинам реки Маркансу, пересек, видимо, границу с Китаем и спустя шесть дней чудом встретил свой отряд.

Помимо жары, безжалостного солнца, высокогорного воздуха и вероятности бесследно затеряться в горах, художникам приходилось сталкиваться с препятствиями иного рода. Преодолевая горные реки с ледяной водой, они каждый раз разувались, раздевались, а иногда погружались в воду по горло. Через широкие и глубокие реки переправлялись на турсуках, мешках из бараньей кожи, надутых и связанных вместе в виде плота. Во время одной из таких переправ через Сельдару трагически погиб молодой художник А.А. Зеленский³. Его имя дали пику, возвышавшемуся над кладбищем в Алтын-Мазаре, на котором художник был похоронен [13; 14].

Периодически от основной группы отделялись небольшие отряды, каждый из которых выполнял особые поручения. Так, в составе группы из пяти человек, возглавляемой Н.П. Горбуновым, Староносов отправился в центр Памира, в самую малоисследованную его область — Бартанг. Здесь пролегалли дороги, по которым не могла пройти верховая лошадь, обрывавшиеся «на каждом шагу», обрамленные отвесными стенами гор. Староносов цеплялся за «крошечные каменные карнизы», в то время как внизу на несколько сотен метров «с ревом» летела горная река. Художник на ходу изучал «альпинистские, а подчас и цирковые приемы» [5]. С рюкзаком весом в два пуда, полушубком и этюдником в пол-листа ватмана за спиной Петр Николаевич карабкался по каменным стенам над пропастями, прыгал через трещины в километр глубиной, шел через снеговые поля (а в это время при спуске в долину реки Ванч некоторые носильщики-таджики бросали груз и спускались на четвереньках).

Экспедиционный караван шел с рассвета и до сумерек, каждые 5–6 дней устраивались дневки, и для художников наступал наиболее

³ Подробнее о гибели художника написал в своих воспоминаниях участник Таджикской комплексной экспедиции М. Ромм [12].

напряженный период — работа с натуры и обработка путевого материала. При подготовке к походу необходимо было запастись достаточным количеством красок, альбомов и картона, так как пополнить их запасы во время путешествия было невозможно. Староносов сам изготовил специальный дорожный ящик для необходимых в пути инструментов, чтобы в любой момент «зафиксировать случайный интересный и необходимый материал», ничего не упустив в быстро изменяющейся дороге [9, л. 5]. Многие зарисовки он делал, не слезая с лошади, мог «на ходу на узкой горной тропинке на краю пропасти зарисовать идущий перед ним караван экспедиции» [5, с. 48].

Результатом командировки Котова и Староносова стали около 600 этюдов⁴. Из них Староносову принадлежит около 200 художественных работ и 10 альбомов с путевыми зарисовками⁵. Староносов использовал акварель, гуашь и цветной карандаш. За время похода он не сделал ни одного черно-белого рисунка, к доработке своих листов в Москве прибегал лишь в крайнем случае. Котов писал преимущественно масляными красками.

Работая, как правило, плечом к плечу на одних и тех же точках с близких ракурсов, обращаясь к одним и тем же темам, Староносов и Котов создали два совершенно разных образа Памира: лирический и эпически-монументальный. Композиция, колорит, линейная и световоздушная перспектива решены каждым из художников своеобразно. Их сопоставление позволяет выявить специфические приемы, характерные для памирских рисунков художников.

Жанром, которому во время экспедиции отдавали предпочтение и Котов, и Староносов был пейзаж: пустыни на востоке, цветущие долины на юге, горные хребты, ледники и заснеженные перевалы. Причем оба художника воспринимали пейзаж издали, крайне редко

приближая его к зрителю и акцентируя внимание на деталях. Пейзажи у них — это виды, открывающиеся с вершин гор или из долины. Но в то время, как Котов подчеркивал величие памирского пейзажа («Пик ОГПУ», «Пик Ворошилова», «Ледник Абду-Кагор», «Пик Ленина. Алайская долина»), Староносов создал камерные образы, не характерные для эпической природы Памира («Кишлак Нисур»).

В пейзажах оба художника обращались в основном к горизонтальному формату листа. Вертикальный формат все же встречается в памирских пейзажах Староносова. В них художник стремится подчеркнуть высоту ледника или глубину пропасти, через которые совершают опасные переходы альпинисты, как будто зажатые ледяными тисками («Переход через ледяную трещину»). Этому же формату он отдает предпочтение и в серии самостоятельных рисунков, посвященных альпинистам. В таких рисунках лист бумаги остается не закрашенным, но несколькими штрихами карандаша художник намечает уступы скалы, лист превращается в ледник, на который взбираются альпинисты. Староносов стремится уловить их быстрые и ловкие движения, зафиксировать в разнообразных позах. Котов, который придерживался несколько статичной, уравновешенной композиции, горизонтальным форматом подчеркивал монументальность памирских просторов. В целом пространство в пейзажах Котова представляется несколько плоскостным: художник избегал сложных ракурсов и разнонаправленного движения, не всегда ему удавалось построение линейной перспективы. Староносов в этом отношении видится антагонистом Котова. Художник проявляет интерес именно к сложным композиционным решениям, мотивируя это так: «В горах природа составляет все в самых неожиданных композициях и ракурсах: предметы лепятся над тобой поверху и понизу. Решать такие сложные композиционные задачи было моим любимым делом» [16, с. 34–35].

В пейзажах Староносов дополнял широкие полосы гор то диагональю движущегося каравана («Дорога в Мургаб»), то палатками разбитого лагеря и дугой огибающих его верблюдов («Караван»), то живописными руинами («Мазар»). Почти всегда в пейзажи ху-

⁴ Некоторые из рисунков Н. Котова были переработаны им и использованы в качестве иллюстраций воспоминаний П.Н. Лукницкого об экспедициях на Памир [13].

⁵ По некоторым из этих эскизов уже по возвращении в Москву художник изготовил линогравюры («Альпинисты Красной Армии»), выделяющиеся динамикой и сложным композиционным решением. Кроме того, гравюры и рисунки П. Староносова публиковались в качестве книжных иллюстраций [15].

дожников включено изображение людей. Но если Староносов подчеркивает единение человека с природой, то Котов зачастую создает стаффаж для передачи масштаба горных хребтов. А отсутствие каких-либо следов человеческого присутствия в некоторых пейзажах Котова придает созданным им образам природы вневременной, особо величественный характер («Пик ОГПУ»).

Существенный блок экспедиционных произведений Староносова составляли жанровые рисунки и портреты. Художник написал десятки портретов сотрудников памирской экспедиции, киргизских женщин, таджиков, купцов и дехкан, красноармейцев-пограничников. Отдельная серия его рисунков посвящена повседневной жизни обитателей Памира, которая воспринималась им как своеобразный «музей уходящего быта». К бытовому жанру и портрету Котов обращался гораздо реже, чем Староносов. Но и здесь разница в подходах обоих художников очевидна.

Работая в основном маслом, Котов стремился к созданию законченного произведения, построенного по принципу единства места и времени. Он тщательно выстраивает окружающее пространство, в которое помещает своих героев, акцентируя внимание на мельчайших деталях обстановки («Чайхана в Зунге»). Староносов, напротив, отказывается от такой подробной проработки. В его листах, как правило, фигуры заполняют большую часть пространства, едва уместаясь в заданные рамки («Горные таджики», «Афганец», «Памирские женщины»). В работах подобного типа художник не прописывает природное или бытовое окружение, иногда лишь едва намечая условную поверхность земли либо не делая этого вовсе («Всадники на яках»). Его не интересует композиция листа целиком, каждый рисунок на листе существует самостоятельно. Показательный пример — портрет Н.В. Крыленко, который хотя и является, по сути, эскизом его головы, но воспринимается как законченный портрет. Лаконичность в деталях или их полное отсутствие дают возможность сфокусировать внимание зрителя на образе человека. Это принципиальное отличие эскизов и рисунков Староносова от его гравюр с их сложно сконструированным пространством позволяет су-

дить о командировке на Памир, как о самостоятельной вехе в творчестве художника.

Среди памирских рисунков Староносова есть несколько особенно детально проработанных, великолепно выполненных и подвергнутых критике за «театральность и формальную выхолощенность» [17]. К их числу относится «Портрет начальника Т.К.Э. Н.П. Горбунова». Фигура Николая Петровича занимает большую часть вертикально ориентированного листа и дополнена несколькими «говорящими» деталями: правой рукой Горбунов опирается на ледоруб, в левой держит бинокль, через плечо перекинут альпинистский трос, на ногах у него — специальные ботинки. Горбунов возвышается над горными грядками с растущими по склонам деревьями и петляющими тропами. По одной из троп спускается грузовик, по другой поднимается караван. Их разнонаправленное движение разрушает статичность портрета, а широкая диагональ перекинутого через плечо троса уравнивает стремительное движение вверх.

В лучших традициях итальянских портретов эпохи Возрождения главный герой властвует над простирающейся у его ног природой. Ракурс, с которого показан пейзаж, отличается от того, с которого зритель смотрит на начальника Памирской экспедиции: в первом случае — сверху вниз, во втором — со стороны, что подчеркивает монументальность образа. Горные вершины, словно «опрокидывающиеся» на зрителя в нарушение принципов линейной перспективы, напоминают о традиционном жанре китайской живописи «горы и воды», который, вероятно, был известен Староносову по многочисленным репродукциям, изданиям и выставкам дальневосточного искусства.

В схожей манере был написан «Авиапуть». Показанный с высоты «не вошедшего в кадр» самолета, пейзаж создается Староносовым за счет ломаных линий гор и русла реки, бегущей у их подножья. Так формируется основная диагональ: слева снизу — направо вверх, уравновешенная за счет перекрещивающегося с ней движения самолета, который смещен в правый верхний угол. Ассиметричная композиция, разнонаправленные диагонали, эффект случайного фотографического кадра — приемы, которые использует художник для передачи сложного движения.

Староносов избегает статичности и в портретах. Его герои находятся в беспрестанном движении: работают у ткацкого станка, стреляют из лука, едут верхом и пр. Но если явственное движение отсутствует («Афганец»), то потенциальное — наклон корпуса, направленный взгляд — разрушает неподвижность фигуры. Еще один прием, который художник использовал и в пейзаже, — эффект случайного фотографического кадра, когда в формат листа «не вписывается», например, деталь лука, фрагмент подноса или элемент чалмы. В этой связи напрашивается сравнение со среднеазиатскими типами П. Радимова, совершенно застылыми и обездвиженными.

На создание легкого, естественного движения у Староносова работает и штрих цветного карандаша — широкий и короткий, плотный и разреженный, беглый, но продуманный — он моделирует «живую» фактуру поверхности («Жители Горно-Бадахшанской области»). Линия задает ритм, темп движения, подчеркивает его динамику. Кисть с карандашом (сочетание, к которому часто обращался художник) позволяет выявить изменчивое движение: течение воды в реке, движение каравана, склоняющиеся под ветром деревья и т. д. Староносов избегает черного цвета, давая тени по-импрессионистически синими, фиолетовыми, зелеными и коричневыми цветами. Широкие мазки акварелью не воспроизводят мельчайшие узоры платья, но дают о нем явственное представление. Он не злоупотребляет этнографическими мотивами, не создает учебное пособие для изучения одежды, головных уборов и украшений обитателей Памира. Все это в совокупности превращает эскизы и наброски художника в совершенно законченные и самостоятельные произведения искусства, не являющиеся ни этнографической иллюстрацией, ни подготовительной работой к гравюре.

Колористический строй произведений Котова на Памире становится сложнее, тоньше, разнообразнее. В его памирских пейзажах «страшные ледники спускаются между розовых и лиловых вершин, голубеют озера среди вечных снегов и как бы призрачным видением поднимаются Мазары в голубом воздухе на берегах бирюзовых озер» [18, с. 56]. Художник обращается к отдельным импрессионисти-

ческим приемам: работает исключительно на пленере, использует свободный мазок, чистые открытые цвета, отказывается от передачи черных теней («Караван в походе на реку Ак-Су»). В его картонах, наполненных воздухом и светом, передано и ощущение знойного солнца, и вечерних сумерек, и холода ледников.

В произведениях Староносова преобладает линия — тонкая и плотная, мягкая и трепещущая, резкая и округлая. Цвет служит дополнением к линии. Художник предпочитает неяркие пастельные тона, размытые и как будто перетекающие из одного в другой, подчеркивая движение, созданное линией. В карандашных рисунках Староносов часто прибегает к растушевке, внося в графические листы живописные элементы. Использование разнообразной штриховки при работе с цветным карандашом дает ему возможность конструировать пространство и объем, передавать фактуру предметов и, безусловно, отсылает зрителя к его линогравюрам.

Итоги творческой командировки на Памир были подведены в 1933 г. на выставке «Таджикская ССР — Памир», где экспонировались около 500 произведений [8]. Помимо работ П. Староносова и Н. Котова, были представлены рисунки и эскизы В. Каптерева, В. Сидоренко, С. Пескова, фотоэтюды В. Лебедева.

Для художников участие в экспедиции на Памир стало настоящим творческим и жизненным рубежом: с одной стороны — беспрецедентная проверка собственных сил, воли и мужества, с другой — новые художественные впечатления, обусловленные природными особенностями Таджикистана. В горах совершенно иначе выстраивается линейная и световоздушная перспектива, а особенности преломления солнечного света, рефлексии от ледников и скал приводят к специфическому восприятию цвета, обогащенного множеством необычных и непривычных для обитателей восточноевропейской равнины оттенков.

Исчисляемые сотнями рисунки, эскизы и наброски, созданные художниками в творческой командировке на Памир, предоставляют возможность для дальнейшего изучения этой темы, затрудненного сегодня недостаточностью фактического материала. Особенный интерес представляет великолепная графика Пет-

ра Староносова. Однако реконструкция этой выставки и пребывание на Памире других художников требуют отдельного, глубокого исследования.

Список источников

1. Варламова А.А. Опыт первой творческой командировки советских художников // Вестник СПбГУКИ. 2015, № 3 (24). С. 93–98.
2. Варламова А.А. «Наша профессия, а не “миссия” сказывается в поездке в колхозы»: целевая творческая командировка советских художников 1928 г. // Вестник СПбГУКИ. 2016, № 2 (27). С. 153–156.
3. Шанявская А.А. Проблема отражения «второй природы» советскими художниками — участниками целевых творческих командировок 1930–1931 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. Ч. 2. С. 196–199.
4. Шанявская А.А. Целевые творческие командировки советских художников и отечественное искусство 1922–1932 гг. : дис. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2017. 279 с.
5. Сокольников М.П. П.Н. Староносов. Ленинград : Изогиз, 1938. 77 с.
6. Тугендхольд Я.А. О современной живописи // Новый мир. 1926. № 6. С. 168.
7. Луначарский А.В. Об искусстве. В 2 т. Москва : Искусство, 1982. Т. 2. С. 109.
8. Таджикская ССР — Памир : каталог выставки. Москва : Всекохудожник, 1933. 82 с.
9. Записи Котова Николая Георгиевича и неустановленного художника об экспедиции на Памир и списки картин и панно, написанных ими. Присланы Скворцову Александру Митрофановичу для каталога Московской выставки. 1932 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1999. Оп. 1. Ед. хр. 15. 26 л.
10. Котов Н. Знать лицо нашей страны // Творчество. 1934. № 12. С. 5.
11. Староносов П. Шесть месяцев на крыше мира // Творчество. 1934. № 12. С. 10.
12. Ромм М.Д. Штурм пика Сталина. Москва : Молодая гвардия, 1937. 189 с.
13. Лукницкий П.Н. Путешествия по Памиру. Москва : Молодая гвардия, 1955. 501 с.
14. Макаров К.К. Воспоминания и размышления географа. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 116 с.
15. Рудерман М.И. Путешествие за облака. Москва : Дет. лит., 1934. 24 с.
16. Староносов П.Н. Моя жизнь. Автобиография художника. Москва ; Ленинград : Искусство, 1937. 100 с.
17. Сокольников М. На высотах Памира. О выставке во Всекохудожнике // Советское искусство. 1933. № 22 (129). С. 2.
18. Скворцов А.М. Художники в экспедиции // Таджикская ССР — Памир : каталог выставки. Москва : Всекохудожник, 1933. С. 56.

Unknown Pages of Pyotr Staronosov and Nikolay Kotov's Artistic Trip to the Pamir Mountains in 1932

Galina E. Abbasova

Pushkin State Museum of Fine Arts, 12, Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
E-mail: abbasova_galina@mail.ru

Abstract. *The article is dedicated to artistic trips of Soviet painters and graphic artists to Central Asia – a bright and, at present, practically unknown phenomenon of the Soviet Union's artistic life. The arti-*

cle aims to fill, at least in part, the gap existing in the study of the USSR's artistic life of the 1930s. It focuses on the trip of Pyotr Staronosov and Nikolay Kotov, as members of the Academy of Science's expedition to the Pamir Mountains, in 1932. According to previously unpublished archival materials and soviet periodicals, the author reproduces the route of the artists, shows the specifics of creative work in the expedition, describes and analyzes little-known paintings of Pyotr Staronosov and Nikolay Kotov.

The article deals with technical and artistic problems faced by Staronosov and Kotov in the Pamirs: from the choice of tools and paints to the problems of spatial perspective construction and color transfer. The artists' creative experiments were largely due to

the specific nature of the Pamirs: the variety of landscapes with plains and rocks changed the perception of space, and the Eastern sun transformed colors, opening a vast field for experiments with the palette. In addition, the appearance of local residents, their way of life, clothing and jewelry were strikingly different from the European realities. In this regard, the painters were looking for a line between the ethnographic approach and the complete denial of the traditional East, often found among artists and writers of that time.

The article also focuses on the reporting exhibition “Tajik SSR – the Pamirs”, organized on the basis of the artistic trip. Hundreds of drawings and sketches created by the artists during the trip to the Pamirs provide an opportunity for further in-depth research.

Key words: Soviet art, artistic trips, Moscow Organization of the Union of Soviet Artists, reporting exhibitions, Nikolay Kotov, Pyotr Staronosov, Pamir Mountains.

Citation: Abbasova G.E. Unknown Pages of Pyotr Staronosov and Nikolay Kotov's Artistic Trip to the Pamir Mountains in 1932, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 632–639. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-632-639.

References

1. Varlamova A.A. On the Question of the First Creative Target Trip of Soviet Artists, *Vestnik SPbGUKI* [Bulletin of the Saint Petersburg State University of Culture and Arts], 2015, no. 3 (24), pp. 93–98 (in Russ.).
2. Varlamova A.A. “The Trip to the Collective Farms Is our Duty, rather than our Mission”: On the Question of the Creative Target Trip of Soviet Artists in 1928, *Vestnik SPbGUKI* [Bulletin of the Saint Petersburg State University of Culture and Arts], 2016, no. 2 (27), pp. 153–156 (in Russ.).
3. Shanyavskaya A.A. Problem of the “Second Nature” Representation by Soviet Artists – Participants of Target Creative Assignments in 1930–1931, *Istoričeskie, filosofskie, političeskie i yuridičeskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 11, part 2, pp. 196–199 (in Russ.).
4. Shanyavskaya A.A. *Target Artistic Trips of Soviet Artists and the Russian Art of 1922–1932*, Cand. art. diss. St. Petersburg, 2017, 279 p. (in Russ.).
5. Sokolnikov M.P. *P.N. Staronosov*. Leningrad, 1938, 77 p. (in Russ.).
6. Tugendkhold Ya.A. On Modern Painting, *Novyi mir* [New World], 1926, no. 6, pp. 168 (in Russ.).
7. Lunacharsky A.V. *Ob iskusstve. V 2 t.* [On Art. In 2 volumes]. Moscow, 1982, vol. 2, p. 109.
8. *Tajik SSR – the Pamirs: exhibition catalogue*. Moscow, 1933, 82 p. (in Russ.).
9. The Records of Kotov Nikolay Georgyevich and an Unidentified Artist about the Expedition to the Pamirs, and the Lists of Pictures and Panels Painted by Them. Received by Skvortsov Aleksandr Mitrofanovich for the Catalogue of the Moscow Exhibition. 1932, *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Arts], coll. 1999, aids 1, item 15, 26 p. (in Russ.).
10. Kotov N. To Know the Face of our Country, *Tvorchestvo* [Creativity], 1934, no. 12, p. 5 (in Russ.).
11. Staronosov P. Six Months on the Roof of the World, *Tvorchestvo* [Creativity], 1934, no. 12, p. 10 (in Russ.).
12. Romm M.D. *The Assault of Stalin Peak*. Moscow, 1937, 189 p. (in Russ.).
13. Luknitsky P.N. *Travelling through the Pamirs*. Moscow, 1955, 501 p. (in Russ.).
14. Makarov K.K. *Memories and Reflections of a Geographer*. Moscow, 1973, 116 p. (in Russ.).
15. Ruderman M.I. *Travelling beyond the Clouds*. Moscow, 1934, 24 p. (in Russ.).
16. Staronosov P.N. *My Life. The Artist's Autobiography*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1937, 100 p. (in Russ.).
17. Sokolnikov M. At the Heights of the Pamirs. About the Exhibition in Vsekokhudozhnik, *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1933, no. 22 (129), p. 2 (in Russ.).
18. Skvortsov A.M. Artists in the Expedition, *Tadzhikskaya SSR – Pamir: katalog vystavki* [Tajik SSR – the Pamirs: exhibition catalogue]. Moscow, 1933, p. 56 (in Russ.).

ТРЕБОВАНИЯ К ИНФОРМАЦИИ И СТАТЬЯМ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Редакция принимает только оригинальные, не опубликованные ранее научные статьи и иные материалы научного характера по культуре и искусству в соответствии с тематикой основных разделов. Текст статьи направляется через систему электронной редакции на сайте <http://observatoria.rsl.ru> в формате Microsoft Word.

Весь текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 12 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Объем статьи – от 18 до 30 тысяч знаков с пробелами (без учета реферата, ключевых слов, примечаний, списка источников).

СТРУКТУРА ТЕКСТА:

Сведения об авторе/авторах – имя, отчество, фамилия, место работы (в именительном падеже), подразделение, должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты, почтовый адрес организации – размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности.

Индексы УДК и ББК (по Средним таблицам), раскрывающие тематическое содержание статьи.

Название статьи.

Реферат – краткое изложение статьи по следующей структуре: актуальность проблематики и новизна решения, главные содержательные аспекты. Объем – 200–250 слов. Размещается после названия статьи.

Ключевые слова по содержанию статьи

(8–10 слов) размещаются после реферата.

Основной текст статьи желательно разбить на подзаголовки (с подзаголовками).

Список источников (не менее 20 наименований) оформляется в соответствии с принятым стандартом (ГОСТ Р 7.0.5–2008), выносится в конец статьи. Источники даются в порядке упоминания в статье. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница]. При оформлении списка источников автоматическая нумерация текстового редактора не используется.

Примечания нумеруются арабскими цифрами, оформляются как автоматические сноски в конце страницы. Если работа выполнена в рамках гранта РФНФ (или другой организации), эта информация приводится в виде первого примечания к названию статьи.

Подписанные подписи оформляются по схеме: название/номер иллюстрации – пояснения к ней (что/кто изображен, где; для изображений обложек книг и их содержимого – библиографическое описание; и т. п.). Имена файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы предоставляются в электронной форме отдельными файлами через систему электронной редакции как дополнительные материалы в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 400 dpi, не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в Microsoft Word, а также их ксерокопий.

Материалы на английском языке – информация об авторе/авторах (в том числе официальное название учреждения на английском языке), название статьи, реферат, ключевые слова (в том же объеме и порядке, как в русском тексте) – в отдельном файле Microsoft Word через систему электронной редакции как дополнительные материалы. Журнал также публикует список источников на английском языке в целях обеспечения отслеживания цитируемости в международных базах данных. Рекомендации по подготовке раздела References опубликованы на сайте журнала.

Предоставляя свои статьи в журнал, авторы гарантируют, что они обладают исключительными правами на передаваемый для публикации материал, который является их оригинальным, нигде ранее не публиковавшимся произведением. Правовые вопросы, связанные с публикацией в журнале, включая обязательства сторон (автора и издателя), регулируются на основе Публичной оферты и подписанного автором Акцепта.

Полная версия Требований опубликована на сайте журнала: <http://observatoria.rsl.ru/>

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных требований, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ИСКУССТВО

В НОВОМ ФОРМАТЕ

iPad
ВЕРСИЯ ЖУРНАЛА

СКАЧИВАЙТЕ
НОВЫЙ НОМЕР

Available on the
App Store

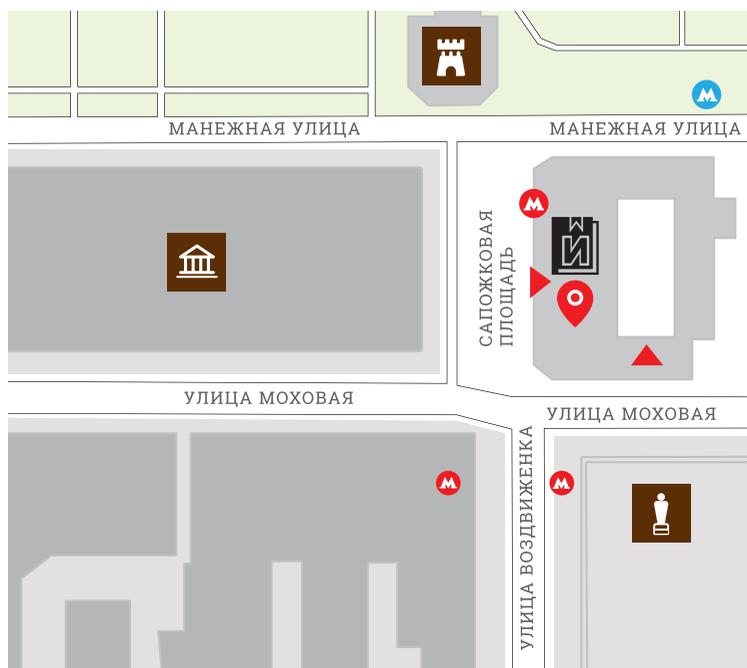

ИМЕНА

КНИЖНЫЙ КЛУБ

ЧТЕНИЕ - РОСКОШЬ, ДОСТУПНАЯ ВСЕМ!

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ЛЕНИНА

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
САД

ПАМЯТНИК
Ф.М. ДОСТОВСКОМУ

МАНЕЖ

КУТАФЬЯ БАШНЯ
ВХОД В МУЗЕЙ
МОСКОВСКОГО
КРЕМЛЯ

ВХОД В МАГАЗИН

ИМЕНА
КНИЖНЫЙ КЛУБ

ВОЗДВИЖЕНКА, Д. 1

ЧАСЫ РАБОТЫ

МАГАЗИНА

(10:00 – 22:00)

8 495 792 21 85

ПЕТРОВЕРИГСКИЙ ПЕРЕУЛОК, Д. 4,
СТРОЕНИЕ 4 (ФИЛИАЛ)

РОССИЙСКОЕ
ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
история.рф

SHOP.HISTRF.RU

[/IMENA_CLUB](https://www.instagram.com/IMENA_CLUB)

[#NAMESBOOKCLUB](https://www.instagram.com/NAMESBOOKCLUB)

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КНИГИ СТАРОГО ДОМА: МИР ДЕТСТВА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Ивановский зал РГБ

23 октября 2018 — 27 января 2019
Воздвиженка 3/5 стр. 7
Вход со Староваганьковского
переулка

Посольство
Федеративной Республики Татарстан
Москва

НЭБ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ОЦИФРОВАННЫЕ ФОНДЫ РОССИЙСКИХ БИБЛИОТЕК НА ОДНОМ ПОРТАЛЕ

<http://нэб.рф>
<http://rusneb.ru>

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЛАССИКА
НОТНЫЕ ИЗДАНИЯ
КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
ПАТЕНТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
ПЕРИОДИКА

ШИРОКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОИСКА
ЗАКЛАДКИ
ЛИЧНЫЕ ПОДБОРКИ
ЦИТАТЫ
ЗАМЕТКИ
ИСТОРИЯ ПОИСКА

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЧИТАЛЬНЫЕ ЗАЛЫ НЭБ ВО ВСЕХ
РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Оператор НЭБ — ФГБУ «Российская государственная библиотека»

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖУРНАЛА «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Журнал «Обсерватория культуры» адресован исследователям, преподавателям и учащимся в сфере культурологии, искусствоведения и философии, а также широкой читательской аудитории.

Журнал в печатной форме распространяется через подписные агентства, его можно приобрести на крупных книжных выставках-ярмарках, в рамках некоторых культурологических конференций, а также в редакции.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА

Приобрести отдельные номера журнала можно в розничном магазине Российской государственной библиотеки по адресу:

Воздвиженка ул., д. 3/5, 1 подъезд.

Не только приобрести отдельные номера, но и оформить договор подписки можно в редакции по адресу:

Воздвиженка ул., д. 1

(вход со стороны ул. Моховая, от поста охраны позвонить).

тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 11-75

e-mail: bvdgovor@rsl.ru

ПОДПИСНЫЕ АГЕНТСТВА

◆ Подписные индексы по Объединенному каталогу «Пресса России» — 12141 (полугодовой), 93613 (годовой).

◆ Подписку на журнал можно оформить через любое подписное агентство, работающее в Вашем регионе.

В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ

Платная полнотекстовая версия журнала «Обсерватория культуры» (в цифровой форме) доступна на сайтах агентств-распространителей. У некоторых есть возможность не только подписки, но и приобретения и последующего скачивания отдельных номеров журналов или статей:

◆ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25173>

◆ East View «Библиотечное дело и информационное обслуживание» (UDB-LIB) <http://ebiblioteka.ru/browse/publication/32347>

◆ Агентство «Книга-Сервис»: «Пресса по подписке» <http://www.akc.ru/rucont/itm/279322/>

◆ Национальный цифровой ресурс Руконт <http://rucont.ru/efd/279322>

Редакция журнала ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Главный редактор

Никонорова Екатерина Васильевна,
доктор философских наук, профессор

Заместитель главного редактора — ответственный секретарь
Шибяева Екатерина Александровна

Заместитель заведующей отделом периодических изданий — заместитель главного редактора
Гаджиева Анна Аркадьевна

Редакторы: Баранчук Е.П.,
Волхонская Е.Н., Михайлова Т.М.,
Рыжкова Н.О., Солдаткина О.П.

Электронная версия
Баранчук Ю.Н.

Индексирование Адаменко А.С.
Перевод: Зуев А.Е., Осецкая Н.С.

Маркетинг и реклама:
Амелина М.Н.

Начальник отдела предпечатной подготовки

Медведева Т.Т.

Верстка Епифанова Н.В.

Дизайн макета Морозова Е.С.

Набор: Медведева М.А., Подоляк Н.В.

Технический редактор Соловьева Н.В.

Корректоры: Дедова Н.В.,
Коршунова Г.В., Макаров А.Н.

Адрес Редакции:

Отдел периодических изданий
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия,
тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 11-75
e-mail: observatoria@rsl.ru
<http://observatoria.rsl.ru>

Чтобы перейти на сайт журнала, снимите этот QR-код с помощью смартфона или планшета, предварительно установив приложение типа QR Code Reader.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77С16687 от 10 ноября 2003 г.
Издается с 2004 г.

Учредитель и издатель

ФГБУ «Российская государственная библиотека»
Подписано в печать 14.12.2018
Формат 60×90/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 16. Тираж 350 экз.
Гарнитура: «Octava», «Helios»

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит» Чернышевского ул., д. 88,
Саратов, 410004, Россия
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru <http://amirit.ru>
Заказ №

Свободная цена.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов статей и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных. Все права защищены, перепечатка статей (полная или частичная) допускается при условии письменного разрешения редакции.

ISSN 2072-3156 (PRINT)
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15

5/2018

OBSERVATORY
OF CULTURE

